

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

**РОЛЬ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ
СООБЩЕСТВ В ФОРМИРОВАНИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 32
ББК 66.0
Р 68

ИНИОН РАН

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел политической науки

Исследование проведено при поддержке Российского
гуманитарного научного фонда, грант № 13-03-00553 а.

Р 68 Роль экспертно-аналитических сообществ в форми-
ровании общественной повестки дня в современной
России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-
информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред. Малино-
ва О.Ю. – М., 2017. –182 с. – (Серия.: Политология).
ISBN 978-5-248-00834-6

Анализируется роль экспертно-аналитических сообществ в определении основных проблем внутренней и внешней политики России. Рассматривается спектр подходов, представленных в публичных выступлениях носителей профессионального знания. Особое внимание уделяется анализу дискурсивных практик и идеологическим функциям экспертных сообществ.

Для научных сотрудников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

УДК 32
ББК 66.0

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О.Ю. Малинова. Экспертно-аналитические сообщества и формирование общественной повестки дня: Задачи исследовательского проекта</i>	4
<i>А.Н. Кулик. Политические реформы в либеральном модернизационном дискурсе современной России</i>	12
<i>Д.В. Ефременко. Экспертно-аналитические сообщества и российская внешняя политика</i>	32
<i>О.Ю. Малинова. Экспертно-аналитические организации и идеологическая конкуренция в современной России</i>	50
<i>Я.М. Щукин. Конструирование «среднего класса» в опросах общественного мнения</i>	71
<i>О.Ю. Малинова, В.Н. Ефремова. Политические эксперты и «средний класс»: Эволюция медийного дискурса</i>	88
<i>В.Н. Ефремова. Экспертные рейтинги как инструменты информационной политики: К вопросу оценки деятельности глав регионов в современной России</i>	103
<i>А.И. Миллер. Политика памяти в России: Роль экспертных сообществ</i>	115
<i>О.Ю. Малинова. Сравнительный анализ репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ</i>	140
<i>Заключение</i>	151

О.Ю. Малинова

**ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА
И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ:
ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА**

Производство идей является существенным условием политики в эпоху Модерна, ибо в современных политиях принятие политических решений предполагает постоянную публичную коммуникацию по поводу их объяснения и оправдания. Такой формат политического был обусловлен развитием институтов разделения властей, парламента и прессы, которые стимулировали выработку «публичных идей», увязывающих политический курс с тем или иным пониманием общественных и / или групповых интересов. Однако публичная сфера как социальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются общественно значимые проблемы, формируется во всех модернизирующихся обществах – не только там, где складываются устойчивые демократические институты. Другими словами, не только там, где у правящих есть институциональные стимулы для артикуляции идей в контексте объяснения принимаемых решений управляемым, перед которыми они ответственны.

Этим обусловлена особая роль групп, профессионально занимающихся интеллектуальной деятельностью, в формировании *общественной повестки дня* – определении круга и способов постановки значимых проблем, выработке и обосновании конкурирующих подходов к их решению и прогнозировании возможных последствий. Качество публичной повестки зависит от наличия общественного диалога. Поскольку участие в таком диалоге требует не только доступа к релевантным публичным аренам, но и определенной компетенции, традиционно значимую роль в нем играют группы, профессионально занимающиеся интеллектуаль-

ной деятельностью – «эксперты» и «публичные интеллектуалы». Эти группы представлены специалистами различного профиля и имеют сложную сетевую структуру. Объектом нашего исследования является участие представителей социально-научного и гуманитарного знания в определении круга и способов постановки значимых проблем, а также в выработке и обосновании конкурирующих подходов к их решению и прогнозировании возможных последствий. Деятельность такого рода может быть обращена как непосредственно к лицам, принимающим властные решения, так и к широкому кругу участников публичного пространства.

В первом случае производство смыслов сопряжено с выполнением собственно *экспертных функций*, т.е. использованием профессионального (или иного уникального) знания для выработки рекомендаций, снижающих степень неопределенности при принятии решений. Большинство определений понятия «эксперт» подчеркивают связь экспертной деятельности с функцией принятия решений (которая может осуществляться как представителями власти, так и политическими партиями, общественными организациями или ассоциациями бизнеса). Экспертная деятельность может протекать как в публичном, так и в непубличном режиме. Следует отметить, что весьма значительная часть исследований, посвященных роли носителей профессионального знания в политическом процессе, сосредоточены именно на деятельности экспертных структур, нацеленных на внедрение результатов своих и чужих исследований в публичную практику [Аналитические сообщества... 2012; Зайцев, 2009; 2011; Сунгуров и др., 2012 а; 2012 б; 2013; Сунгуров, 2015 и др.]. Вместе с тем в силу отмеченной выше особенности современного политического процесса не менее значимой функцией интеллектуалов является *формулировка общественно-значимых проблем и легитимация или делегитимация обсуждаемых и принимаемых решений*; эта функция связана с участием в дискуссиях, открытых для широкой публики. Имея в виду оба аспекта участия носителей профессиональных знаний в политическом процессе, мы будем говорить об «экспертно-аналитических сообществах». Рассматривая практики такого участия, мы будем различать деятельность, связанную с экспертным обеспечением принятия политических решений, и деятельность, направленную на формирование общественного мнения.

Предполагается, что вторая функция особенно важна для демократий, поскольку она способствует достижению гражданами «просвещенного понимания» вопросов, по которым принимаются

властные решения [Даль, 2003, с. 166–167]. Однако она является значимой и для недемократических режимов: последние также нуждаются не только в экспертном сопровождении процесса принятия решений, но и в их легитимации авторитетом профессионального знания. Хотя носители такого знания играют важную роль в формировании общественной повестки дня во всех современных обществах, форматы ее реализации зависят от особенностей конфигурации политической системы и сложившихся практик политической коммуникации.

В современной России ключевым актором, определяющим политическую повестку дня, безусловно является власть. Тем не менее участие в этом процессе носителей профессионального знания также весьма заметно. С одной стороны, оно оказывается востребованным в силу высокого уровня неопределенности, обусловленной динамизмом политических и экономических процессов в стране и в мире, а с другой – в какой-то мере компенсирует недостаток активности других акторов, в частности политических партий.

С начала 2000-х годов Администрация Президента демонстрировала заинтересованность в привлечении экспертов к обсуждению готовящихся решений, прежде всего – экономических, чем стимулировала предложение на рынке консалтинговых услуг и аналитических разработок. Некоторые из ныне активных организаций – Центр стратегических разработок (ЦСР), Институт общественного проектирования (ИноП), Институт современного развития (ИнСОП) и др., – были созданы при В.В. Путине и Д.А. Медведеве под конкретные задачи, связанные с разработкой и экспертным сопровождением правительственного курса. Участвовали в этом процессе и другие аналитические центры. В разные годы с Администрацией Президента активно сотрудничали Фонд эффективной политики (ФЭП), Центр политических технологий (ЦПТ), ИноП, Центр политической конъюнктуры России (ЦПКР), позже – ИнСОП и др.; эволюционировали и форматы взаимодействия¹.

В 2008–2011 гг., когда власть оказалась представлена двумя лидерами, роль экспертно-аналитических сообществ в формирова-

¹ Попытка обобщения опыта деятельности российских «фабрик мысли», была предпринята исследователями из НИУ-ВШЭ [см.: Сунгуров и др., 2012 b]. Любопытные наблюдения о практике взаимодействия власти и экспертно-аналитических центров также собраны журналистами издательского дома «Коммерсантъ» [см.: Сурначева, Габуев, 2012] и сетевого издания «TheInsider» [Консерваторы на аутсорсинге... 2014].

нии общественной повестки дня заметно возросла, что было обусловлено, с одной стороны, необходимостью содержательной проработки курса на «модернизацию», заявленного президентом Д.А. Медведевым без готовой программы [Малинова, 2012], с другой – латентными различиями в подходах участников властного «тандема», которые по политическим соображениям не могли быть заявлены открыто, но имели важное значение для структурирования общественных дискуссий.

Политическая турбулентность 2011–2012 гг., обусловленная думской, а затем президентской избирательной кампанией (последняя проходила на фоне волны протестного движения), создала новые стимулы для активности экспертных центров. В 2011–2013 гг. они активно включились в выработку нового политического курса, причем к уже существующим экспертно-аналитическим структурам добавились новые, ориентированные на поддержку как правительственной, так и оппозиционной линии. Таким образом, можно говорить о формировании своеобразного «спектра» экспертно-аналитических организаций с разными политико-идеологическими ориентациями. Вместе с тем по мере того как политический курс В.В. Путина обретал более определенную направленность и особенно – в контексте украинского кризиса и «войны санкций» складывалась очевидная асимметрия возможностей влияния экспертно-аналитических сообществ, принадлежащих к разным идеологическим сегментам.

Столь очевидная эволюция контекста, в котором формируется общественная повестка дня, побуждает более внимательно присмотреться к участию в этом процессе представителей экспертно-аналитических сообществ. Целью коллективного исследовательского проекта, продуктом которого является настоящий сборник, было *изучение роли носителей профессионального знания в структурировании общественных дискуссий, особенностей коммуникации на разных публичных аренах, а также специфики складывающихся дискурсивных практик обсуждения общественно-значимых проблем.*

Роль интеллектуалов (интеллигенции, образованного класса) в публичной политике является предметом изучения политической науки и социологии на протяжении долгого времени. Данная проблема включает множество аспектов, что нашло отражение в широком наборе понятий, используемых для описания и анализа различных типов организаций и структур, осуществляющих функцию трансформации профессионального знания в область публичной

практики: интеллектуальные, экспертные, аналитические, эпистемологические сообщества, аналитические центры, фабрики мысли, think-tanks, центры публичной политики и др. Авторы коллективной монографии, подготовленной для серии «Библиотека РАПН», предлагают использовать в качестве наиболее общего понятия для описания этого типа организаций словосочетание «аналитические сообщества» [Аналитические сообщества... 2012, с. 16]. В рамках нашего исследовательского проекта предпочтение было отдано терминам «экспертно-аналитические сообщества», «экспертно-аналитические организации», которые наиболее точно описывают интересующие нас функции групп, профессионально занимающихся интеллектуальной деятельностью, – их участие в структурировании политических дискуссий и формировании общественной повестки дня.

Существует обширная литература, посвященная исследованиям различного рода экспертных и аналитических организаций¹ и их роли в политическом процессе. Наряду с классическими работами зарубежных авторов [Naas, 1992; Stone, Denhem, 2004 и др.] имеется значительное количество трудов российских политологов, анализирующих данную проблему как на национальном уровне, так и на уровне отдельных регионов [Римский, Сунгуров, 2002; Сунгуров и др., 2012 а; 2012 б; Сунгуров, 1999; 2005; 2015; Аналитические сообщества... 2013; Zaytsev, 2012; Зайцев, 2008; 2012; Беляева, 2011; Зайцев, Беляева, 2008; 2009; Никовская, Якимец, 2011; Сморгун, 2001; 2003; 2011; Морозова, 2010; 2012; Морозова, Мирошниченко, 2011; Петров, Титков, 2013; Титков, 2003; 2012; Макарычев, 1999; 2003; 2006; Дахин, Макарычев, 2006; Шлосберг, 2003; Экспертиза... 2006 и др.], а также в сравнительном ракурсе [Перегудов, Лапина, Семененко, 1999; Перегудов, Семененко, 2008; Перегудов, 2003; Амелин, Дегтярев, 1998; Дегтярев, 2003; 2004]. В меньшей степени предметом анализа был дискурс экспертно-аналитических сообществ и связанные с ним коммуникативные практики. Вместе с тем и здесь можно отметить отдельные работы О.Б. Подвинцева [Подвинцев, 2009 б], О.Ю. Малиновой [Малинова, 2006], А.П. Кочеткова [Кочетков, 2009; 2011], а также коллективную монографию «Идейно-символическое пространство постсоветской России» [Идейно-символическое... 2011].

¹ Для их обозначения существуют разные термины – «think-tanks», «аналитические центры», «фабрики мысли», «мозговые тресты», «центры публичной политики», «экспертные или аналитические сообщества», «исследовательские центры» и др.

Наш подход к постановке проблемы находится на пересечении двух предметных полей: 1) поля публичной политики, в рамках которого роль экспертно-аналитических сообществ рассматривается в контексте изучения механизмов артикуляции и агрегирования интересов; 2) поля политической коммуникации, логика которого побуждает исследователей сосредотачивать основное внимание на действиях профессиональных политиков. Представляется, что выбранный ракурс анализа дает возможность дополнить имеющиеся исследования роли экспертных сообществ в России, которые в большей степени сосредоточены на изучении развития организаций и практик, содержательным анализом экспертных дискурсов. Вместе с тем предлагаемый нами проект позволяет лучше понять роль носителей профессионального знания в политических коммуникациях и в частности – эмпирически проверить предположение И.С. Семененко о том, что «в формировании повестки дня публичной политики участвует очень ограниченный круг консолидированных вокруг конкретной политической инициативы либо определенной повестки дня интеллектуальных сообществ» [Аналитические сообщества... 2012, с. 35].

Статьи, собранные в настоящем сборнике, посвящены проблеме участия профессиональных аналитических сообществ в формировании общественной повестки дня в современной России. Опираясь на уже имеющиеся исследования развития аналитических и экспертных организаций и особенностей их взаимодействия с властью и гражданским обществом, их авторы фокусируются на изучении содержания экспертных дискурсов, адресованных широкой публике. Предметом нашего анализа является спектр подходов, представленных в публичных выступлениях носителей профессионального знания, посвященных ключевым вопросам общественной повестки дня – политическим реформам, определению краткосрочных и долгосрочных приоритетов российской внешней политики, оценке динамики социальной структуры российского общества, а также проблемам исторической политики. Выбор предметных полей определяется, с одной стороны, их значимостью для общественной повестки дня, с другой стороны, квалификацией участников проекта. Мы видим свою задачу не столько в описании всего спектра проблем, по которым высказываются представители экспертно-аналитических сообществ, сколько в «картографировании» дискурсивного пространства на примерах нескольких ключевых проблем, а также в анализе складывающихся дискурсивных практик.

Сборник открывает статья *А.Н. Кулика*, посвященная анализу дискуссий о роли политических реформ в российских программах модернизации в либеральном сегменте экспертного сообщества. Рассматривая историю подготовки экспертами «стратегий» модернизации России, автор приходит к выводу, что эти документы не смогли должным образом повлиять на политику, проводимую властью. По его мнению, это объясняется тем, что гражданское общество не имеет институционализированных способов участия в процессе формирования повестки дня через разработку стратегических документов в качестве равноправного партнера государства.

Тему взаимодействия государства и экспертного сообщества продолжает статья *Д.В. Ефременко*, в которой рассматриваются публичные экспертные дискуссии по проблемам российской внешней политики и международной безопасности, причем существенное внимание уделяется взаимоотношениям между мозговыми центрами, политическими институтами, группами интересов и гражданским обществом. Отмечая нетерпимость к плюрализму экспертных оценок, нарастающую в определенных кругах, автор подчеркивает, что ограничение экспертной деятельности жесткими идеологическими рамками, а также сокращение возможностей для взаимодействия властных структур с экспертным сообществом довольно быстро может привести к снижению качества политических решений.

О.Ю. Малинова анализирует участие экспертных сообществ в формировании общественной повестки дня в контексте изменений условий выработки политического курса в 2008–2016 гг. Автор приходит к выводу, что в силу скудости предложения внятно сформулированных политических альтернатив, слабости партий, особенностей медиасистемы, а также динамики установок власти и экспертного сообщества на взаимодействие начиная с 2008 г. экспертные организации в России превращаются в ведущих игроков идейно-символического поля, способствуя его более четкому структурированию.

Социальным аспектам проблемы модернизации российского общества посвящены две статьи, сосредоточенные на теме «среднего класса». *Я.М. Щукин* показывает, как повлияла на воображение новой социальной группы деятельность социологических центров, проводящих опросы общественного мнения. *О.Ю. Малинова* и *В.Н. Ефремова* анализируют динамику экспертных дискуссий о «среднем классе» в 2008–2012 гг. Авторы приходят к выводу, что, выполняя заказ на исследование факторов роста среднего класса,

заявленного в качестве официальной цели государственной политики, представители ряда московских экспертных организаций внесли заметный вклад в формирование представлений читающей публики об этой группе и тем самым – в ее социальное конструирование. Однако после возвращения В. Путина к исполнению обязанностей президента тема среднего класса постепенно отошла на второй план, что отражает соотношение ролей власти и экспертных сообществ в ее развитии.

В статье В.Н. Ефремовой рассматриваются медийные репрезентации экспертных рейтингов, посвященных оценке деятельности глав субъектов регионов в современной России, в которых она видит, с одной стороны, определенный этап в эволюции системы оценки эффективности губернаторского корпуса, а с другой – фактор политической значимости экспертных организаций, занимающихся составлением таких рейтингов. Анализируя особенности применяемых ими методик, автор приходит к выводу, что экспертные организации становятся проводниками решений, принимаемых властью.

А.И. Миллер предлагает обстоятельный анализ взаимодействия экспертных сообществ историков с властью на поле исторической политики. Он показывает, как «окна возможностей», возникшие в период политической турбулентности в 2011–2013 гг., в условиях украинского кризиса и «войны санкций» оказались свернуты.

Сборник завершает статья *О.Ю. Малиновой*, в которой публикуются результаты анализа профессиональных профилей экспертов, представляющих сообщества «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ.

А.Н. Кулик

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ЛИБЕРАЛЬНОМ
МОДЕРНИЗАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Тема модернизации и роли в ней политических реформ на протяжении многих лет прочно занимает ведущее место в отечественном академическом и экспертно-аналитическом дискурсе.

Еще в годы горбачевских *ускорения и перестройки* 1980-х – начала 1990-х годов глубокие изменения в социально-политической, экономической и культурной жизни страны актуализировали интерес академического сообщества к проблемам модернизации. Как справедливо отметила Юлия Дунаева, автор обзора научных публикаций, посвященных этой проблематике, характерным моментом *модернизационного дискурса* того времени в отечественной науке стала «жесткая взаимосвязь между интерпретациями термина *модернизация* и состоянием российского общества» [Дунаева, 2003].

С течением времени на смену многовариантности в определении содержания понятия, обозначаемого этим термином, и попыткам вписать его в различные «цивилизационные», «экономические», «культурологические» контексты пришло восприятие модернизации как процесса, охватывающего все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную; любые значимые изменения в этих сферах взаимосвязаны. Так авторы коллективного исследования Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН определяют модернизацию как «многомерную трансформацию общества и государства, вызываемую потребностью их адаптации к меняющимся условиям пространства и времени» [Модернизация и политика в XXI веке, 2011].

Такая интерпретация понятия модернизации имплицитно основывается на системном подходе к исследованию общества, разработанном отечественной научной школой «Философия и методология системных исследований» еще в советские 1960-е годы [Блауберг, Юдин, 1973]. В нем общество рассматривается как открытая саморегулируемая социальная система, способная функционировать и развиваться благодаря приспособительному взаимодействию со своим окружением на основе обратной связи¹. С позиций системного подхода модернизация предстает как естественное движение динамической системы под воздействием возмущающих эндогенных факторов и факторов внешней среды, направленное на сохранение ею интегральной целостности и устойчивости, а политические реформы в России – как составляющая комплекса проблем российского проекта модернизации.

В современных исследованиях проблемы политической модернизации в России часто напрямую связываются с представлениями о стратегии развития государства и общества в целом, о его целях, определяемых национальной повесткой дня. Как указывают авторы доклада «*Стратегия – XXI: версия для обсуждения*», подготовленного в январе 2014 г. Советом по внешней и оборонной политике, в России наметилось восемь основных тенденций, в рамках которых осуществляется поиск идентичности и стратегии развития [Стратегия – XXI, 2014, с. 11]. Однако, с известной долей условности, в российском либеральном модернизационном дискурсе можно выделить два доминирующих принципиальных подхода к политическим реформам² – ценностно-ориентированный, в

¹ В системном представлении общество как большая система существует в единстве множества элементов (подсистем) и упорядоченной совокупности относительно устойчивых связей между ними (формы), интегрирующей их в целостное образование. Часть и целое в системе *едины*, что означает, что свойства и отношения каждого элемента (включая политическую подсистему) определяются его местом в обществе, а элементы в совокупности своих свойств и отношений определяют свойства общества как целого. Система – функциональна, она стремится к определенной *цели*, своему *будущему состоянию*. Для социальной системы этот признак является доминирующим, цель в значительной степени предопределяет ее поведение [Блауберг, 1973]. Применение системного подхода в анализе объектов различной природы, включая социальные системы, рассматривается, в частности, в [Малин, 2002]. Попытка использования системного подхода в исследовании проблем российской политики представлена в [Кулик, 1998].

² В конкретных исследованиях, как правило, можно обнаружить присутствие того и другого, но акцент в них ставится по-разному, в зависимости от предпочтений и часто от профессиональной принадлежности экспертов.

котором демократизация выступает прежде всего как самоочевидная, самодостаточная ценность, и «рациональный» целеориентированный, где демократизация рассматривается скорее как условие и средство экономической и технологической модернизации.

Метафорой первого, к которому тяготеет гуманитарное экспертно-академическое сообщество, может служить получившая широкую известность декларация Дмитрия Медведева «Свобода лучше несвободы»¹. Институт современного развития (ИНСОР), созданный под президентство Д. Медведева, опубликовал в 2008 г. доклад «Демократия: развитие российской модели», подготовленный авторитетной группой экспертов института и Центра политических технологий [Демократия... 2008]. В нем демократизация представлена как императив модернизации.

Мощный импульс либеральному дискурсу политической модернизации дала статья «Россия вперед!». В ней Д. Медведев раскритиковал за низкое качество демократических институтов систему правления, созданную Владимиром Путиным, чьим преемником он стал на посту президента, и, высказав убеждение, что «Россия может развиваться по демократическому пути», а ее политическая система — стать «предельно открытой, гибкой и внутренне сложной», призвал общество к участию в широкой дискуссии и к сотрудничеству по стратегическим задачам развития страны [Медведев, 2009].

В 2007 г. политолог Андрей Окара назвал «отсутствие большого системного проекта модернизации страны, а также “непроговоренность” и “недоговоренность” “курса Путина” — недостаточную зафиксированность в словах, идеологемах и образах его целей и сокровенного смысла» едва ли не самыми большими проблемами России [Окара, 2007]. Появление в 2009 г. статьи Д. Медведева и обещание президента, что высказанные оценки и предложения будут учтены при разработке «практических планов развития нашего государства» экспертно-аналитические сообщества восприняли как запрос на модернизационный проект. У них появилось ощущение, что они востребованы властью в качестве субъекта модернизации, ее интеллектуального обеспечения [Перенджиев, 2011].

¹ Выступая на пятом экономическом форуме в Красноярске в феврале 2008 г., он заявил, что этот принцип должен лежать в основе российской политики [Медведев, 2008]. Уже в качестве Президента РФ Д. Медведев повторил свое программное заявление на расширенном заседании Государственного совета в апреле 2012 г. [Злобин, 2012].

В дискуссию включились ведущие экспертно-аналитические структуры, в числе которых – Институт национальной стратегии, Институт проблем глобализации и другие. Они представили свои проекты модернизации. ИНСОП вынес на общественное обсуждение независимый экспертный доклад *«Модернизация России как построение нового государства»* [Модернизация России... 2009].

Однако если Д. Медведев в своей программной статье на первое место поставил экономическую и технологическую модернизацию, которые должны стать катализатором изменений в политической сфере, то в докладе ИНСОП модернизация рассматривается, прежде всего, как *политическая реформация* страны. В начале 2010 г. ИНСОП в развитие этого доклада подготовил свой следующий текст *«Россия XXI века: образ желаемого завтра»*, в котором попытался восполнить недостаток стратегического целеполагания в модернизационном дискурсе и задать ориентиры для выбора направления развития страны. В докладе постулируется: обязательной составляющей модернизации становится обновление политической системы [Россия XIX века... 2010]. Один из авторов доклада Борис Макаренко¹, представляя его на научном семинаре Фонда Либеральная миссия, сослался как на аксиому на то, что «модернизация – это вообще не про экономику и не про технологии, они лишь средства модернизации. Она представляет собой политический процесс» [Макаренко, 2010].

Научно-образовательное сообщество откликнулось на призыв президента к участию в дискуссии и сотрудничеству многочисленными публикациями в научных журналах и выступлениями публичных интеллектуалов, проведением множества конференций, посвященных различным аспектам модернизации².

В *«Открытом письме»* группы экспертов Президенту Д. Медведеву, опубликованном на портале социальной сети LIBERTY.RU/СВОБОДНЫЙ МИР (проект Фонда эффективной политики), утверждается, что «Никакая модернизация в России не будет успешной, если она не затронет политические институты и сферу принятия государственных решений. Более того, модерни-

¹ Председатель Правления Центра политических технологий, директор общественно-политических программ развития ИНСОП.

² Так, в сообщениях только одной конференции, *Политические институты в современном мире*, состоявшейся в декабре 2010 г. в Санкт-Петербургском государственном университете, модернизация в качестве предмета исследования фигурирует 226 раз [Политические институты... 2010].

зация политической системы является решающим условием для стабильности государства в ближайшем будущем» [Как нам модернизировать... 2010].

В аналитическом докладе *«Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее»*, подготовленном группой авторитетных независимых российских экспертов по инициативе «Программы развития ООН», указывается на необходимость перестройки механизмов и институтов государства. Постиндустриальная модернизация в России, чтобы быть успешной, должна одновременно охватывать экономическую, политическую и социальную сферы. Одним из главных приоритетов государства для ее осуществления должно стать повышение эффективности функционирования институтов политической демократии и правоприменения. «Экономическая политика не даст должного результата, и даже самое лучшее экономическое законодательство останется пустым звуком, если не будет сильных и уважаемых судов, принимающих справедливые решения; пользующихся доверием общества органов правопорядка, обеспечивающих реализацию принятых законов и судебных решений; средств массовой информации, обеспечивающих общественный контроль за деятельностью институтов государственной власти», – говорится в докладе [Цели развития... 2010].

В преддверии президентских выборов, за девять месяцев до рокировки тандема ИНСОР проводит презентацию еще одного аналитического доклада – *«Обретение будущего: стратегия 2012»*, который представляет в качестве наказа будущему президенту от общества «как сделать модернизацию страны необратимой и, главное, успешной». В нем модернизация рассматривается как «проект национального спасения»¹, а ценности свободы и достоинства – как «единственный рецепт сохранения России, обеспечения перспектив ее развития». Ключевую задачу реконструкции политических институтов авторы доклада видят в приведении политической системы в соответствие с духом и буквой Конституции, что в их представлении означает: «отказ от неконституционных практик “управления” демократией; тотальное возвращение

¹ Евгений Гонтмахер, заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений РАН, член Правления Института современного развития), выступая на обсуждении доклада, заявил: «Основная мысль нашего доклада – если мы не будем проводить модернизацию, то мы, к сожалению, можем потерять страну» [Конференция «Обретение будущего...», 2011].

института выборов на всех этажах политической системы; отделение представительной и судебной власти от исполнительной; установление режима политической и коммуникативной свободы с помощью интенсивного развития институтов прямой демократии и гражданского общества» [Обретение будущего... 2011]¹.

Возможно, данное направление модернизационного дискурса получило бы дальнейшее развитие в случае переизбрания Д. Медведева на пост президента РФ на второй срок, но с объявлением 24 сентября 2011 г. кандидатом от «Единой России» В. Путина стало ясно, что он возвращается, как минимум на шесть лет. В апостериорной оценке экспертно-аналитического сообщества тандем оказался политехнологическим приемом, использованным для того, чтобы В. Путин оставался наверху на время президентства Медведева, а публичная модернизационная риторика последнего обернулось политическим фейком. Оценивая итоги правления Д. Медведева, президент Национального союза политологов приходит к выводу, что тот принципиально ничего не хотел менять [Медведев, 2011]. Некоторые либеральные новации в законодательстве о партиях и выборах не затронули сущности моноцентрического политического режима.

С возвращением В. Путина на третий срок на пост президента на фоне протестных выступлений оппозиции конца 2011 – начала 2012 г. усилились консервативные тенденции в российской политике, и ориентация на стабильность как неизменность политического статус-кво сменила в дискурсе власти стремление к политическим переменам, продекларированное Д. Медведевым.

Любые реформы, включая политические, – это, прежде всего, инструмент достижения определенных целей, заявленных властью, понятных обществу и поддержанных им. Вне внятной стратегической цели / целей существования и развития страны, модернизация как политический проект не имеет шансов на успех.

¹ Спустя несколько лет об этом же говорит Андрей Колесников: «Реформы при нынешнем политическом режиме в России невозможны, потому что базовая рамка преобразований – это работающие институты, а среда, способствующая реализации реформаторских начинаний, – политическая демократия. ...Политическая реформа означает фактическое возвращение политической системы России к конституционной рамке; избавление от репрессивных и рестриктивных, антиправовых по своей сути законодательства и правоприменения; обеспечение гарантий права собственности; формирование условий для свободного волеизъявления граждан и представительства всех социальных слоев, а не только тех, кто готов поддерживать власть» [Колесников, 2015 с.].

В 2011 г. участники исследования дискурса власти и оппозиции пришли к заключению, что российское общество не получило ответа на вопрос: каковы его политические цели и ценности [Политический дискурс власти и оппозиции, 2011]. Но и сейчас, как считает А. Колесников¹, российская власть не имеет цели и образа желаемого будущего. Отсутствие у нее стратегии связано с тем, что практически все ее действия мотивированы почти исключительно стремлением сохранить нынешние элиты у власти и законсервировать ее сегодняшнюю модель – «авторитарной, имитирующей демократические процедуры, стимулирующей пропагандистскими методами агрессивные националистические настроения». Он считает, что никто – ни население, ни сам глава персоналистского режима, сформированного в России, – «не хочет никаких реформ – в том числе политических, от которых на самом деле зависит собственно реализуемость экономических преобразований» [Колесников, 2015 а].

Об отсутствии у власти и общества представления о будущем говорит директор аналитического «Левада-центра» Лев Гудков: «Реально в стране и обществе, и это следствие авторитарного режима, стерилизующего, кастрирующего политику, то, что исчезла идея будущего. Никто не знает. И никто даже не задумывается. В лучшем случае, говорят о катастрофизме»² [Проект «Российская элита...», 2014]. К тому же выводу пришла Ежегодная конференция «Левада-центра»: «Россияне испытывают кризис восприятия реальности: представление о том, куда движется страна, утратили и элиты, и общество» [Мухаметшина, 2016].

Но критика режима за отсутствие образа желаемого будущего как цели реформ идет не только со стороны экспертов либеральной ориентации. Так, весьма категорично на этот счет выразился Степан Сулакшин – генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии, отрицающего либеральную мо-

¹ Руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания «Газета. Ru», член правления Фонда Егора Гайдара.

² 5 сентября 2016 года Министерство юстиции РФ внесло «Левада-центр» в реестр организаций, выполняющих функции иностранных агентов. Л. Гудков видит причину в том, что «Объективные и проверяемые данные о состоянии общества и общественного мнения в стране, особенно в ситуациях резких переломов и кризисов, вызывают острую и болезненную реакцию у ангажированных политиков, чиновников, идеологов, поскольку представляемый социологами диагноз и картина общества расходится с их ожиданиями и политическим интересами [Гудков, 2016].

дель развития для России: «Ну, на самом деле, задаешься вопросом: “А в чем смысл жизни современной России? В чем ее высшие ценности? В чем ее цели? В чем ее стратегии? Куда страна идет? Что впереди?”. Ведь должно быть написано где-то в официальных документах, в Послании Президента должно быть сказано, куда страна идет... Так нет ее, цели» [Сулакшин, 2016].

Совет по внешней и оборонной политике, авторитетная неправительственная организация, стремящаяся выполнять функцию форума по жизненно важным проблемам России, включая и те, что выходят за рамки чисто внешнеполитической и оборонной проблематики, в январе 2014 г. разместил на своем сайте доклад «*Стратегия XXI (Версия для обсуждения)*» [Стратегия – XXI, 2014]. Доклад был подготовлен по результатам дискуссий, в которых приняли участие около двухсот интеллектуалов и политиков *самой разной идейной ориентации*, а также с учетом работ еще более широкого круга ученых и экспертов. Его можно считать продуктом консенсусного модернизационного дискурса российского экспертно-аналитического сообщества образца 2013 г.¹

В преамбуле «*Стратегии*» констатируется, что уже несколько лет Россия пребывает в экономическом и главное – морально-интеллектуальном застое, способном переродиться в деградацию. При продолжении наметившихся тенденций страна обречена на стагнацию, отставание и утерю статуса одной из немногих великих суверенных держав. В отсутствие эффективной стратегии развития, «позитивной повестки дня, предлагаемой властью, или вообще кем бы то ни было», на которое указывают авторы проекта, они предлагают свою «реалистическую стратегию развития страны и общества», не являющуюся «ни правой, ни левой, ни провластной, ни оппозиционной».

В разделе, посвященном развитию институтов политической системы², сама эта система рассматривается как инструмент,

¹ Главы доклада «Стратегии XXI» вырабатывались на основе серий обсуждений, ситанализов с вовлечением почти двухсот экспертов, ученых, общественных деятелей, ведущих практиков. Подготовке каждой главы доклада предшествовала работа по анализу всех основных публикаций, в том числе государственных документов по теме.

² Подготовлен по результатам ситуационного анализа «Модернизация политической системы России», проведенного 17 апреля 2013 г. в Москве с участием экспертно-аналитического и научно-образовательного сообщества. Основной автор – Станислав Каспэ, профессор НГУ-ВШЭ, председатель Редакционного совета журнала «Полития».

функция и миссия которого – «способствовать развитию экономики, поддержанию политической стабильности, оптимальному балансу преемственности и обновления правящих элит, развитию политической нации». «Российская политическая система [оцениваемая с такой позиции. – А. Кулик] ущербна и плоха потому, что она просто-напросто нефункциональна», не обеспечивает достижения тех целей и решения тех задач, для которых предназначена, ее «не удалось соединить ни с какими нормальными ценностями, проверенными рациональным, моральным и историческим разумом. Вообще ни с какими – ни со свободой, ни со справедливостью, ни с патриотизмом, ни с моралью и верой, ни с личной и семейной безопасностью, ни с успехом, ни даже с личным богатством – его нельзя передать наследникам». И в массовом, и в элитном восприятии политическая система ассоциируется, как констатируют авторы *«Стратегии»*, «с несвободой, воровством, несправедливостью, цинизмом, бюрократическим абсурдом и беспощадным (хотя пока и ограниченным) структурным насилием. Такая политическая система заведомо нелегитимна и должна быть приведена «в соответствие с требованиями здравого смысла и здоровой нравственности» [Стратегия – XXI, 2014, с. 217].

С началом в 2013 г. украинского кризиса, включением в состав России Крыма, не признанным Генеральной ассамблеей ООН [Резолюция... 2014], и последовавшим разрывом или серьезным ослаблением сложившихся достаточно тесных отношений со странами евро-атлантической цивилизации произошел фундаментальный сдвиг в политике. Президент В. Путин, еще недавно называвший в программной предвыборной статье США и страны Западной Европы образцами «цивилизованной, зрелой демократии» [Путин, 2012 а], в своей *«Крымской речи»* обвинил Запад в проведении еще с XVII в. и до настоящего времени *«пресловутой политики сдерживания России»*, [Путин, 2014]. Власть воссоздала в стране атмосферу осажденной крепости, «на которую наступают внешние враги, в которую проникают “иностранцы агенты” и “нежелательные организации”. В ней “пятая колонна” и “национал-предатели” изнутри разрушают “духовные скрепы”» [Колесников, 2015 а]. Геополитика окончательно вытеснила модернизацию и политические реформы из официального и официозного дискурса и повестки дня власти на периферию публичной сферы¹.

¹ С 2015 г. Институт современных медиа совместно с порталом Politanalitika.ru ежемесячно публикует *Индекс двадцати наиболее влиятельных*

Либеральному модернизационному дискурсу сегодня не приходится рассчитывать на отклик общества. Б. Макаренко отмечает, что системная оппозиция воспитана на конформизме, а не-системная – маргинальна и раздроблена как по идейно-политическим основаниям, так и по степени радикальности [Макаренко, 2012 б]. «Независимая газета» в редакционной статье под характерным заголовком «Отречение от свободы» констатирует, ссылаясь на данные опросов общественного мнения, что в дилемме *стабильность* или *свобода* подавляющее большинство россиян (73%) выбирает стабильность. А больше половины согласны поменять свободу на материальное благополучие. В политических же протестах готовы участвовать лишь 8% граждан, при этом большинство даже не полагается на эффективность митингов [Отречение от свободы, 2015]. Как констатируется в выше упомянутом докладе СВОП, «и российские элиты, и российские массы в равной мере поражены болезнями безразличия к собственной стране, эгоизма, разобщенности, невежества, пассивности и раболепия» [Стратегия – XXI, 2014, с. 216]¹. По данным опроса «Левада-центра», 73% граждан считают, что не могут повлиять на ситуацию в государстве. Отчужденные от политического участия россияне не чувствуют ответственности за происходящее в стране. Лишь 3% опрошенных заявили, что в полной мере ощущают свою ответственность [Журавлев, 2016]. При этом только 14% уверены, что им говорят правду о ситуации в России, а доля тех, кто считает, что может лично всегда свободно говорить о своем отношении к политике, проводимой руководством России, снизилось в 2016 г. до 30% [Горяшко, 2016].

российских аналитических и политологических центров. В функции большинства этих центров входит подготовка аналитических материалов и рекомендаций для принятия стратегических управленческих решений в сфере политики. Проблематика политических реформ в их исследованиях отсутствует [Индекс аналитических центров, 2016].

¹ Подтверждением этого суждения может служить реакция на сам доклад СВОП, обращенный, по замыслу его создателей, не только к президенту и его ближайшему окружению как главным субъектам сегодняшней российской политики, но и ко всем «интеллектуальным и политическим силам любой направленности», и открытый для дальнейших дискуссий. С момента размещения *Стратегии* на сайте СВОП 21.01.2014 интернет-сообщество отреагировало на него весьма вяло – девятью комментариями, преимущественно бессодержательного или негативного характера.

И хотя, по утверждению Екатерины Казаковой, эффективно функционирующие экспертные сообщества в России все же есть, «власть и общество их как бы не видят» [Казакова, 2011].

Но даже в этой ситуации невостребованности властью неангажированных экспертных сообществ и падения значимости демократических ценностей в системе приоритетов широкого общественного мнения не утратил своей актуальности целеориентированный «рациональный» подход к проблемам политических реформ в модернизационном дискурсе. В основе аргументации его приверженцев лежит прагматическая посылка, согласно которой никакая экономическая и технологическая модернизация в России невозможна без радикальных реформ в социально-политической сфере и государственном управлении.

Эта подход сформировался в экспертной среде еще в конце 1990-х годов. В *«Стратегии развития Российской Федерации до 2010 года»* (Программа Грефа), подготовленной по поручению Владимира Путина (в связи с президентскими выборами 2000 года) специально созданным Центром стратегических разработок (ЦСР), были предусмотрены три наиболее важных направления реформ: реформа власти – законодательной, судебной, исполнительной, правоохранительной систем; реформы в социальной сфере – пенсионная, здравоохранения, образования, жилищная, трудовых отношений; экономическая реформа – дерегулирование экономики. По экспертным оценкам ЦСР, уровень выполнения *«Стратегии»* составил примерно 36%. В оценке одного из ее ведущих разработчиков Евгения Ясина (научный руководитель НИУ-ВШЭ) – максимум 10–15%. По его свидетельству, после сдачи программы заказчику из нее был полностью изъят первый раздел – реформа власти. За прошедшие 10 лет «По реформе власти не то чтобы ничего не было сделано. Сделано много, особенно начиная с 2004 года, но в направлении, противоположном развитию демократических институтов» [Научный семинар... 2010].

Рассматривая политическое измерение модернизации российской экономики, он заявил в своем публичном выступлении того же времени: «...я считаю, что в настоящее время в России наиболее актуальная проблема – политическая система... Сейчас, когда вы обращаетесь к тому, что можно сделать в совершенствовании экономики, я утверждаю как экономист, что в рамках самой экономической системы не то что нечего делать, но вы каждый раз наталкиваетесь на одни и те же проблемы, которые стоят за пределами экономики. Мы должны понимать, что страна находится перед

очень серьезным вызовом. Я полагаю, что более серьезного вызова в истории России вообще не было» [Научный семинар... 2010].

О необходимости проведения реформы политической системы как условия успеха экономической и технологической модернизации говорили не только представители либеральной оппозиции, но и политики, далекие от либеральных убеждений. Так, тяжеловес на российской политической сцене, убежденный государственный и политический прагматик, академик РАН Евгений Примаков в одном из выступлений в январе 2010 года следующим образом обозначил главную проблему модернизации: «Успех модернизации экономики России во многом зависит от создания такой партийно-политической системы, которая помогала бы властям избегать ошибочных решений. Характерная черта такой системы – партийный плюрализм»¹.

В 2011 г. ведущими экономистами страны по заказу правительства была разработана «Стратегия-2020» – план долгосрочного развития России². По свидетельству Александра Аузана, принимавшего участие в разработке «Стратегии», в экспертных группах существовали «очень широкие консенсусы» в оценке существующей ситуации: «ощущение, что корабль медленно, но тонет» [Обретение будущего... 2011, с. 9]. В момент обнародования «Стратегии» ее критики многократно заявляли, что нынешнее руководство страны не сможет реализовать ее основные положения. В 2012 г. об этом стратегическом документе и показателях, которые в нем ставились, уже мало кто вспоминал³. «Стратегия», как написала «Финансовая газета», «потихоньку выходит из моды» [Андрианов, 2012].

Переход в мировом технико-экономическом развитии к новому технологическому укладу стал дополнительным стимулом

¹ Цитируется по: [Макаренко, 2010].

² *Стратегия 2020* – это краткое общепринятое наименование обновленного варианта *Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года* (КДР), подготовленного по заказу российского правительства. В ее разработке приняли участие более 1000 экспертов под руководством Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики и Российской академии народного хозяйства и госслужбы.

³ Стратегия предусматривала рост ВВП – на 37%, рост производительности труда – на 40%, увеличение реальных основных доходов населения – на 53%, рост инвестиций в основной капитал – на 80–85% и пр., что должно обеспечить «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века».

активизации модернизационного дискурса. Сергей Глазьев, помощник президента и участник «*Столыпинского клуба*»¹, прогнозируя перспективы движения России в глобальной экономической и политической динамике, указывает, что 2015–2018 гг. – это период выхода нового технологического уклада в фазу роста, когда начинается модернизация экономики. Если России за 3–5 лет не удастся осуществить прорыв в освоении базовых производств нового технологического уклада, то ее технологическое отставание от передовых стран станет быстро возрастать, а экономика окажется запертой в ловушке догоняющего развития, сырьевой специализации и неэквивалентного внешнеэкономического обмена еще на 20–30 лет [Глазьев, 2014].

В то же время один из авторов «*Стратегии-2010*», экс-министр экономического развития и торговли Г. Греф признает, что Россия впадает в долгосрочный негативный тренд, и источников роста, которые позволили бы из него выйти, пока не видно. Есть только один выход из ситуации – развернуть серьезные реформы всех отношений в экономике. Но «прежде чем начинать реформировать нечто, нужно сначала создать эффективную систему управления. С существующей сегодня опасно начинать серьезные, широкомасштабные реформы». Если не реформировать ее, другие реформы не получатся [Воронова, 2015]. Спустя несколько месяцев на Гайдаровском форуме-2016 он констатировал, что Россия проиграла конкуренцию и оказалась в числе стран «дауншифтеров». Для того чтобы адаптироваться к новым условиям, Россия должна «изменить все государственные системы» [Шароян, 2016].

Бывший министр финансов, а ныне глава Комитета гражданских инициатив и с апреля 2016 года председатель совета Центра стратегических разработок Алексей Кудрин назвал выстроенную в России политическую систему тормозом ее модернизации по всем направлениям [Калюков, 2014].

Оценивая перспективы экономической модернизации Е. Ясин отмечает: «Россия сейчас балансирует на грани “дефектной демократии” и мягкого авторитаризма, и не видно каких-либо условий для восстановительного роста в ближайшие годы, поскольку нынешние экономические проблемы страны невозможно решить в рамках политической системы “дефектной демократии”, сложив-

¹ *Столыпинский клуб* – экспертная площадка, созданная по инициативе «Деловой России». Своих участников она характеризует как «рыночников-реалистов».

шейся с 2003 г. Для подлинного оживления российской экономики требуются серьезные политические и институциональные изменения, на которые современная элита, как мы наблюдаем, пока не способна решиться» [Ясин, 2015 а].

РБК («РосБизнесКонсалтинг») – крупнейший российский деловой медиахолдинг, представленный сразу на всех ключевых контентных платформах – в Интернете, на телевидении и в прессе, инициировал проект «Сценарии-2020», в котором известные экономисты и эксперты рисуют сценарии развития России в ближайшие годы [Прогнозы 2020, 2014].

Как считает большинство экспертов, участвовавших в проекте, в ближайшее время даже серьезные трудности, с которыми сталкивается сейчас режим В. Путина, не угрожают его выживанию¹. Вызовы системе находятся за горизонтом 2020 года.

Директор Центра исследований постиндустриального общества Вячеслав Иноземцев констатирует: «В политике мы окончательно увидели путинский идеал: сочетание советской державности, административного стиля управления и несменяемости лидера». Проблема, как он полагает, заключается в том, что такая система неререформируема. Поэтому «общий прогноз выглядит очевидным: на каком-то этапе (вероятно, нескоро, не в ближайшей перспективе) режим рухнет, сменившись не либеральным раем и не националистическим кошмаром, а банальным в своей обыденности хаосом». Некой аналогией может быть крах СССР: тогда центральная власть, по сути, просто разошлась, спустив флаг и выключив свет. Если всего пять лет назад казалось, что Россия способна отразить внешние вызовы; перезагрузить отношения с Западом; провести хотя бы ограниченную модернизацию; сменить одно поколение лидеров на другое, то сейчас понятно, что перелома не случилось. Потому «дальнейший путь системы просматривается вполне четко: это путь, ведущий к ее коллапсу и хаосу». Однако после 2020 г. В. Иноземцеву видятся контуры «новых 1990-х», которыми, как он надеется, Россия воспользуется лучше, чем «настоящими» 1990-ми. «Хотя бы потому, что у страны уже будет пример очередного тупикового пути, по которому она прошла, возглавляемая человеком из авторитарного прошлого» [Иноземцев, 2014].

¹ Это мнение разделяет и Г. Греф. В интервью газете «Ведомости» он заявил: «Система не рухнет, она будет медленно деградировать» [Воронова, 2015].

Предметом модернизационного дискурса является не только необходимость политических реформ, но и вероятность их осуществления, а также связанные с ними возможные издержки и риски. Авторы, обсуждающие эти темы, приходят к выводу, что хотя издержки и риски политических реформ весьма значительны как для власти, так и для населения, издержки и риски попыток сохранить статус-кво представляются еще более значимыми. Сохранение существующей политической системы не оставляет России шансов стать более привлекательной как для потенциальных союзников в глобальном мире, так и для внешних и внутренних инвесторов. Упрочение положения России как великой державы сегодня требует успешных экономических преобразований, а они принципиально невозможны без политической модернизации самого государства. Откладывая реформы, Россия не только несет существенные экономические потери уже сегодня, но и серьезно осложняет свое будущее, поскольку цена реформаторского проекта, т.е. его издержки и риски, неизбежно будет расти по мере дальнейшего откладывания политических реформ. Тем не менее никаких непосредственных серьезных угроз, которые могли бы вынудить существующий политический режим в России начать значимые политические реформы, сейчас (исследование завершено в 2012 году, до начала открытой фазы нынешнего кризиса) не существует [Бусыгина, Филиппов, 2012].

В рамках совместного проекта Фонда «Либеральная миссия» и Фонда ИНДЕМ рабочей группой в составе Юрия Благовещенского, Марии Кречетовой и Георгия Сатарова в мае 2016 г. был подготовлен очередной сценарный прогноз развития политической ситуации в стране [Благовещенский, Кречетова, Сатаров, 2016]. Как указывают авторы, «это стало необходимым после того, что произошло в стране после всплеска политической активности конца 2011 – начала 2012 г., после реакции власти на этот всплеск, символом которой стала провокация 6 мая 2012 г., которую власть эксплуатирует уже четыре года, после аннексии Крыма и разорения Востока Украины, после эскалации противостояния с Западом, их санкций против нас и “ответных” санкций наших властей, после неиссякающей волны репрессивного законодательства, после падения цен на нефть и собственного экономического кризиса, ставшего результатом краха “нефтяного рая” и беспомощности, губительности рентной экономики. Другими стали власть, ее политика, общество, экономика, наше место в мире» [там же].

Экспертам¹ было предложено оценить четыре сценария, составленных на основе анализа актуального политического дискурса: 1. «Загнивание» (*Совокупность внешних условий – цены на нефть, динамика санкций и т.п. – в сочетании с вялой оппозицией и «охмуренным» населением оставляют возможность для плавного нарастания кризисных явлений без масштабных и многочисленных социальных взрывов. Это позволяет режиму держаться без резких шахаханий в ту или иную стороны минимум на время, предусмотренное горизонтом прогноза*). 2. «Осажденная крепость» (*На фоне ухудшающейся финансово-экономической ситуации и провалов во внешней политике начинается резкое ужесточение режима; расширяются репрессии с целью обеспечить самосохранение элиты. Нарастает отгораживание от внешнего мира; раздуваются угрозы со стороны внешних и внутренних «врагов» и агрессивные действия в отношении ближайших соседей на грани прямых военных столкновений. В стране воцаряется мобилизационный режим*). 3. «Перестройка-2» (*Совокупность внутренних и внешних угроз для некоторой части элиты вместе с обвальным финансово-экономическим кризисом подталкивают ее к «дворцовому перевороту». Контроль над властью получает та часть элиты, которая катастрофические провалы в сфере финансово-экономической политики и неспособность выполнять социальные обязательства пытается аварийно компенсировать западной помощью в обмен на изменения во внутренней и внешней политике. Это приводит к попыткам проведения институциональных реформ*). 4. «Взрыв» (*Лавинообразное нарастание взаимосвязанных кризисных явлений приводит к конфликтам между различными сегментами властвующей элиты. Неспособность режима совладать с ситуацией приводит к расширяющемуся по стране как пожар, социальному протесту. Власть в центре и во многих регионах бежит или свержается различными слабо координированными группами, возглавляющими протест. Создаются условия для революции или (и) распада страны*).

В оценке экспертов наибольшее количество шансов реализоваться (87,4 из 100) имеет инерционный сценарий. То, что Россия находится в кризисе, очевидно для любого непредвзятого взгляда. Но это кризис явно затяжной, о чем также говорят многие эксперты.

¹ В качестве экспертов выступали: Леонид Гозман, Александр Гольц, Евгений Гонтмахер, Евсей Гурвич, Кирилл Рогов, Лилия Шевцова и Екатерина Шульман.

В таких условиях кризис становится *modus vivendi* страны и обретает черты инерционности базовых экономических и политических процессов. В результате растут шансы инерционного сценария, при котором речь может идти лишь о среднесрочном прогнозе с горизонтом полгода или чуть более.

Перспективы экономотехнологической модернизации и политических реформ не очевидны ввиду явного отсутствия у правящей элиты политической воли и представления о стратегических целях развития страны.

Сейчас у России никакой официальной стратегии и целей развития нет. Концепция долгосрочного развития-2020, утвержденная правительством осенью 2008 г., утратила актуальность сразу же после ее подписания: мировой кризис изменил все условия. В июле 2015 г. Д. Медведев дал поручение разработать план социально-экономического развития России на ближайшие 15 лет – «Стратегию-2030» [Поручения по итогам встречи... 2015]. Вместе с «Программой Грефа» это будет уже четвертая попытка за последние 15 лет сформировать образ будущего и сформулировать применимую к реализации программу социально-экономического развития.

Говоря о недостатках предыдущих стратегий, декан экономического факультета МГУ, член экспертного совета при правительстве А. Аузан подчеркнул, что выбора пути развития России так и не произошло; за 15 лет «стратегирования» не был даже поставлен вопрос, «куда мы плывем». Поэтому все написанные стратегии лишь про то, насколько быстро нужно двигать веслами, тогда как вопрос, «куда плывем», вопрос о приоритетах развития страны – для стратегии центральный [цит. по: Кувшинова, 2010].

О приоритетах развития страны можно судить по тому, в какие сферы она инвестирует. Сегодня представления власти и независимых экспертов о приоритетах развития сильно разнятся. Так, большинство опрошенных экспертов – 66% считают, что в первую очередь надо поддерживать здравоохранение и образование, 57% сочли необходимым увеличивать инвестиции в инфраструктуру и только 17% – в ОПК. А когда их спросили, какие сферы, по их мнению, в реальности получают увеличение бюджета, пропорции поменялись на прямо противоположные. 59% считают, что ОПК; в рост финансирования инфраструктуры верят 13%, а образования и здравоохранения – всего 6% [Кувшинова, 2010].

Стратегии, направления деятельности правительства, программы и планы, устанавливающие цели долгосрочной политики

государства и способы их достижения, оформляются в виде программно-стратегических документов. В мировой практике такие документы служат инструментами экономических реформ и модернизации. Обязательными атрибутами их подготовки являются публичность, гражданское участие.

В России разработка программно-стратегических документов практически актуализировалась с приходом В. Путина к руководству страной. По его поручению в 2000 г. была подготовлена *«Стратегия 2010»*. В дальнейшем президентом и правительством был принят целый ряд стратегических документов. В январе 2014 г. правительство утвердило *«Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года»* как единую платформу для разработки долгосрочных стратегий, целевых программ, прогнозных и плановых документов среднесрочного характера по модернизации экономики и инновационному развитию.

Однако, как отмечалось еще в 2010 г., создание основных целеполагающих документов федерального уровня не привело на практике ни к достижению запланированных результатов реформ, ни к повышению эффективности управления¹. В целом они не смогли должным образом повлиять на политику, проводимую властью, и предотвратить накопление негативных явлений в экономике, что, в конечном счете, и привело ее к нынешнему кризису.

Александра Шубенкова, исследовавшая процесс разработки программно-стратегических документов как инструмента целеполагания в государственной политике современной России, пришла к выводу, что отсутствие их положительного влияния на развитие страны обусловлено особенностями политического режима в России, приоритетом которого является сохранение политического статус-кво, тогда как реализация политики развития для него вторична [Шубенкова, 2014].

¹ Данные мониторинга качества правления Института Всемирного банка показывают, что Россия стабильно находится в негативной части мирового рейтинга в течение всего периода наблюдения, начиная с 1996 г. Сравнительный анализ значений индикаторов качества правления в России и в странах, занимающих ведущие позиции в рейтинге, показывает, что Россия уступает им, прежде всего, по показателям, характеризующим публичность политического процесса и участие гражданского общества в принятии решений, на расширение которых был сделан акцент при реформировании систем государственного управления в этих странах. Так, значение индикатора «Право голоса и подотчетность» постоянно снижалось с 1996 г. и в 2013 г. оказалось ниже, чем в 174 из 215 стран, проанализированных в проекте [World wide governance indicators 1996–2013].

Главные полномочия в определении целей и приоритетов развития страны принадлежат исключительно президенту и его ближайшему окружению. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» юридически закрепляет эту существовавшую де-факто модель формирования стратегической повестки дня. В соответствии с буквой закона президент является ключевым участником стратегического планирования на всех его стадиях; ежегодные послания президента, подготавливаемые в закрытом режиме его администрацией, получили официальный статус документов, разрабатываемых в рамках целеполагания, и поставлены на первое место в данной категории. В то же время гражданское общество не имеет институционализированных способов участия в процессе формирования повестки дня через разработку стратегических документов в качестве равноправного партнера государства¹.

С катастрофичными алармистскими² прогнозами выступают *экономисты*, исходя из анализа тенденций изменения в экономике, *социологи* (прежде всего, Левада-центра), отслеживающие состояние общества, *политологи*, исследующие происходящие в политическом режиме процессы³, публичные политики и общественные деятели.

Последователи прагматического подхода в либеральном модернизационном дискурсе полагаются на возобладание рационального начала в системе принятия решений, на то, что «любые возможные решения автократов и элит по поводу того, куда двигаться дальше, отлиты не в граните, а в математических моделях и

¹ В тексте Закона президент в качестве ключевого участника процесса стратегического планирования упоминается 49 раз. В то же время Закон крайне скуп и неопределенно говорит об участии гражданского общества: «К разработке документов стратегического планирования *могут* (курсив мой. – А.К.) привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации с учетом требований законодательства Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и *иной* (курсив мой. – А.К.) охраняемой законом тайне» (Ст. 11, п. 7). То есть разработка программно-стратегических документов, определяющих желаемое будущее общества, закрывается от него завесой секретности, а решение об участии (или отказе в участии) в ней организаций гражданского общества отдано на откуп властным структурам.

² Функция алармистских прогнозов – показать, каковой будет ситуация, если не принимать никаких решений.

³ Так, Глеб Павловский, делясь недавно своими соображениями о будущем, заявил: «Большая удача системы – дотянуть до 2018 года. Система тяжело ранена, она может пережить семнадцатый, а что и как будет в восемнадцатом – бессмысленно даже предполагать» [Павловский, 2016].

формулах». Политической элите для самосохранения и преодоления кризиса модернизации «дешевле» провести политические реформы, чем ужесточать репрессивные практики и увеличивать неопределенность исхода [Колесников, 2015 а]¹.

Насколько реалистичны эти ожидания? Способна ли политическая элита, охваченная маниакальным стремлением удержать монополию на власть и контроль над собственностью, к самоограничению? Тот же А. Колесников считает, что серьезный кризис власти – это, прежде всего, кризис адекватного восприятия действительности [Колесников, 2015 а]. О кризисе восприятия говорит и глава Фонда эффективной политики Глеб Павловский: «Кремль живет, под собою не чуя страны. Положение трагично, ведь перед нами спящие наяву» [Галимова, 2015].

В категориях системного подхода политический процесс предстает как процесс саморегуляции общества через механизм *гомеостазиса*, посредством адаптации его элементов и структуры к *внутренним изменениям* и изменениям *внешней среды*. Рационально устроенная общественная система способна к развитию в результате саморегуляции, повышения уровня своей организации. Деструктивные процессы в общественной системе свидетельствуют о ее патологии. Когда нарастающее несоответствие изменившимся условиям делает структуру *несовместимой* с ними, происходит ее коренная ломка. Система выходит на новый качественный уровень или перестает существовать.

¹ Об этом рассуждал также Б. Макаренко в попытке прогнозировать направление политического развития после президентских выборов 2012, прошедших на фоне уличных протестов [Макаренко, 2012 b].

Д.В. Ефременко

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА И РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

14 августа 2014 г., выступая в Ялте перед членами фракций политических партий в Государственной думе, президент России Владимир Путин сделал примечательное заявление: «Крым может и сегодня сыграть уникальную, объединяющую роль для России, став своего рода историческим, духовным источником, еще одной линией примирения как красных, так и белых, для того чтобы нам окончательно излечить рану, нанесенную нашему народу в результате драматического раскола XX века, восстановить связь времен, эпох, единство исторического пути России, нашего национального сознания, провести своего рода культурную, историческую терапию» [Встреча с членами фракций... 2014]. Фактически это заявление означало увязку российского внешнеполитического курса, одним из результатов проведения которого стало возвращение Крыма в состав России, с решением задач по лечению глубоких травм, нанесенных российскому обществу на протяжении прошлого века. Одновременно из этого заявления следовало, что прежние методы социальной терапии были недостаточно действенными, и их пришлось дополнить весьма радикальными шагами в области внешней политики.

Между тем вплоть до последнего времени внешняя политика была если не предметом общероссийского консенсуса, то, во всяком случае, темой, не вызывающей непримиримых противоречий внутри российского общества. Даже во время московской «недореволуции» рубежа 2011–2012 гг. оппозиционные силы демонстрировали индифферентность к внешнеполитической проблематике. Реакция оппонентов власти на внешнеполитические высказывания Владимира Путина в период президентской предвыборной кампании была

довольно вялой; никто из них даже не пытался предложить какие-либо программные установки в этой области хотя бы в порядке реакции на статью кандидата в президенты, опубликованную в «Московских новостях» [Путин, 2012 с]. По всей видимости, нежелание оппозиционеров всерьез втягиваться в дискуссию по внешнеполитической проблематике было связано с тем, что альтернативная платформа не выглядела достаточно привлекательной с точки зрения мобилизации электората и политических активистов. По сути дела, оппозиция сохранила за Путиным монополию на определение и истолкование российской внешнеполитической повестки. Крайне невнятной остается позиция противников режима и во время украинского кризиса, поскольку радикальная критика действий власти пока лишь способствует их закреплению в нише политических маргиналов.

Очевидно, что в современной России нет дефицита внешнеполитических идей. Российское экспертное сообщество вполне в состоянии предлагать эти идеи *à la carte*, или, по крайней мере, транслировать их от внешних источников генерации [см., напр.: Сергунин, 2003; Цыганков А., Цыганков П., 2005]. На деле, однако, доминирующим подходом, оказывающим основное влияние на выработку российской внешнеполитической повестки, на протяжении двух последних десятилетий остается политический реализм. Во многом это обусловлено авторитетом патриарха российской школы политического реализма Е.М. Примакова, а также разочарованием части представителей российского экспертного сообщества в либеральном интернационализме вследствие политики Запада в отношении России на протяжении 1990-х годов [Зевелёв, 2012]. Преобладание данного направления внешнеполитической мысли связано также и с тем, что именно политический реализм восстанавливает преемственность в отношении внешнеполитических практик прежних этапов советской и российской истории, позволяя при этом избежать идеологической индоктринации. Разумеется, различные версии политического реализма не являются полностью деидеологизированными, но в целом данный подход позволяет формировать внешнеполитический курс на основе расчета баланса сил при минимальном обременении ценностными или политико-институциональными коннотациями.

В конечном счете соревнование внешнеполитических идей можно уподобить рыночной конкуренции, означающей поиск равновесия между предложением и спросом. Каковы же источники и механизмы формирования спроса на внешнеполитические идеи?

Те или иные направления внешнеполитической мысли будут устойчивыми лишь в том случае, если они связаны со стабильными и влиятельными группами интересов, а сами эти интересы репрезентированы в соответствующих идеологемах. Понятно, что из-за разрывов исторической преемственности в XX в. у нас нет прямых соответствий течениям масштаба популистского джексонаизма или либерального вильсонаизма в США. Могли бы они появиться, если бы не эти разрывы? Несомненно, да. Ведь уже в парадигмальном для русского консерватизма тексте – в карамзинской «Записке о древней и новой России» [Карамзин, 1991] историософская аргументация в пользу самодержавной «вертикали власти» спроецирована на вполне конкретные обстоятельства европейской политики после Тильзитского мира. Но если идеи Карамзина относительно природы российской власти отчасти применимы и к внутривнутриполитической ситуации в начале XXI в., то и его оценки бурной эпохи Французской революции и наполеоновских войн, по крайней мере, окажутся поучительными для тех, кто пытается сориентироваться в сегодняшнем турбулентном мире. Быть может, чуть сложнее будет с «опрокидыванием» в современность внешнеполитических идей дореволюционных либералов. Скорее, случайностью выглядит аналогия между империалистическими устремлениями кадетского лидера Павла Милюкова и чубайсовской идеей «либеральной империи» [Чубайс, 2003], которая в свое время вызвала непродолжительную оживленную полемику, но серьезного концептуального развития так и не получила.

Устойчивость и востребованность внешнеполитических идей напрямую определяются интересами влиятельных сил и артикуляцией этих интересов в публичном пространстве. В постсоветскую эпоху появились принципиально новые группы интересов, которые на протяжении 1990-х годов вполне успешно осваивали публичное пространство, начиная с масс-медиа. Воссоздание вертикали власти не означало устранение групп интересов – напротив, происходила их дальнейшая консолидация. Однако формы артикуляции и механизмы согласования различных интересов и разрешения конфликтов существенно изменились, будучи в период путинского президентства тесно привязанными к власти.

Возможность эмансипации групп внешнеполитических интересов может быть связана как с укреплением российского среднего класса и формированием его идентичности, так и с дальнейшим структурированием политической и экономической элиты. По всей видимости, в ближайшие годы средний класс, как и дру-

гие крупные социальные группы, еще не будет в состоянии сформировать четкий запрос на то или иное направление внешней политики. Скорее, этот запрос останется размытым и внутренне противоречивым, чему еще более будет способствовать динамика украинского кризиса и усиление геополитической напряженности.

Российский городской средний класс, или «новые сердитые», как его представителей метко назвал Алексей Чадаев [Чадаев, 2011], информационно и технологически уже вполне интегрирован в глобализированный мир, но это не значит, что при жестком критицизме в отношении собственной власти и элиты он заведомо станет генерировать прозападный и промодернизационный запросы. Скорее, это будет установка на то, чтобы отношения России с внешним миром начали реально работать на его, среднего класса, интересы. Но представители критически настроенного среднего класса в числе первых откажут в поддержке той политике, которая будет реально работать лишь в интересах нескольких элитарных групп.

Что же касается российской элиты, то, несмотря на ее очевидную неоднородность, позволяющую говорить даже о наличии различных фракций со своими внешнеполитическими предпочтениями [Sakwa, 2011; Kaczmarek, 2014], наилучшим образом специфику ситуации описывает предложенная Юрием Пивоваровым метафора «властной плазмы», способной объединять даже несовместимые друг другом кластеры элиты на основе специфического регулирования отношений «власть-собственность». Именно в этой аморфной субстанции разрешаются и возникают вновь конфликты между основными группами интересов [Пивоваров, 2006, с. 162–167]. «Властная плазма» служит питательной средой для дальнейшего структурирования и дифференциации групп интересов. Погруженные во «властную плазму» представители элиты варятся в собственном соку, не испытывая сильной потребности во взаимодействии с массовыми группами. В связи с этим возникает вопрос о качестве нынешней российской элиты, о степени ее укорененности в современном российском обществе и об осознании ответственности перед обществом. Украинский кризис может привести к еще большей радикализации постановки этого вопроса, способствующей не только обновлению элиты, но – в среднесрочной перспективе – серьезным системным преобразованиям.

Наращение консервативных тенденций после президентских выборов 2012 г., фундаментальный сдвиг в российской внешней политике, произошедший в связи с событиями на Украине в 2013–

2014 г., и становящиеся все более настойчивыми попытки рассматривать геополитическую конфронтацию в идеологическом ракурсе ставят принципиально новые задачи перед экспертно-аналитическими группами и организациями. Эти организации часто образно именуют «мозговыми центрами» или «фабриками мысли» [см.: Аналитические сообщества... 2012; Сунгуров, Распопов, Беляев, 2012 а; 2012 б; Балаян, Сунгуров, 2014]. Согласно определению исследователей из Пенсильванского университета, осуществляющих под руководством Дж. МакГэнна ежегодный мониторинг мировых экспертно-аналитических организаций, мозговыми центрами (thinktanks) являются организации, осуществляющие политико-ориентированные исследования, анализ и консультирование, которые дают возможность представителям государственных институтов и общественности принимать обоснованные решения по вопросам, имеющим политическую значимость [2014 globalgotthinktanks ... 2014]. Такие центры действуют на постоянной основе, они могут быть аффилированы с государственными или корпоративными структурами либо иметь статус независимых экспертно-аналитических организаций.

В 2014 г. Россия имела 122 мозговых центра (согласно методологии подсчета специалистов из Пенсильванского университета) и, таким образом, занимала по их количеству восьмое место в мире¹. В регионе Восточной Европы Россия является безусловным лидером с точки зрения численности экспертно-аналитических структур; вслед за ней идут Румыния (54), Украина (47), Польша (41) и Венгрия (41). Вместе с тем с учетом таких показателей как численность населения и размер ВВП отрыв России не кажется столь впечатляющим. Достаточно сказать, что даже Эстония имеет целых 17 мозговых центров.

Разумеется, количественные показатели указывают на одни тенденции и игнорируют другие. В связи с этим предпринимаются попытки рейтингования экспертно-аналитических организаций. Специалисты из Пенсильванского университета составляют свой рейтинг на основе процедуры, включающей свободное номинирование организаций, ранжирование по 38 категориям на основе оп-

¹ По данным Дж. МакГэнна и его коллег, в 2014 г. по численности экспертно-аналитических организаций лидировали: США (1830 организаций), Китай (429), Великобритания (287), Германия (194), Индия (192), Франция (177), Аргентина (137), Россия (122), Япония (108) и Канада (99) [2014 globalgotthinktank... 2014, с. 54].

роса экспертов, несколько раундов отбора лидирующих организаций [2014 globalgotothinktanks... 2014, с. 24–27]. Согласно их подсчетам, в число 150 ведущих экспертно-аналитических центров входят всего четыре российские организации: Московский центр Карнеги (26-е место в рейтинге Пенсильванского университета), Институт мировой экономики и международных отношений РАН (32-е место), Совет по внешней и оборонной политике / СВОП (98-е место), Московский государственный университет международных отношений / МГИМО (102-е место).

В деятельности экспертно-аналитических сообществ, специализирующихся на проблемах внешней политики, обороны и безопасности, проявляется ряд характерных особенностей. Основная из них состоит в том, что во всем мире процесс принятия политических решений в областях внешней политики, обороны и безопасности отличается высокой степенью централизации. Влияние существующих групп интересов на выработку решений проявляется по-разному, но принятие самих решений сосредоточено на вершине властной иерархии. Разумеется, применительно к нашей стране необходимо учитывать как эту особенность, так и историческую эволюцию экспертно-аналитической деятельности, исходной моделью которой было характерное для советской эпохи одноканальное взаимодействие между политической инстанцией (заказчиком) и экспертной организацией (исполнителем). В этой модели вплоть до горбачевской перестройки основными характеристиками были закрытость и эксклюзивность взаимодействия, зачастую – отсутствие устойчивой обратной связи (как бывало в ряде случаев, когда академические институты отправляли свои аналитические материалы в ЦК КПСС и другие инстанции политического управления). Необходимость придания большей публичности экспертно-аналитической деятельности была осознана во времена М.С. Горбачева, причем в авангарде этого процесса шли именно эксперты по проблемам внешней политики и международной безопасности. Они выступали в роли пропагандистов и популяризаторов идей перестройки и нового политического мышления, преодоления конфронтации между СССР и Западом, подготовки и реализации программ разоружения на основе серии советско-американских соглашений. Осуществление этих задач давало экспертам-международникам возможность высказываться и по проблемам внутренней политики, расширять «пространство дозволенного» (характерным примером может служить первое после возвращения из горьковской ссылки публичное выступление ака-

демика А.Д. Сахарова в феврале 1987 г. на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества»). Вместе с тем активность в публичной сфере по преимуществу оставалась особенностью индивидуального стиля работы отдельных экспертов, близких к М.С. Горбачеву, Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлеву и другим «прорабам перестройки».

Институциональные изменения в экспертно-аналитической деятельности, ориентированной на поддержку внешнеполитических решений, начали происходить уже в постсоветскую эпоху. С одной стороны, ликвидация политико-идеологической монополии КПСС создала серьезные проблемы для тех научных организаций, которые привыкли к одноканальной схеме взаимодействия с основным заказчиком. К тому же резкое сокращение бюджетного финансирования научных исследований в период гайдаровских реформ привело к снижению эффективности и сокращению кадрового потенциала академических институтов и государственных аналитических центров, осуществлявших экспертную деятельность. С другой стороны, в 1990-е годы открылись возможности создания новых экспертно-аналитических организаций, функционирующих по стандартам зарубежных мозговых центров, действующих по модели многоканального взаимодействия с политическими инстанциями, влиятельными корпоративными акторами и другими группами интересов, гражданским обществом. Такие организации изначально ориентированы на то, чтобы использовать различные коммуникационные возможности воздействия на общественное мнение и через него оказывать дополнительное воздействие на процесс принятия политических решений.

Ярким примером нового типа экспертно-аналитических организаций, специализирующихся на проблемах безопасности и роли России в системе международных отношений, является Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), созданный в 1992 г. Образцом для создания СВОП был Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations / CFR) – один из наиболее авторитетных и влиятельных мозговых центров США. Будучи неправительственной организацией, СВОП стремится к привлечению к своей деятельности влиятельных политических и общественных деятелей, представителей крупного бизнеса, военно-промышленного комплекса, науки и образования. Такая широкая инклюзивная стратегия предполагает, что сама организация выступает в качестве платформы для диалога политиков и экспертов, придерживающихся различных взглядов на ту или иную проблему.

В качестве форума, где высказываются различные идеологические позиции и экспертные оценки, СВОП нередко выходит за рамки внешнеполитической и оборонной проблематики, включаясь тем самым в общую дискуссию по животрепещущим проблемам прошлого, настоящего и будущего России¹. Вместе с тем СВОП является не только коммуникационной площадкой, но и экспертным центром, в деятельности которого чрезвычайно важную роль играет фактор лидерства, обеспечивающий «узнаваемость» этой фабрики мысли как в медийном отношении, так и в плане приверженности определенной политической стратегии. Сохранение индивидуального своеобразия экспертной организации особенно важно в условиях, когда на разных коммуникационных площадках выступает «хор» экспертов примерно с одним и тем же персональным составом, и его пополнение пока происходит довольно медленно.

Деятельность СВОП на протяжении двух десятилетий характеризовалась как подъемами, так и спадами. В отдельные периоды это было связано с вовлеченностью руководства СВОП в процессы, сопряженные со значимыми политическими и кадровыми изменениями. Например, критическая позиция многих экспертов СВОП по отношению к политической линии и дипломатическим методам, практиковавшимся российским МИДом в первой половине 1990-х годов, по всей видимости, способствовала смещению А.В. Козырева с поста главы внешнеполитического ведомства. В то же время поддержка председателем Президиума СВОП С.А. Карагановым Е.М. Примакова в 1999 г., очевидно, не слишком благоприятствовала безоблачному развитию отношений этого экспертного центра с кремлевским руководством (как до отставки Б.Н. Ельцина с поста Президента РФ, так и в начале путинского правления).

В случае СВОП ориентация на высокую степень публичности экспертно-аналитической деятельности и стремление играть активную роль в том, что можно назвать «производством смыслов», проявляются в поиске новых возможностей воздействия как на общественное мнение в России и за ее пределами, так и на людей, вовлеченных в процесс принятия политических решений. В 2002 г. С.А. Караганов выступил инициатором создания журнала

¹ Например, осенью 1998 г. СВОП выступил с инициативой ограниченной конституционной реформы, предусматривавшей сокращение властных полномочий Президента РФ и их перераспределение в пользу Правительства и Федерального собрания [см.: Заявление рабочей группы... 1998].

«Россия в глобальной политике», рассматривая при этом в качестве достойного подражания примера журнал «Foreign Affairs», издаваемый американским Советом по международным отношениям. «России в глобальной политике» к настоящему времени во многом удалось занять нишу, сходную с той, которую среди ведущих американских изданий, специализирующихся на проблемах мировой политики, занимает «ForeignAffairs» (оба журнала находятся в партнерских отношениях). Обеспечивая высокий стандарт качества публикуемых статей и аналитических материалов отечественных экспертов, журнал, имеющий русскоязычную и англоязычную версии, одновременно стал новым каналом обмена идеями и оценками между российским и международным экспертными сообществами.

Еще одним успешным проектом СВОП стало создание в 2004 г. совместно с РИА «Новости» международного дискуссионного клуба «Валдай». Наряду с возможностями неформального общения и достаточно ярко выраженными элементами перформативности той части работы клуба, которая открыта для СМИ, основным фактором успеха проекта стало эксклюзивное общение ведущих российских и зарубежных политологов с Владимиром Путиным. Основной особенностью такого общения является не столько презентация российскому лидеру новых продуктов экспертно-аналитической деятельности, сколько ознакомление самих экспертов с оценками Владимиром Путиным широкого круга проблем международных отношений и развития страны. Очевидно во многом благодаря устойчивости формата встреч экспертов с Владимиром Путиным клуб «Валдай» сумел доказать свою конкурентоспособность в негласном соперничестве с Ярославским политическим форумом (проводился в 2009, 2010 и 2011 гг.), основным ньюсмейкером которого был Дмитрий Медведев.

Период так называемой тандемократии (2008–2012) был ознаменован ситуативными, но достаточно показательными новшествами в деятельности нескольких ведущих экспертно-аналитических организаций. Видимость альтернативности вариантов развития страны, созданная самой ситуацией соправительства Владимира Путина и Дмитрия Медведева, а затем и «вброс» одним из дуумвиров тезиса о модернизации побудили ряд экспертных центров включиться в борьбу за колонизацию нового пространства политического дискурса. При этом создавалось впечатление, что участники развернувшейся дискуссии о модернизации рассматривают это пространство едва ли не как целину, где можно произвольно

пренебрегать как теоретической традицией, так и глобальным контекстом [подробнее см.: Ефременко, 2014]. Для части экспертов наиболее важно было дать такое истолкование модернизации, которое бы подкрепляло позиции той или иной стороны в борьбе за изменение / сохранение политической модели «вертикали власти», внешнеполитической ориентации страны и даже за конкретное решение проблемы демонтажа правящего тандема (в рамках тех вариантов, которые считались возможными до объявления 24 сентября 2011 г. Владимира Путина кандидатом от «Единой России» на пост президента РФ).

Иначе говоря, в деятельности экспертно-аналитических сообществ существенно усилилась идеологическая направленность, чему в значительной степени способствовало стремление таких центров как Институт современного развития (ИНСОР) и Институт общественного проектирования (ИНОП) презентовать свои аналитические продукты с использованием PR-технологий, обеспечивающих максимальный медийный эффект. Как подчеркивает О.Ю. Малинова, экспертные организации тем самым «вольно или невольно становились игроками идейно-символического поля, вовлекаясь в борьбу за доминирование развиваемых ими способов интерпретации социальной реальности» [Малинова, 2013, с. 193]. При этом противостояние фабрик мысли явно решало политтехнологическую задачу замещения реальной конкуренции политических партий: оппозиция «ИНОП против ИНСОРа» представлялась неким эрзацем двухпартийной системы [см.: Святенков, 2009, с. 13]. Впрочем, экспертам, выходившим на поле публичной политики, далеко не всегда удавалось верно оценить влияние своих предложений на ситуацию в стране.

В ходе конкурентной борьбы за овладение пространством модернизационного дискурса большую популярность приобрел тезис о фактической безальтернативности модернизации либо о заведомой неприемлемости возможных альтернатив. Этот тезис, нуждающийся в тщательном обосновании, во многих текстах, посвященных модернизации, оказывался постулатом. Так, например, в докладе Института современного развития «Обретение будущего. Стратегия 2012» провозглашалось, что «задача приведения к современности» через быстрое и радикальное системное обновление равнозначна решению вопроса о выживании страны [Обретение будущего... 2011, с. 4]. Практически на той же самой посылке «aut – aut, tertiumnondatur» основывался и доклад «Культурные факторы модернизации», подготовленный для Фонда «Стратегия 2020» ра-

бочей группой под руководством А.А. Аузана: «Или страна совершает прорыв в современную развитую экономику, делает ставку на новые технологии, обновляет всю совокупность социально-экономических отношений, или безнадежно стагнирует, теряя молодые кадры и растрачивая природные ресурсы» [Культурные факторы модернизации, 2011, с. 3].

Постулирование безальтернативности модернизации неизбежно предполагает существование нормативного образца, по крайней мере, общего стратегического ориентира, в направлении которого должно двигаться модернизирующееся общество. С точки зрения выбора возможных ориентиров дискуссия о модернизации пошла по хорошо знакомым направлениям: социалистическое преобразование общества; преобразования в ходе строительства империи или сверхдержавы; трансформации, связанные с демократическим транзитом и созданием полнокровной рыночной экономики. Иначе говоря, сторонники различных идеологических подходов искали нормативную модель модернизации либо вовне (в прошлом и настоящем), либо на российской почве (только в прошлом). Эти установки имели и внешнеполитическую проекцию, что нашло свое отражение, прежде всего, в докладах и выступлениях представителей Института современного развития.

Особое местоположение ИНСОРа в специфической системе координат периода тандемократии неизменно привлекало общественное внимание к интеллектуальной продукции этой «фабрики мысли». ИНСОРовская оценка государственного патернализма как преграды модернизационным усилиям демонстрировала стремление ориентированной на третьего президента РФ части российской элиты демонтировать «путинскую вертикаль», а призывы к либерализации политического режима рассматривались с точки зрения «проблемы 2012». Внешнеполитические разделы докладов ИНСОРа выступали логическим продолжением этой линии, причем недостаточная проработанность соответствующих инициатив компенсировалась сенсационностью их подачи. Так, в получившем широкую известность докладе «Россия XXI века: Образ желаемого завтра» (2010) в числе ориентиров, которые могут быть достигнуты в результате осуществления программы модернизации, назывались вступление России в НАТО, обретение статуса стратегического союзника ЕС с перспективой полноправного членства в этом объединении, стратегическое партнерство с США, обеспеченное за счет заключения прорывных соглашений в области стратегической стабильности, разработки совместных программ противоракетной

обороны, достижения баланса интересов на постсоветском пространстве, сотрудничества России и Америки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке. На этом фоне весьма невинным оставалось описание самостоятельной роли России на постсоветском пространстве (по мнению авторов доклада, сам этот термин уйдет в прошлое, зато сохранится понятие «ближнее зарубежье»). Предполагалось, что СНГ будет существовать и по завершении российской программы модернизации, но едва ли не единственным его значимым достижением станет создание Зоны свободной торговли. При этом красноречиво замалчивались интеграционные инициативы по развитию ЕврАзЭС и формированию Таможенного Союза, которые к началу 2010 г. уже находились в процессе реализации¹. Не меньшей неопределенностью характеризовалось и описание перспектив китайско-российских отношений: авторы доклада предполагают некое балансирование в четырехугольнике США – Япония – Россия – Китай, а Шанхайскую организацию сотрудничества рассматривают в качестве механизма согласования интересов Москвы и Пекина.

Доклад ИНСОРа «Россия XXI века: Образ желаемого завтра» содержит примечательную характеристику внутри- и внешнеполитических последствий реализации модернизационной программы. Идеальное «постмодернизационное» будущее описывается в докладе так: «Конфронтация и изоляционизм стали недопустимой роскошью, а потребности в обретении новых технологий и развитии внешнеэкономических связей заставили искать новые подходы и компромиссы, заимствовать и переносить на российскую почву практики управления экономикой, социальной сферой и урегулирования конфликтов в обществе. Как поиск ресурсов для модернизации, так и укрепляющееся сотрудничество с развитыми странами сделали одним из приоритетов внешней политики демилитаризацию международных отношений» [Россия XXI века... 2010, с. 44–45]. Иначе говоря, модернизация, изначально понимаемая как способ технологического обновления и повышения экономической кон-

¹ Эта двусмысленность была отчасти преодолена в опубликованном в 2011 г. докладе ИНСОРа «Обретение будущего. Стратегия 2012», где вопросам межгосударственных отношений на постсоветском пространстве была посвящена значительная часть внешнеполитического раздела, написанного С.А. Куликом и И.Ю. Юргенсом. Характерной особенностью подхода этих авторов к проблематике постсоветского пространства было стремление найти способ гармонизации интересов России в странах СНГ с императивом конструктивного сотрудничества с ЕС [см.: Обретение будущего... 2011].

курентоспособности, должна привести к институциональным изменениям и изменению внешнеполитических приоритетов.

Следует отметить, что сходной логикой характеризовалась совместная инициатива России и Европейского союза «Партнерство для модернизации», выдвинутая на саммите Россия-ЕС в Стокгольме в ноябре 2009 г. Инструментально-релятивистская трактовка модернизации, как казалось, могла предоставить в распоряжение Евросоюза механизмы влияния на трансформационные процессы в России и в то же время позволяла российским элитам не принимать на себя слишком жестких обязательств в части преобразования политических институтов. Вместе с тем сама инициатива «Партнерство для модернизации» была сформулирована сторонами таким образом, чтобы не подменять собой существующие «дорожные карты» переговоров о подготовке нового базового соглашения между Россией и ЕС. В результате эта инициатива не привела к развязке ни одной из крупных проблем в отношениях между Россией и ЕС, а ее суммарный эффект в целом соответствовал общему эффекту модернизационной риторики Д.А. Медведева для российской экономики и социальной сферы.

Вопросы европейской безопасности в экспертной деятельности ИНСОРа периода тандемократии во многом интерпретировались в контексте «модернизационного» диалога с ЕС и российско-американской перезагрузки. При этом ИНСОРа даже в 2011 г. продолжал популяризировать безнадежно забуксовавшую инициативу Договора о европейской безопасности (ДЕБ), рассматривая гипотетическую возможность заключения этого соглашения в качестве необходимой предпосылки строительства «Общего евроатлантического пространства безопасности». В комментарии к этому разделу доклада А.А. Дынкин и В.Г. Барановский высказались довольно резко: «Так может, пора отказаться от ритуальных призывов поддержать идею Договора о европейской безопасности, которая все больше напоминает “чемодан без ручки” – и тащить неудобно, и бросить вроде бы жалко?» [Обретение будущего... 2011, с. 319]. В связи с этим уместно также вспомнить, что в начале июля 2010 г. на сайте госзакупок Управлением делами президента РФ был объявлен тендер на проведение исследования по теме «Договор о европейской безопасности: субстантивное наполнение, методы реализации, цели» (начальная стоимость контракта составляла 200 тыс. руб.). Само объявление тендера на эту и другие НИР указывало на намерение кремлевского руководства упорядочить и сделать более прозрачными механизмы взаимодействия с экспертно-

аналитическими сообществами. Однако в сентябре 2010 г., когда подводились итоги конкурса, появилась лишь лаконичная информация об отмене тендера, связанного с тематикой ДЕБ [см.: Габуев, Черненко, 2012], что, очевидно, свидетельствовало об осознании бесперспективности самой идеи Договора.

Гипертрофированное общественное внимание к активности ИНСОРа, с одной стороны, провоцировало чрезмерный и не всегда оправданный критицизм по отношению к продукции этого мозгового центра, но, с другой – способствовало активизации работы других экспертно-аналитических групп и организаций. Период танDEMократии и начало третьего срока президентства Владимира Путина можно считать своеобразным «звездным часом» для российских экспертных сообществ, представители которых, наряду с традиционными для фабрик мысли функциями политического консультирования, начинали играть более существенную идеологическую роль, отчасти замещая в этом качестве политические партии и группы политического влияния. Однако экспертная деятельность в области внешней политики и международных отношений лишь «по касательной» оказывалась затронутой вниманием общества. О проблемах внешнеполитической экспертизы недвусмысленно высказывались представители того же ИНСОРа, указывавшие на неудовлетворительное качество обратной связи государства с экспертными сообществами, потребность в восстановлении и создании новых экспертных школ и направлений, важность преодоления поколенческого разрыва в экспертной среде. Призывая к пересмотру концептуальных оснований внешнеполитической деятельности, И. Юргенс и С. Кулик подчеркивали необходимость учета мнений как российского общества и российских элит, так и общественного мнения и настроений элит тех стран, сотрудничество с которыми является для России приоритетным. В частности, они предлагали подумать о создании Экспертного общественного совета, в задачи которого будет входить повышение эффективности информационного обеспечения внешнеполитической деятельности [Обретение будущего... 2011, с. 289, 292, 294].

Ситуацию, при которой экспертно-аналитические сообщества играют роль чуть ли не основных выразителей различных политико-идеологических подходов, нельзя считать нормальной. Как минимум это свидетельствует о дисфункции политических партий. В условиях соправительства 2008–2012 гг. отдельные экспертные центры начали выполнять специфические функции глашатаев идей, которые в силу тех или иных обстоятельств не могли исхо-

дить напрямую от участников тандема. Более того, представители экспертных сообществ вольно или невольно становились соучастниками специфического модерирования политической дискуссии, когда вокруг их продукции создавался ореол «сокровенного знания», якобы выражающего подлинные намерения президента или премьер-министра. Неважно, что таких намерений в действительности могло и не быть: «приписывание» некоей совокупности программных установок, например, Дмитрию Медведеву способствовало поддержанию иллюзии политической альтернативности. Когда 24 сентября 2011 г. разрешилась интрига, связанная с определением дальнейшего политического лидерства, специфическая функция экспертных сообществ оказалась в основном исчерпанной.

Помимо объективного изменения внутривнутриполитической ситуации после начала третьего президентского срока В.В. Путина, экспертные сообщества ощутили на себе и воздействие перемен в руководстве президентской администрации. С приходом В.В. Володина на должность первого заместителя руководителя Администрации Президента вместо В.Ю. Суркова начали меняться подходы к взаимодействию с экспертными сообществами, в частности, стремление администрации несколько расширить круг московских экспертных центров, но при этом обеспечить их большую подконтрольность, в первую очередь, через механизмы финансирования. Несмотря на то что количество групп интересов, заинтересованных в экспертной поддержке достаточно велико, в последние полтора года наблюдается явное снижение готовности таких групп выступать в качестве независимых заказчиков экспертно-аналитической продукции. В этих условиях зависимость экспертных сообществ от основного заказчика – государства – существенно возрастает.

Усиление государственного участия в процессах, связанных с экспертно-аналитической деятельностью, достаточно ярко проявилось и в том, что касается внешнеполитической проблематики. В феврале 2010 г. указом президента РФ Д.А. Медведева была создана новая экспертно-аналитическая организация – Российский совет по международным делам (РСМД). В результате на площадке российских экспертных центров по внешней политике и безопасности появился суперигрок, в числе преимуществ которого не последнее место занимает мощная финансовая поддержка со стороны государства. По словам исполнительного директора Совета А.В. КОРТУНОВА, РСМД является платформой, которая сможет консолидировать имеющийся в России немногочисленный экспертный ресурс по внешней политике, а также решить системные про-

блемы при взаимодействии экспертов и власти [см.: Габуев, Черненко, 2012].

Весьма показательным отражением новых тенденций является эволюция деятельности ИНСОР, который начиная с 2012 г. все больше ориентируется на внешнеполитическую проблематику. В частности, именно ИНСОР вошел от России в состав так называемого Совета советов — объединения ведущих экспертно-аналитических центров стран G20. В последнем, кстати, можно видеть проявление транснационализации активности экспертно-аналитических сообществ, которая явно идет вразрез с трендом усиления влияния государства на условия функционирования российских «фабрик мысли».

Учреждение в 2012 г. Изборского клуба в качестве своеобразной государственнической антитезы большинству либерально-ориентированных экспертных центров и интеллектуальных форумов (включая клуб «Валдай») внесло свой вклад в формирование политико-идеологической платформы, на основе которой реализовывались меры по восстановлению российского суверенитета над Крымом и Севастополем, а также другие действия российского руководства в связи с украинским кризисом. Ярко выраженная антилиберальная идеологическая направленность, апелляция к традиционным культурным основаниям и моральным ценностям, характерные для Изборского клуба, возможно, выступают предвестниками еще более крутого разворота в процессе производства смыслов, который будет иметь прямое отношение и к внешнеполитической дискуссии.

Показательным примером привнесения идеологической составляющей в конкурентные отношения между различными экспертно-аналитическими организациями России стала публикация в феврале 2014 г. доклада Российского института стратегических исследований «Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и вузов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение». Цель доклада состояла в том, чтобы показать, что экспертно-аналитическая деятельность ряда российских исследовательских центров, научных учреждений и вузов, по сути, подпадает под действие Федерального закона № 121 об НКО, выполняющих функции «иностранных агентов». Согласно докладу, эти организации «получают зарубежное финансирование и ведут политическую деятельность, оказывая влияние на формирование политики и общественного мнения» [Методы и

технологии деятельности... 2014]. Авторы доклада считают деятельность таких структур не чем иным, как иностранной пропагандой. Еще большую «опасность» такой пропаганде придает экспертный дискурс, поскольку «данные структуры воспринимаются как носители тренда и у российских экспертов вырабатывается стремление оставаться в тренде – т.е., по сути, мыслить в заданных парадигмах, подстраивать собственные высказывания под высказываемые позиции для поддержания популярности и собственной востребованности в масс-медиа» [там же]. Среди организаций, ведущих такого рода деятельность, в докладе были названы Московский центр Карнеги, Российская ассоциация политической науки, Центр политических исследований России (ПИР-Центр), Левада-центр, Российская экономическая школа, Фонд «Новая Евразия», Российская ассоциация международных исследований, Институт социологии РАН¹. Следует отметить, что в докладе не просто перечислялись источники зарубежного финансирования этих организаций, но критически анализировалась их научная продукция. Несомненно, что доклад РИСИ продемонстрировал не только новую модальность в отношениях конкуренции между экспертными сообществами, но и нарастающую нетерпимость в определенных кругах к плюрализму экспертных оценок.

Интересно отметить, что спустя несколько месяцев после демарша РИСИ в США был опубликован доклад «Америка плохо обслуживается финансируемыми правительством региональными исследованиями и программами по внешней политике», подготовленный сотрудником Фонда Наследия М. Гонсалесом [Gonzalez, 2014]. Автор доклада напрямую связывает неудачи внешнеполитического курса администрации Б. Обамы с фундаментальными просчетами экспертного сообщества, с тем, что «прогрессивный академический консенсус» глубоко ошибочен в отношении ряда ключевых глобальных проблем, в том числе проблем российско-американских отношений. Гонсалес откровенно призывает к сокращению бюджетного финансирования соответствующих университетских программ и к наращиванию финансовой поддержки образовательных программ, связанных с национальной безопасностью.

Явные аналогии между докладами РИСИ и Фонда Наследия заставляют задуматься о причинах, способствующих переводу конкуренции между экспертными группами и сообществами в по-

¹ Две из этих организаций – ПИР-Центр и Левада-Центр – впоследствии получили статус «иностраннных агентов». – (Прим. ред.)

добную модальность. Для Америки, по всей видимости, основной причиной является углубление межпартийного раскола, спроецированное на экспертно-аналитическую деятельность. В случае России речь идет не о противостоянии оформленных политических сил, но о перманентном конфликте фракций, крайне условно соотносимых с «либерализмом» и «консерватизмом». Это все та же «властная плазма», но в довольно возмущенном состоянии, обусловленном нарастающей международной напряженностью и возможным перераспределением ресурсов между экспертными структурами.

Следует, однако, осознавать, что ограничение экспертной деятельности жесткими идеологическими рамками, сокращение возможностей как для публичных дискуссий с участием экспертов, так и для взаимодействия властных структур с экспертным сообществом довольно быстро может привести к снижению качества политических решений. Именно поэтому можно рассчитывать, что разнообразие мнений и аналитических подходов в российском экспертном сообществе будет сохранено и станет основой для разработки эффективной стратегии развития России в нестабильном мире.

О.Ю. Малинова

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Как отмечалось во введении к настоящему сборнику, развитие экспертно-аналитических сообществ, их взаимоотношения с властью и обществом уже давно являются предметами внимания исследователей публичной политики в России. В меньшей степени изучена другая сторона их деятельности – их участие в производстве общественно-значимых идей и символической борьбе за смыслы, или идеологической конкуренции¹. Данный аспект нередко ускользает от внимания наблюдателей, не в последнюю очередь потому, что высокий социальный статус экспертного знания определяется его «объективностью». Тем не менее в тех случаях, когда результаты экспертно-аналитических разработок открыты для широкой публики, они потенциально включены в поле идеологической конкуренции, ибо заявляются в структурированном смысловом пространстве, где имеет место борьба за власть и доминирование. Это не означает, что идеологическая функция экспертно-аналитических сообществ во всех случаях проявляется достаточно отчетливо. Однако при определенных условиях эксперты оказываются значимыми выразителями конкурирующих мировоззрений, что не может не влиять на их роль в формировании общественной повестки дня.

¹ В данном случае оба понятия равно правомерны: речь идет об артикуляции представлений о социальном мире, разделяемых некими группами и обусловливающих определенный способ видения его проблем. Особенности экспертного дискурса, имеющего преимущественно вербальную и рационально-логическую форму, позволяют описывать его в как в логике более общей категории «символической политики», так и в традиционном смысле «идеологической конкуренции».

Можно предположить, что, с одной стороны, «идеологическая окраска» повышает шансы экспертного дискурса на общественное влияние, поскольку способствует его восприятию в логике борьбы идейно-политических «партий» и тем самым делает его более «понятным» для широкой публики и более привлекательным для освещения в СМИ. Но с другой стороны, слишком очевидная идеологизация подрывает символический капитал экспертно-аналитических сообществ, основанный на «объективности», а значит – их авторитет в глазах общественности.

В настоящей статье мы попытаемся продемонстрировать рост идеологической составляющей в публичной деятельности ряда московских экспертно-аналитических организаций в 2008–2016 гг. и выделить факторы, способствовавшие развитию данной тенденции. Материалами для нашего анализа послужили аналитические доклады, подготовленные различными экспертными организациями в контексте обсуждения политического курса президентов Д.А. Медведева и В.В. Путина, а также публикации СМИ, посвященные этим докладам.

Начиная с первого президентского срока В.В. Путина сотрудничество власти с экспертно-аналитическими организациями носило достаточно систематический характер. Администрация президента выражала заинтересованность в привлечении экспертов к обсуждению готовящихся решений, прежде всего – экономических, чем в определенной мере стимулировала предложение на рынке консалтинговых услуг и аналитических разработок. В разные годы с федеральной исполнительной властью активно сотрудничали Фонд эффективной политики (ФЭП), Центр политических технологий (ЦПТ), ИнОП, Центр политической конъюнктуры России (ЦПКР), позже – ИнСОР и др. При этом экспертное сообщество изначально рассматривалось в качестве не только поставщика аналитических продуктов, но и авторитетного агента публичной коммуникации, полезного для легитимации действий власти.

Однако по-настоящему благоприятные условия для превращения экспертно-аналитических сообществ в игроков символического / идеологического поля возникли лишь в 2008–2011 гг., когда власть оказалась представлена двумя лидерами, точнее – в контексте дискуссий о заявленном Медведевым курсе на «модернизацию».

Экспертно-аналитические организации как выразители конкурирующих подходов к «модернизации» (2009–2010)

Подготовка программы «модернизации» началась уже после того, как идея нового курса была заявлена. Это не только создавало запрос на экспертную проработку вариантов его реализации, но и стимулировало внимание общества к их обсуждению. Причем власть, по-видимому, была заинтересована в развитии дискуссий – разумеется, в определенных пределах, – ибо *обсуждение* с участием экспертов рассматривалось как *действие*, направленное если не на решение проблемы, то на легитимацию самой власти [см.: Малинова, 2012]. Это побудило ряд московских экспертных центров к организации широких PR-кампаний вокруг своих аналитических продуктов. Результатом стало не только тиражирование ключевых идей подготовленных ими докладов средствами массовой информации, но и публичное «противостояние» экспертных позиций, которые порой интерпретировались журналистами в качестве отражения точек зрения действующих политиков. Пресса пестрила заголовками «Дуэль докладов», «Война круглых столов», «ИнОП против ИнСОРа» и т.п.

В пересказе СМИ собственно исследовательская, аналитическая составляющая докладов редуцировалась, и на первый план выступали *идеологические аспекты* предлагаемых системных решений – их ценностно-символическая направленность, связь с конкретными субъектами политического действия и главное – их диалогическая соотнесенность с позициями других спикеров. Тем самым экспертные организации вольно или невольно становились игроками идейно-символического поля, вовлекаясь в борьбу за доминирование определенных способов интерпретации социальной реальности. Их включение в эту роль облегчалось тем, что в силу ряда причин российские политические партии не слишком сильны в производстве идеологий [см.: Толпыгина, 2011]. Нельзя сказать, чтобы последние вовсе не участвовали в дискуссии о модернизации; однако их позиция была скорее реактивной, а интеллектуальное качество их предложений заметно уступало докладам, представленным непосредственно экспертными организациями [см.: Малинова, 2012, с. 57–60]. В результате в отдельные моменты дискуссии именно идеи, высказываемые экспертами, оказывались точками кристаллизации конкурирующих альтернатив.

Разумеется, публичная активность экспертно-аналитических центров едва ли вызвала бы такое внимание широкой обществен-

ности, если бы не режим «танDEMократии». Хотя президент Медведев и премьер-министр Путин настойчиво твердили о «полном согласии», их публичные высказывания давали основание предполагать различия в понимании целей политического курса [Шестопал, 2011; Малинова, 2012]. В силу особенностей сложившейся властной конструкции такие различия не могли быть отчетливо артикулированы самими лидерами или поддерживающей их «Единой Россией». Эту функцию при благожелательной поддержке сверху взяли на себя экспертные структуры, аналитические продукты которых послужили «точками кристаллизации» конкурирующих подходов к модернизации. Прежде всего – ИнСОР и ИнОП (предполагалось, что за первой организацией «стоит» Д. Медведев, а за второй – В. Путин); однако в «войне круглых столов» участвовали и другие команды экспертов, в том числе и со своими докладами [Демократия... 2008; Ежегодный доклад ИнОП, 2009; Россия XXI века... 2010; Модернизация России... 2009 и др.].

Кроме того, столь заметный идеологический эффект PR-кампаний, организованных экспертно-аналитическими центрами, в немалой степени определялся общим состоянием политического и медийного полей. И то и другое в 2000-х годах подверглось трансформации, обеспечившей переход от «полицентризма» 1990-х годов к «моноцентризму» [Зудин, 2003], что существенно сузило возможности для кристаллизации идеологических альтернатив [Идейно-символическое пространство... 2011, с. 274–283]. В этих условиях выступления спикеров, более или менее системно заявлявших такие альтернативы, должны были иметь заметный резонанс.

Эксперты, участвовавшие в подготовке докладов, несомненно видели в своей деятельности возможность повлиять на решение общественных проблем через политиков, которым были адресованы их рекомендации¹. Не случайно многие не скрывали разочарования, убеждаясь, что результаты не оправдали ожиданий. Вместе с тем сам процесс публичной дискуссии воспринимался как важное и полезное дело, в котором участники обретают некую политическую субъектность. Как выразился И. Юргенс, «Рубикон убе-

¹ Пример такой установки – эмоциональное заявление лидера ИнСОРа И. Юргенса: «Мы можем и должны сделать какую-то консенсусную программу модернизации, мы ее сделаем. Ты, президент, заявил о модернизации, найди в себе силы и волю, выдвигайся и реализовывай! А мы будем полностью и ответственно помогать» [Юргенс, 2010].

жденности, что идеология разрабатывается только там, наверху, и это не наше дело, по-моему, сейчас преодолен» [Юргенс, 2010]. Отсюда – не только решимость «готовить альтернативные предложения и настаивать на их реализации», о которой сообщается на сайте ЦСР [О Центре], но и представление о том, что публичная экспертная дискуссия может рассматриваться в качестве одного из способов изменения ситуации. Именно так ставил вопрос экс-министр финансов, лидер созданного в апреле 2012 г. Комитета гражданских инициатив А.Л. Кудрин: «...мы хорошо помним, что в прошлом вполне разумные программы оставались на бумаге либо претворялись в жизнь, но не приносили ожидаемых результатов. В силу этого считаю, что сформулированные предложения по экономической политике на новом этапе следует рассматривать как основу для обязательной широкой общественной дискуссии» [Кудрин, 2012, с. 60]. Эти высказывания свидетельствуют о двойственности установок той части экспертного сообщества, которая с готовностью откликнулась на призыв к модернизации. С одной стороны, надежды на изменения связывались с властью и ее способностью реализовать предлагаемые программы. С другой же стороны, по мере разочарования в намерениях контрагента акцент все больше смещался в сторону собственно публичной деятельности – формирования общественного мнения в пользу необходимых реформ.

Роль экспертных центров в формировании общественной повестки дня в 2011–2013 гг.

В контексте избирательной кампании 2011–2012 гг. эта активность приобрела новое качество: если обсуждение темы модернизации в 2009–2010 гг. было начато президентом Д. Медведевым, то теперь убежденные в необходимости реформ эксперты попытались взять на себя инициативу в определении общественной повестки. Первой ласточкой стал доклад ЦСР «Политический кризис в России и возможные механизмы его развития», опубликованный в марте 2011 г. Опираясь на данные социологических исследований, его авторы фиксировали «неожиданные» сдвиги в политическом сознании населения и констатировали, что «политический кризис в России уже идет полным ходом, хотя еще и не выплеснулся на поверхность политической жизни» [Белановский, Дмитриев, 2011].

Выводы этого документа очевидным образом контрастировали с основной идеей опубликованного несколькими неделями

ранее доклада ИнОП, опровергавшего тезис о том, что «только немедленная демократизация социальной жизни решит все российские проблемы». По заверению ИнОПовцев, не только реализация, но даже обсуждение этого тезиса приносит «вред», ибо «смещает общественную повестку дня от насущных проблем к ложному политическому выбору, ослабляя тем самым политические и общественные институты» [Оппозиции... 2011, с. 1].

Таким образом, мартовский доклад ЦСР не только поддержал линию ИнСОРа (который, по мнению журналистов, подразумевался авторами доклада ИнОП в числе тех, кто навязывает «немедленную демократизацию» в качестве «основы государственной политики» [см., напр.: Липский, 2011]), но и подкрепил ее данными о наличии общественного запроса на перемены. Примечательно, что оппоненты из «Русского журнала» (сетевой проект Г. Павловского) тут же обвинили авторов доклада ЦСР в стремлении сочетать позиции экспертов и идеологов: «Они попеременно выступают то в роли ученых социологов и экономистов, то в роли представителей среднего класса, имеющих определенные причины для беспокойства в связи с нынешним положением дел в стране» [Мартынов, 2011]. При этом корреспондент «Русского журнала» безошибочно определил в анализируемом тексте признаки идеологического дискурса: Белановский и Дмитриев стремятся направить политический кризис в эволюционное русло «плавной трансформации», и «эта наука плавности рассматривается авторами как нечто аксиоматическое и в доказательствах не нуждающееся (выделено нами. – О.М.)» [Там же; ср.: Dijk, 1998, p. 263–277].

Как известно, прогноз ЦСР подтвердился – сентябрьское решение о «рокировке в правящем тандеме» и фальсификации при определении результатов декабрьских выборов в Государственную думу спровоцировали массовые протестные акции в Москве, Санкт-Петербурге и ряде крупных городов. Это обстоятельство еще больше подогрело общественный интерес к жанру экспертных докладов, и в последующие месяцы презентации аналитических продуктов различных центров стали регулярными новостными поводами.

После президентских выборов кампания докладов не прекратилась, а лишь набрала обороты: шла борьба за содержание нового политического курса, и активность экспертно-аналитических центров отражала публичную часть этого «айсберга».

Примечательно, что в 2012 г. пул экспертно-аналитических центров пополнился сразу несколькими новыми организациями, имевшими вполне отчетливый идеологический профиль.

В апреле 2012 г. по инициативе А.Л. Кудрина был создан Комитет гражданских инициатив (КГИ), задуманный в качестве «объединения профессионалов, совокупный авторитет которых поможет донести гражданские инициативы до любого уровня власти» [О Комитете]. Комитет не только занимается подготовкой докладов и обзоров по актуальным вопросам общественной и политической жизни, но и систематически заказывает такого рода исследования другим экспертным организациям и социологическим центрам. Очевидно, что для самого Кудрина, федерального политика с огромным опытом и сложившейся репутацией, этот проект – хорошая форма «перезарядки батарей» перед возможным возвращением в «большую политику».

В ходе реорганизации после выборов в Администрации президента было принято решение вынести на аутсорсинг аналитическую работу, для чего были созданы новые центры, призванные проводить исследования и взаимодействовать с экспертным сообществом. Первоначально планировались четыре новых центра, однако запущены оказались лишь два – Фонд развития гражданского общества (ФoРГО, председатель правления К. Костин, учрежден 4 июня 2012 г.) и Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ, председатель совета директоров Д.В. Бадковский, учрежден 8 июня 2012 г) [см.: Костенко, 2012; Кашеварова, 2013].

Наконец, в сентябре 2012 г. в качестве «интеллектуальной альтернативы либеральному проекту» был создан Изборский клуб (председатель – А. Проханов). Одну из своих задач члены клуба видят в «создании и представлении власти и обществу России аналитических докладов, направленных на формирование обновленной патриотически ориентированной государственной политики во всех сферах национальной жизни» [Об Изборском клубе].

Таким образом, в начале нынешнего политического цикла к уже существующим экспертно-аналитическим структурам добавились новые, ориентированные на поддержку как правительственной¹, так и оппозиционной линии.

¹ Следует уточнить, что в рамках проправительственного лагеря сосуществуют разные подходы: здесь есть свои «реформисты» и «консерваторы». По-

В 2012–2013 гг. прореформистски настроенная часть экспертного сообщества активно использовала общественную трибуну, чтобы повлиять на курс вновь избранного президента В.В. Путина. Не углубляясь в содержательный анализ этого дискурса (он заслуживает самостоятельного исследования), мы попытаемся на нескольких примерах проиллюстрировать его *идеологические эффекты*. Таковые, на наш взгляд, возникают, во-первых, в результате перестановки акцентов и упрощения содержания аналитических текстов в медийном пересказе; во-вторых, в силу того, что публичные дискуссии экспертов очевидным образом отражают борьбу разных подходов к решению общественных проблем, за которыми стоят те или иные ценностные установки; в-третьих, за счет того, что идеи связываются с конкретными субъектами политического действия.

Вскоре после инаугурации В.В. Путина, в мае 2012 г. был опубликован доклад «Общество и власть в условиях политического кризиса», подготовленный ЦСР по заказу КГИ¹, в котором уточнялись перспективы развития ситуации после президентских выборов. В докладе утверждалось, что несмотря на спад интереса граждан к активным протестам, недовольство властью и запрос на перемены продолжают устойчиво нарастать. Причем запрос этот имеет прагматичный, неидеологизированный характер: требования недовольных сводятся, в основном, к исправлению ситуации в сфере образования, здравоохранения, ЖКХ, безопасности и правосудия. Согласно выводу авторов, политический «кризис приобрел необратимый характер» [Общество и власть... 2012, с. 4] и вне зависимости от того, какой из четырех описанных в докладе сценариев (политическая реакция, ускоренная модернизация, радикальная трансформация и инерционное развитие) окажется реализован, страну ждут «системные политические изменения» [там же, с. 97]. Хотя авторы доклада воздерживались от прямых рекомендаций, было очевидно, что их симпатии – на стороне второго сценария, предполагающего диалог «между сторонниками модернизации во власти и среди протестующих с целью формирования коалиции и

этому было бы неверно рассматривать спектр позиций, артикулируемых экспертами, по принципу «двух лагерей».

¹ Это третий по счету «политический доклад» ЦСР. Второй – «Движущие силы и перспективы политической трансформации России» – опубликован в ноябре 2011 г. [см.: Движущие силы... 2011], накануне парламентских выборов. Четвертый доклад «Возможно ли новое электоральное равновесие» был представлен на заседании КГИ 11 июля 2013 г., когда дописывалась эта статья.

частичной кооптации оппозиционных сторонников модернизации во власть», что «помогло бы сдержать эскалацию протестного насилия и сохранило бы перевес на стороне сил модернизации» [Общество и власть... 2012, с. 4]. Однако они честно признавали наличие факторов, препятствующих такому варианту развития событий.

В медийном пересказе доклад утратил нейтрально-констатирующую тональность. Он был представлен как «интеллектуальное давление на власть», подкрепляющее «уличные формы протестной активности» [Ваньков, 2012; ср.: Кудрин побаловал «Болотку»... 2012]. Пресса изображала подготовленный по заказу Кудрина и КГИ доклад как «черную метку» вновь избранному президенту, подчеркивала вероятность негативных сценариев, и намекала на политические амбиции экс-министра финансов [см.: Артемов, 2012; Граник, 2012 и др.]. Таким образом, имела место очевидная перестановка акцентов. Впрочем, и сами авторы доклада в общении с прессой не воздерживались от более определенных оценок описанных ими сценариев [Дмитриев, 2012].

Примечательно, что инициативы прореформистских аналитических центров побудили их оппонентов из пропутинского крыла экспертного сообщества определить «правильные» рамки для деятельности такого рода. В статье, опубликованной в «Известиях» 10 мая 2012 г. (т.е. после инаугурации Путина, но до представления доклада ЦСР) руководитель Научного совета Центра политической конъюнктуры России А.А. Чеснаков писал: «“На стороне” писать спецплан лично для Путина нет особой необходимости – способность самостоятельно формулировать политические цели и механизмы их достижения он продемонстрировал в недавних статьях. На реализацию этих целей он получил полноценный мандат на общенародных выборах, и вряд ли большинство советов тут могут что-то радикально изменить. (...) Гораздо более эффективно было бы, опираясь на актуальные публичные дискуссии, определить перечень приоритетных задач, в которых заинтересовано само общество и без решения которых оно не признает позитивными результаты работы власти через шесть лет» [Чеснаков, 2012]¹.

¹ В том же духе позже высказался директор Института социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ) Д. Бадовский. В интервью «Московскому комсомольцу» он заявил: «Сейчас много говорят о важности диалога между властью и обществом. Но еще более важным является диалог внутри самого общества. Сейчас такого диалога практически нет». Причину такого положения вещей человек, незадолго до того отвечавший за идеологическую

Другими словами, рекомендовалось советовать не власти, но обществу, у которого пока нет ясного понимания собственных потребностей.

Тем не менее Комитет гражданских инициатив оказался тверд в своем намерении «доносить до власти» экспертную оценку общественных запросов. Первую годовщину своей деятельности Комитет отметил презентацией доклада «Власть – элиты – общество: Контуры нового общественного договора», подготовленного по его заказу Центром политических технологий. Доклад содержал анализ реакции общества на консервативные и либерализующие инициативы власти и по существу – критику осуществляемого политического курса. Авторы доказывали, что «консервативная волна», т.е. комплекс уже принятых или готовящихся мер, призванных представить власть в роли «главного хранителя традиций» и «гаранта справедливости», не достигает цели, ибо патерналистское и авторитарное большинство, на основе которого прежде строился «путинский консенсус», становится более сложным и разнородным. Вместе с тем стремление власти поддержать консервативные настроения «стратегически... входит в противоречие с... широким общественным запросом на демократизацию», выявленным в ходе проведенного исследования [Власть – элиты – общество... 2013]. Несмотря на то что население не видит возможности влиять на ситуацию, а власть не хочет ни с кем заключать общественный договор, именно в этом направлении авторы доклада усматривали выход из возникшего тупика. Отвергая упреки в том, что сторонники либерализации политической жизни якобы «хотят «второй горбачевской перестройки», чреватой хаосом и распадом», они заявляли: «Мы верим, что еще не упущен момент начать реформы эволюционным путем и избежать столь страшных сценариев» [там же]. Таким образом, в отличие от предыдущих докладов, ограничивавшихся описанием возможных сценариев, в апрельском докладе ЦПТ для КГИ была заявлена вполне определенная политическая и идеологическая позиция, оппонирующая актуальному правительственному курсу, и предлагалась конкретная программа действий («контуры нового общественного договора»). Доклад

работу в Администрации президента, видит в том, что в «нашей политике совершенно гипертрофированную роль играют медийные, пропагандистские и контрпропагандистские технологии», причем сильные либеральные СМИ не имеют противовеса в виде «серьезных, общенациональных консервативных СМИ» [Бадовский, 2013].

можно рассматривать в качестве развития той «либеральной, умеренной, призывающей к эволюционному, а не революционному развитию страны линии», на которой ранее настаивал И. Юргенс [Юргенс, 2012 b]. Таким образом, есть основания говорить об оформлении пула экспертных организаций, которые, компенсируя отсутствие сильной «правой партии»¹, публично артикулируют либерально-реформистскую повестку.

В то же время представители многих аналитических структур в 2012–2013 гг. оказывали идеологическую поддержку «консервативному» курсу Путина и тем самым прямо или косвенно выступали против сторонников либерализации. Например, президент Фонда «Политика» В. Никонов, комментируя создание Общероссийского народного фронта, говорил о необходимости противостоять «силам сопротивления» курсу Путина – «активным и пассивным, сознательным и невольным». В числе «вероятных противников» Фронта он называл не только внешних врагов, но и «оппозицию, готовую вцепиться власти в глотку за любой ее шаг в сторону», а также «часть правительства, ориентированную исключительно на бухгалтерские показатели и уверенную в том, что государство должно уходить в тень, предоставив судьбу страны невидимым силам рынка» [Никонов, 2013]. Выступающему за изменение курса «меньшинству» противопоставлялось проголосовавшее за Путина «большинство». Так, руководитель научного совета ЦПКР А. Чеснаков, рассуждая о необходимости «ликвидировать идеологическое противостояние “двух России”», представлял требования оппозиции как «идеологию социального неравенства, основанную на требовании наделить “активное меньшинство” особыми правами по сравнению с “пассивным большинством”». По мнению эксперта, «власти необходимо найти разумный компромисс между желающими немедленно стать хоть кем-нибудь и интересами тех, за счет кого они хотят этим кем-нибудь стать. Иначе это сделают другие» [Чеснаков, 2012]. Таким образом, достраивалась картина идеологического противостояния: споры «политоло-

¹ Примечательно, что название «либеральная» в этом контексте звучит редко, и, согласно данным, опубликованным Центризбиркомом, среди зарегистрированных политических партий, которые смогут принять участие в сентябрьских выборах в регионах, нет ни одной, в названии которой значилось бы это прилагательное. Либерально-демократическая партия России официально сменила название на «Партия ЛДПР» [см.: Корня, 2013].

гов» представлялись как отражение позиций путинского «подавляющего большинства» и «креативного меньшинства».

Вместе с тем имела место и экспертная идеологическая поддержка «реформистской» составляющей официального курса. Например, подкрепляя линию на разделение социальных и гражданских функций организаций «третьего сектора», ФоРГО опубликовал в марте 2013 г. «Доклад о развитии институтов гражданского общества в России», в котором доказывалось, что «развитие “третьего сектора” невозможно без активного участия и поддержки со стороны государства», и в то же время утверждалось, что доля НКО, занятых контролем и экспертизой, в России существенно выше, а НКО, работающих «непосредственно в социально значимой сфере», – ниже, чем в других странах¹ [Доклад... 2013]. Из этого следует, что государственная помощь должна быть адресована преимущественно НКО второго типа. Разумеется, в либеральной прессе этот вывод доклада был подвергнут критике [см.: Никольский и др., 2013]. Однако дальнейшее развитие событий – волна проверок НКО со стороны прокуратуры и Минюста, последовательное ужесточение закона об «иностранных агентах» – показало, что возможен и более жесткий вариант развития событий. На этом фоне доклад ФоРГО выглядит действительно куда более либеральным.

Наконец, свою лепту в «войну докладов» в 2012–2013 гг. внесли и «социальные консерваторы» из Изборского клуба. В октябре 2012 г. был опубликован его первый доклад «Стратегия большого рывка», в котором рассматривались четыре сценария «временного или окончательного преодоления внутреннего системного кризиса» – «три плохих или очень плохих» и один «позитивный», связанный с «долгосрочной системной стратегией», которую можно осуществить «при соответствующем харизматическом лидере и ответственной элите». Предлагая стратегию «Большого рывка» в качестве «особого мобилизационного проекта», необходимого в условиях «вползания России в глобальную войну», авторы доклада уповали на «уникальный опыт форс-мажорного системного мобилизационного проектирования и осуществления мобилизационного проекта, каким обладает Россия как наследница Советского Союза». Этот проект предполагает модернизацию в

¹ Именно этот тезис в интервью К. Костина по поводу доклада сочли нужным акцентировать на сайте ФоРГО [ср.: Константин Костин о перекосе... 2013; Никольский и др., 2013].

условиях авторитарного режима, консолидированного на основе «общенациональной мобилизационной идеологии “общего дела”» [Стратегия Большого рывка, 2012].

Чтобы замкнуть спектр идеологических позиций, артикулируемых экспертами, нужно упомянуть, что у «либеральных реформистов» есть оппоненты не только справа, но и слева (правда, менее многочисленные). Так, ведущий научный сотрудник Московского Центра Карнеги Л. Шевцова в «Новой газете» подвергла критике «влиятельных экспертов, публицистов, писателей и общественных деятелей», которые, «будучи антипутинистами и борцами с путинским Кремлем... поддерживают правила игры, которые должны обеспечить монополию на власть одной силы, которая, как они надеются, должна реформировать Россию». По мнению автора, тем самым «самодержавники-интеллектуалы» «затрудняют обсуждение того, что сейчас важно: ...как создавать альтернативу самодержавию» [Шевцова, 2013]¹. Таким образом, в 2013 г. наиболее решительные сторонники либеральной альтернативы считали правильным не возлагать надежды на нынешнюю власть и готовить программу для тех, кто придет ей на смену.

В 2012–2013 гг. публичная деятельность экспертно-аналитических организаций по инерции продолжала набирать обороты. Хотя общие контуры нового политического курса определились в первые же месяцы после инаугурации В.В. Путина, какое-то время перспективы его гипотетической корректировки продолжали стимулировать активность экспертно-аналитических организаций. Налаженные модели взаимодействия со СМИ позволяли организовывать эффективные PR-кампании вокруг готовящихся докладов, которые стали привычными информационными поводами. Формат аналитического доклада позволял критиковать правительственный курс, не выходя за границы дозволенного, резко ужесточившиеся в контексте борьбы с «уличной» оппозицией. Наиболее серьезные риски для экспертно-аналитических сообществ были связаны с принятием в июле 2012 г. так называемого «закона об иностран-

¹ Как ни странно, тот же упрек «либеральной экономической фронде» выдвинул и отнюдь не симпатизирующий ей Б. Межуев. Обсуждая эмиграцию С. Гуриева, он писал: «В прежние годы ему надо было, наверное, не бичевать госкапитализм и рекламировать модернизационный опыт Южной Кореи, а говорить одну и только одну вещь: России нужен наконец нормальный и дееспособный парламент, который мог бы реально ограничивать исполнительную власть. Потому что только с этого шага – с парламентских свобод – и начинается современность и приходит к своему завершению Старый порядок» [Межуев, 2013].

ных агентах» – поправок в федеральный закон, регулирующий деятельность общественных организаций, согласно которым НКО, участвующие в «политической деятельности» и получающие финансовую помощь из-за рубежа, обязаны регистрироваться в качестве «иностранных агентов» и указывать данное обстоятельство во всех своих публикациях. Однако для экспертно-аналитических организаций, работающих для российских заказчиков, эта проблема не стояла столь остро.

Публичная активность экспертно-аналитических сообществ «после Крыма»

В 2014 г., после принятия Республики Крым в состав России, которое повлекло за собой серьезное ухудшение международного положения РФ, контекст для публичной деятельности экспертно-аналитических сообществ резко изменился. Правительственный политический курс приобрел определенность, которая не оставляла иллюзий относительно возможностей влияния на него экспертов. Главным пунктом внешнеполитической повестки стала борьба против международной изоляции России. Внутренняя же политика оказалась еще больше сосредоточена на консолидации ресурсов в условиях углубляющегося экономического кризиса и мобилизации массовой поддержки президента В.В. Путина. И позитивные (массовый энтузиазм по поводу присоединения Крыма), и негативные (антизападная пропаганда) составляющие кампании мобилизации способствовали безусловному доминированию в публичной сфере «патриотического большинства» и резкой маргинализации критиков политики Путина, их стигматизации в качестве «национал-предателей» и «пятой колонны Запада». Такое изменение конфигурации публичного идейно-символического пространства вкупе с ужесточением законодательства о деятельности общественных организаций и персональными гонениями отдельных «несогласных»¹ создавало качественно иной контекст для публичной дея-

¹ Широко освещавшиеся СМИ личные истории ректора РЭШ С. Гуриева, под угрозой уголовного преследования по «третьему делу ЮКОСа» уехавшего из России, М. Дмитриева, лишившегося поста президента ЦСР, профессора МГИМО А. Зубова, уволенного за неполиткорректную критику присоединения Крыма, и др. безусловно играли «знаковую» роль и справедливо интерпретировались как

тельности экспертно-аналитических сообществ. У тех из них, чьи идеи находились в русле «посткрымского» политического курса, открывались новые возможности для влияния на общество и власть. Тем же, кто был склонен критиковать политику Путина, приходилось проявлять осторожность в выборе тем и выражений.

Наилучшие шансы появились у «социал-консерваторов» и имперских националистов из Изборского клуба, ибо никогда еще правительственный курс не был столь близок к их идеалам. С начала 2013 г. по июнь 2016 г. эксперты Изборского клуба опубликовали 36 аналитических докладов, подготовленных видными интеллектуалами консервативно-националистической ориентации – С. Глазьевым, М. Делягиным, В. Аверьяновым, А. Дугиным, С. Черняховским, А. Фурсовым и др. Эти доклады обсуждались на заседаниях клуба и публиковались на его сайте¹. Тематика аналитических докладов Изборского клуба охватывает широкий спектр проблем внутренней и внешней политики и очевидным образом сфокусирована на мобилизации ресурсов для противостояния Западу. Название одного из докладов С. Глазьева – «Предотвратить войну – выиграть в войне»² – могло бы послужить эпиграфом ко всей серии. Эксперты Изборского клуба обсуждали перспективы новой холодной войны и интеграцию в Евразии, реформу российской армии, проблемы социальной структуры российского общества, проблемы безопасности и современные практики ведения войны («сетевые», «цифровые», «информационные» войны) и многое другое. Претендуя на роль «чего-то вроде штаба патриотических сил современной России» [По ту сторону... 2013], Изборский клуб особое внимание уделял их консолидации. В 2013 г. его экспертами был подготовлен доклад «По ту сторону “красных” и “белых”», посвященный перспективам примирения двух лагерей российских «патриотов» – сторонников «социальной справедливости» («патриотов» советского образца) и приверженцев «традиционных», т.е. православных и отчасти «монархических ценностей». Авторы доклада утверждали, что разжигание вражды между этими лагерями –

изменение границ дозволенного [см.: Экспертное сообщество... 2013; От редакции: Суверенная экспертиза, 2013].

¹ Доклады Изборского клуба. – Режим доступа: <http://www.izborsk-club.ru/esovet/>

² Автор доклада на основе анализа длинных циклов утверждает, что региональные военные конфликты, в которых США и их союзники будут противостоять России, наиболее вероятны в 2015–2018 гг., и предлагает программу мер для противостояния грядущим вызовам [Глазьев, 2014 а].

результат интриг Запада против России [По ту сторону... 2013]. Следует признать, что систематическая активность Изборского клуба действительно является важным фактором интеграции национал-патриотической части российского идеологического спектра. Деятельность клуба широко освещается СМИ. Подсчеты в базе данных Интегрум показывают, что в «посткрымский» период количество упоминаний о нем в центральных печатных и интернет-изданиях выросло вдвое по сравнению с 2013 г. (см. рис. 1).

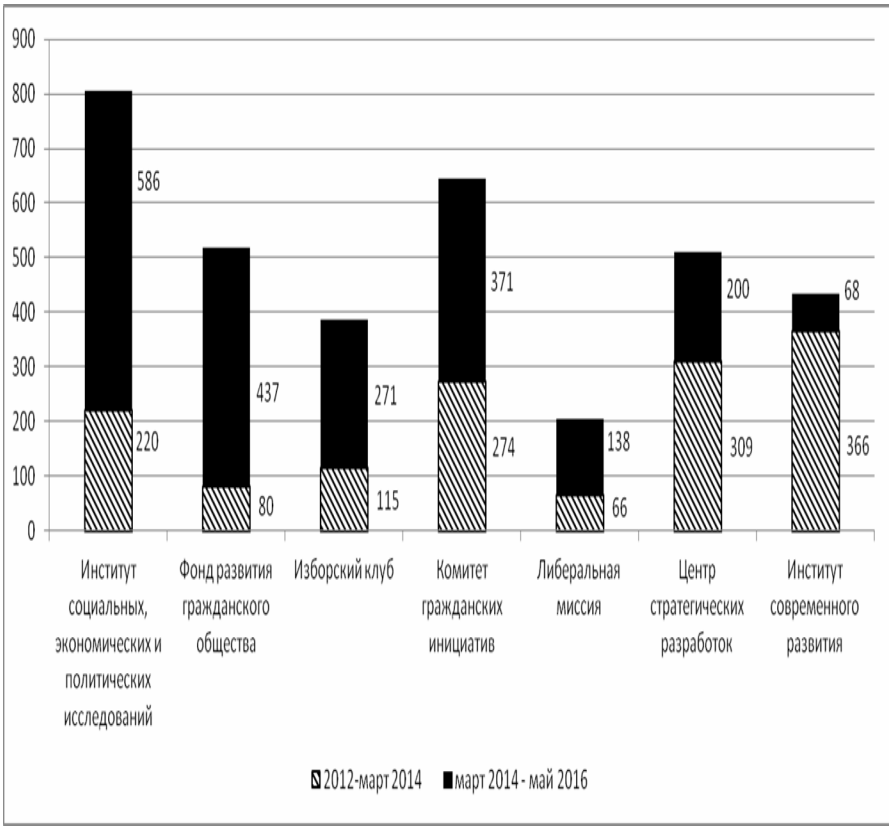

Рис. 1.
Количество упоминаний экспертно-аналитических организаций в центральных печатных и электронных СМИ (по данным базы Интегрум)

Очевидно, что доклады Изборского клуба адресованы не только широкой публике, но и властям. То обстоятельство, что один из ведущих его экспертов – экономист С. Глазьев – с 2012 г. занимает пост советника президента, может рассматриваться как знак готовности кремлевской администрации включать идеи Изборского клуба в свой идеологический арсенал – пусть и не в столь радикальной форме. Впрочем, собственный идеологический проект Кремля – заказ на экспертную проработку перспектив консерватизма в современной России – был отдан не Изборскому клубу, а ИСЭПИ, возглавляемому бывшим сотрудником Администрации президента Д. Бадовским.

Новые политические обстоятельства дали «патриотическим» и антизападническим кругам более широкие возможности для борьбы с оппонентами. К сожалению, ими не преминули воспользоваться и в экспертно-аналитической среде. В марте 2014 г. Российский институт стратегических исследований (РИСИ) совместно с Центром актуальной политики опубликовали доклад «Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и вузов, получающих финансирование из зарубежных источников» [Методы... 2014]. Авторы доклада (на основании весьма неполной и отчасти недостоверной информации) анализировали работу ряда экспертных и исследовательских структур, получавших финансовую поддержку зарубежных фондов, в том числе – Московского центра Карнеги, Российской ассоциации политической науки, Российской ассоциации международных исследований, ПИР-центра, «Левада-центра», Института социологии РАН, Российской экономической школы и др., – и пытались доказать наличие признаков «политической деятельности», дающих основания для признания данных организаций «иностранными агентами». Многие наблюдатели не без оснований определили «доклад» РИСИ как донос [см. Горбачев, 2014; Трушков, 2014]. Этот документ вызвал множество опровержений; спустя некоторое время его текст исчез с сайта РИСИ, и в настоящее время доступен на сайте Общественной палаты Федерального Собрания РФ. Тем не менее аргументы экспертов РИСИ оказались «в струе» правительственного курса: уже в мае 2014 г. были приняты поправки к «закону об иностранных агентах», заменившие инициативный принцип регистрации на принудительный, что открыло путь для его широкого применения. Таким образом, независимые экспертно-аналитические центры,

когда-либо получавшие зарубежное финансирование, оказались под угрозой стигматизации в качестве «иностранных агентов».

Изменения политического курса, последовавшие за возвращением В.В. Путина на пост президента, коснулись и сферы идеологии. Фраза о «дефиците духовных скреп», включенная в его первое послание Федеральному собранию РФ, не без оснований была воспринята как знаковая: что бы Путин ни говорил о неприемлемости «тоталитарного» вторжения государства «в сферу убеждений и взглядов людей» [Путин, 2012 b], поставленная им задача «укрепления прочной духовно-нравственной основы общества» предполагала целенаправленную работу именно в этой сфере. Экспертная проработка оснований подходящей идеологии, с самого начала названной «консервативной», была поручена ИСЭПИ. Институт Д. Бадовского получил грант на организацию серии экспертных конференций, названных Бердяевскими чтениями¹, и издание журнала «Тетради по консерватизму».

Впрочем, деятельность ИСЭПИ не сводилась к «консервативной» теме: институт выступал оператором грантов Президента РФ на социальные и политические исследования и проводил свои собственные исследования выборов и избирательных систем, местного самоуправления, состояния политических партий на региональном и местном уровнях; вел рейтинг перспективных политических и общественных лидеров и др. В 2015 г. ИСЭПИ развернул широкую PR-кампанию вокруг доклада «Демократии XXI века: смена парадигмы». Подготовленный совместно с группой зарубежных экспертов доклад о состоянии и перспективах демократии в мире имел отчетливую критическую направленность. Его авторы разоблачали привычные мифы о преимуществах данного типа политического режима и призывали к переоценке «концепции демократии, подлинная история которой только в последнее время стала активно исследоваться социальными науками» [Демократии... 2015, с. 7]. Таким образом размывались границы между российскими политическими практиками и тем, что принято считать «демократическими нормами» «на Западе». Деятельность ИСЭПИ широко освещалась СМИ (подсчеты на основе данных базы Интегрум показывают, что институт Д. Бадовского – наиболее часто упоминаемая в печатных и интернет-СМИ экспертная организация, см. рис. 1).

¹ В 2013–2015 гг. прошли четыре такие конференции – в Подмоскowie, Ялте (со второй частью в Москве), Калининграде и Владивостоке.

Усилия второго экспертно-аналитического центра, созданного в 2012 г. по инициативе Администрации президента, ФоРГО, были в большей степени сосредоточены на анализе политической жизни в регионах. В частности, фонд регулярно публикует Индекс эффективности губернаторов, о котором подробнее рассказывается в статье В.Н. Ефремовой в этом сборнике, и рейтинги социального самочувствия регионов; занимается анализом региональных выборов. Как уже упоминалось, ФоРГО готовил доклады о развитии институтов гражданского общества и о перспективах российской медиасистемы. Кроме того, одной из областей его специализации является изучение общественных настроений. В мае 2015 г. ФоРГО представил результаты исследовательского проекта «Путинское большинство», в котором доказывалось, что «ядерный электорат В.В. Путина» устойчив, «обладает потенциалом для дальнейшего расширения и оказывает существенное влияние на политику и общественную жизнь в России» [Путинское большинство... 2015]. Деятельность ФоРГО также активно освещается центральными СМИ (см. рис. 1).

В наиболее трудном положении оказались «либеральные» экспертно-аналитические организации. Им приходилось проявлять осторожность при выборе предметов исследований и публичных выступлений, дабы избежать обвинений в «антипатриотизме». Наиболее значимую роль на этом идеологическом фланге играл Комитет гражданских инициатив (КГИ) А. Кудрина, который не только сам готовил аналитические доклады, но и выступал в роли заказчика, привлекая к сотрудничеству другие экспертные организации. Список тем, разрабатывавшихся КГИ и его партнерами, включал программу реформ судебной и правоохранительной системы, анализ потенциала гражданского участия, перспективы России в глобальной экономической системе, изучение общественных настроений в «посткрымской» России, анализ региональных и парламентских выборов и многое другое. Основываясь на данных официальных сайтов государственных департаментов и агентств, КГИ проводит мониторинг организации государственных расходов (проект «ГосЗатраты»). Оказалось, что и в условиях самоцензуры «экспертный» формат дает определенные возможности для критического анализа текущей политики и ее результатов. Более того, КГИ неплохо удается привлекать внимание СМИ – по количеству упоминаний в центральных печатных и интернет-СМИ он уступает только ИСЭПИ (см. рис. 1).

Вместе с тем не сложили «оружия» и некоторые более старые экспертно-аналитические организации того же идеологического фланга, вроде «Либеральной миссии». В июле 2014 г. этот фонд представил аналитический доклад «Основные тенденции политического развития России в 2011–2013 гг.: Кризис и трансформация российского авторитаризма», выводы которого контрастировали с публиковавшимися в тот же период докладами ИСЭПИ и ФоРГО. Авторы анализировали логику кризиса российской политической системы, который отчасти и спровоцировал «крымский поворот российской истории» [Основные тенденции... 2014]. Деятельность «Либеральной миссии» тоже достаточно систематически освещается СМИ (см. рис. 1).

Таким образом, несмотря на очевидное изменение условий для публичной деятельности в «посткрымском» контексте, «война докладов» продолжается, пусть и не с прежним размахом и с оглядкой на границы дозволенного, и интерес к ней СМИ остается неизменным.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Результаты нашего анализа относятся к узкому, но весьма влиятельному сегменту экспертного сообщества, с которым благодаря СМИ слово «политологи» нередко ассоциируется в сознании обывателей. Именно применительно к этому сегменту, на наш взгляд, можно говорить о тенденции усиления идеологических функций. В силу скудости предложения внятно сформулированных политических альтернатив, слабости партий, сложившихся медийных практик и особенностей установок власти и экспертного сообщества на взаимодействие начиная с 2008 г. экспертные организации в России превращаются в ведущих игроков идейно-символического поля, способствуя его более четкому структурированию. Учитывая, что наличие более или менее ясного спектра альтернатив является условием публичной политики, данное обстоятельство следует оценить позитивно.

Проблема, однако, в том, что экспертные организации не могут в полной мере компенсировать недостаток активности других акторов идеологического поля, и прежде всего — политических

партий¹. Они не только имеют ограниченные возможности влияния и зависят в реализации своих предложений от тех, кто наделен властью или участвует в борьбе за власть. Будучи зависимыми от конъюнктуры рынка консалтинговых услуг, они не всегда могут обеспечить последовательность своих политических установок, что является важным условием формирования идеологий. Экспертные организации могут артикулировать идеи, но они не борются за власть.

Вместе с тем гипертрофия идеологических функций вредит самим экспертным организациям: их общественный авторитет покоится на объективности научного знания. И хотя их публичный дискурс всегда имеет идеологическую составляющую, ее открытая демонстрация подрывает их символический капитал.

¹ Наиболее ярким проявлением вторжения экспертных организаций в «епархию» политических партий было «номинирование» Д.А. Медведева в качестве предпочтительного кандидата в президенты в докладе Института современного развития, опубликованном за три недели до объявления о «рокировке» внутри правящего «тандема». Авторы доклада, указывая, что «реальный запуск модернизации» может осуществить «только лидер, обладающий... политической волей к двум разным, но взаимодополняющим вещам: решительным институциональным реформам и открытому диалогу, если потребуется – спору с обществом», прямо заявляли: «Видя в словах и делах Дмитрия Медведева именно такой модернизационный посыл, ИнСОР считает перспективным и многообещающим его выдвижение на второй срок» [2011 год... 2011].

Я.М. Щукин

КОНСТРУИРОВАНИЕ «СРЕДНЕГО КЛАССА» В ОПРОСАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Организации, занимающиеся исследованием общественного мнения (полстеры – от англ. Public opinion poll – опрос общественного мнения), оказывают заметное влияние на формирование представлений читающей публики о современном российском социуме и его структуре. Следует отметить, что в России, в отличие от многих других стран, «изучение общественного мнения» и «социология» зачастую рассматриваются как синонимы. Предполагается, что полстеры не только измеряют общественное мнение, но и рассказывают обществу о том, как оно устроено. При этом стандартных форм описания социальной структуры не существует. Советская схема «пролетариат / трудовое крестьянство / «прослойка» интеллигенция» очевидно неадекватна постсоветской реальности – для характеристики современной социальной структуры требуются иные категории. Описывая новые социальные группы, российские полстеры попутно вырабатывают новый язык для описания социальной реальности. Констатируя: «у нас есть социальные группы А и В», они фактически утверждают: «наше общество устроено таким-то образом». В данной статье на основе анализа подходов, предложенных тремя ведущими российскими полстерами – «Левада-центром», ВЦИОМом и ФОМом, – мы попытаемся показать, как деятельность полстерских организаций влияет на общественные дискуссии о среднем классе и о путях развития России.

Все три организации являются «фабриками опросов»¹, которые¹ проводят как общественно-политические, так и маркетинговые

¹ «Левада-центр» – старейшая организация, занимающаяся исследованием общественного мнения в России; он был основан в 1987 г. и носил название

исследования. Они используют различные способы информирования широкой публики о своей работе. Во-первых, у всех трех организаций имеются веб-сайты¹, на которых публикуются результаты исследований. Во-вторых, представители средств массовой информации включают предоставляемые полстерскими организациями данные, а также их интерпретации в собственные материалы. В-третьих, социологи из этих центров публикуют статьи в «непрофессиональных» изданиях, а также дают им интервью. Наконец, они пишут для профессиональных изданий (в том числе – и аффилированных с рассматриваемыми здесь центрами). Так, «Левада-центр» издает «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии», ВЦИОМ – «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»; ФОМ с 2006 по 2008 г. издавал журнал «Социальная реальность». Таким образом, все три центра достаточно широко представлены в информационном поле. Вместе с тем есть некоторые различия с точки зрения налаженных каналов сотрудничества с конкретными изданиями: если интервью с В. Федоровым (ВЦИОМ) скорее можно обнаружить в журнале «Эксперт», который считается прокремлевским, то статью Б. Дубина («Левада-центр») больше шансов прочитать в оппозиционной «Новой Газете».

Описание новой социальной группы

Между тремя организациями не существует принципиальных различий в подходах к эмпирическому описанию «среднего

ВЦИОМ (Всесоюзный центр изучения общественного мнения). Первым руководителем центра была Т. Заславская; Ю. Левада стал его директором в 1988 г. В 2003 г. в результате конфликта между Ю. Левадой и Администрацией президента Ю. Левада и ряд сотрудников покинули центр и образовали новую организацию, которая сначала носила название ВЦИОМ-А, а затем стала именоваться «Левада-центром». В настоящий момент директором центра является Л. Гудков. После описанных событий 2003 г. ВЦИОМ возглавил В. Федоров, и фактически была создана новая организация с новыми сотрудниками. Таким образом, наследником «старого» ВЦИОМа следует считать «Левада-центр», а не «новый» ВЦИОМ. ФОМ (Фонд Общественное Мнение) был создан в рамках ВЦИОМ в 1991 г., а в 1992 г. стал самостоятельной организацией. Таким образом, первоначальный состав сотрудников ФОМ состоял из бывших сотрудников «старого» ВЦИОМа. ФОМ руководит А. Ослон.

¹ Левада-Центр: [Сайт Левада-центра]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru>; Фонд общественное мнение: [Сайт ФОМа]. – Режим доступа: <http://fom.ru>; ВЦИОМ: [Сайт ВЦИОМа]. – Режим доступа: <http://wciom.ru>.

класса». Все выделяют несколько критериев принадлежности к среднему классу – образование, доход, «модели поведения» и т.д. В. Федоров (ВЦИОМ) так описывает этот процесс:

«А в России еще проблема в том, что само понятие среднего класса у нас не устоялось. Самоотнесение человека – необычно для большинства россиян. Поэтому, когда мы проводим опросы, сталкиваемся со сложностью, что никто не понимает, что такое средний класс. Мы вынуждены моделировать сами. Например, такой признак свидетельствует, что человек относится к среднему классу или нет? Предлагаем 20 признаков, из них выбираем 5 наиболее популярных и идем на второй круг. Исходя из этого признака – вы отнесли себя к среднему классу? Выясняется, что основные признаки, по которым россияне согласны относить к среднему классу, такие – способность содержать себя, не роскошь, не богатство, но и не бедность. Вторым признаком – достойное жилье, представления о достойном жилье у россиян сильно отличаются от представления москвичей и стран Запада. Мы привыкли жить в небольших квартирах. Главное, чтобы была своя квартира – если она есть – мечта сбылась. Дальше – чтобы были деньги на ремонт. Англичанин или француз не назвал бы это достойным жильем. Другой признак – два автомобиля на семью, способность дать хорошее образование своим детям, в том числе платное. Эти признаки наиболее часто употребляются россиянами, как признаки принадлежности к среднему классу. После этого мы спросили – вы можете себя отнести к среднему классу? У нас получилось несколько цифр – от 18 до 42% опрошенных россиян, в зависимости от признака, готовы отнести себя к среднему классу. Мы идем по нижней планке – 18–20%» [Федоров, Бадковский, 2008].

Решение о том, «по какой планке идти», является достаточно произвольным. Соответственно, доля российских граждан, которые принадлежат к среднему классу, может составлять от 15 до 50%.

Можно, конечно, посмеяться над «точностью» такого социального измерения, но интереснее проанализировать социальную функцию подобных утверждений¹. С началом реформ уровень жизни значительной части российских граждан понизился. Большинство могло про себя сказать: «нам стало хуже». Даже доста-

¹ Многие из приведенных здесь соображений впервые возникли в ходе совместной с А. Левинсоном и О. Стучевской работой над статьей посвященной среднему классу [Левинсон и др., 2004].

точно скромный потребительский идеал позднего застоя – квартира, машина, дача – стал казаться чем-то малодостижимым. В результате многие граждане стали считать себя «неуспешными», что, безусловно, плохо для социальной жизни. Возникло новое понятие «фолк-социологии» – «новые русские». С одной стороны, это люди «сверхуспешные», которые не только осуществили советский потребительский идеал, но и превзошли его в разы. С другой стороны, в массовом сознании они явно представлялись как «не-мы» / «другие» – «новые русские» стали героями анекдотов, как евреи или чукчи. Получалось, что успех – это что-то нехарактерное для «нас», т.е. обычных людей. И вот на фоне такой «депрессивной социологии» возникает новое понятие – «средний класс». С одной стороны, это явно не «новые русские». С другой стороны, неуспешными этих людей тоже назвать нельзя. Это наемные работники, т.е. категория по определению массовая. При этом их уровень дохода позволяет нормально жить – т.е. выводит за рамки группы «стало хуже». Возникла история (относительно) массового успеха – явление, для любого общества очень полезное.

Полстеры / социологи оказались перед выбором между двумя возможными подходами к описанию среднего класса: ограничительным и расширительным. В первом случае требовалось выбрать более строгие критерии, ограничивающие «доступ» в средний класс. Например, применительно к 2000 г., можно было бы сказать, что членами среднего класса могут считаться индивиды, имеющие месячный доход не ниже \$2000 на члена семьи, обязательное высшее образование, машину-иномарку, четырехкомнатную квартиру с евроремонтом и возможность отдыхать за границей два раза в год. В случае же расширительного подхода планка должна быть понижена: например, уровень дохода – около \$1000 в Москве и \$500 в провинции, образование – от средне-технического и выше, машина может быть любой, квартира – только чтобы не «хрущевка», а отдыхать за границей можно раз в два года. Условия прохождения в средний класс при расширительном подходе оказываются гибкими, и средний класс получается «классом-гармошкой», который можно то расширить до 50% населения, то сузить до 15%. При этом общая установка идет именно на расширение: «если вы сегодня еще чуть-чуть не средний класс, то завтра вы им уже станете!» Примечательно, что все три рассматриваемые нами организации сделали выбор в пользу расширительного подхода.

Такая социальная терапия была полезной для российского общества 2000-х. Создавая историю массового успеха и делая средний класс доступным для всех, полстеры / социологи помогали гражданам вырабатывать здоровую самооценку и создавать собственные истории успеха – что для взрослого человека безусловно полезно, особенно в не перегруженном гуманностью и взаимным поощрением российском обществе. Вслед за разработкой категории среднего класса наступила пора ее активного применения – стали появляться публикации «Средний класс и X»: автомобиль [Журенков, Мельников, 2012], отпуск [Яковлева, 2006], фитнес [«Люди-XXI»: Индустрия спорта и тела, 2008; Маринович, 2013]. Российским гражданам предлагалось взглянуть в социологическое зеркало и оценить себя. «Keeping up with the Joneses»¹ –ментальная операция, в разумных пределах полезная, ибо она способствует экономическому росту в масштабах страны и поддержанию хорошей самооценки на индивидуальном уровне.

Впрочем, не всем специалистам концепция «среднего класса – гармошки» кажется продуктивной. Так, социологи ФОМа сочли это понятие слишком неопределенным, и в 2008 г. предложили взамен концепцию «людей-XXI». «Люди-XXI» – это «инновационный слой» российского общества, который выделяется по критерию использования как минимум 6 инновационных практик из 17, разбитых на несколько групп [см.: Абрамов, 2009; «Люди-XXI»: Инновационный слой общества, 2008]:

«Новые технологии»:

1. Пользование мобильным телефоном.
2. Пользование компьютером.
3. Вожделение автомобиля.

«Активное финансовое поведение»:

4. Покупка товаров в кредит.
5. Получение банковских кредитов.
6. Обращение с валютой.
7. Пользование пластиковой карточкой.
8. Инвестирование в ценные бумаги.

¹ Расхожая фраза в английском языке, обозначающая процесс сравнения собственного материального достатка с достатком соседей / знакомых. «Если у всех моих знакомых есть айфон, то и мне надо его купить, вне зависимости от того, нужен он мне или нет» – примерно такая логика.

«Стремление к расширению горизонта»:

9. Получение дополнительного образования.

10. Пользование Интернетом, ведение переписки по электронной почте.

11. Покупка туристического и / или спортивного снаряжения.

12. Поездки за границу.

«Рационализация времени»:

13. Доставка товаров на дом.

14. Пользование услугами домработниц и нянь.

15. Полеты на самолетах.

«Забота о себе, своем здоровье»:

16. Занятия в фитнес-центре или спорт-клубе.

17. Посещение косметических салонов.

Подход социологов ФОМа интересен, и мы к нему еще вернемся, обсуждая теории постсоветского общества, стоящие за тем или иным видением среднего класса. Здесь же отметим, что, стремясь уйти от узкого подхода, основанного на доходе / потреблении, ФОМ все равно вынужден оперировать потребительскими практиками. В 2008 г. определенный таким образом инновационный слой составлял 20% населения [«Люди-XXI»: Пресс-релиз проекта, 2008]. Термин «люди-XXI» / инновационный слой имеет гораздо меньшее хождение в прессе и обществе, чем категория «средний класс» (хотя интересно отметить его родство с понятием «креативный класс», получившим распространение позднее в связи с протестной активностью). Практики, представленные в списке, становились все более доступными для россиян на протяжении 2000-х годов, так что можно сказать, что ФОМ также использует для описания инновационного слоя, который, на мой взгляд, можно считать прямым аналогом понятия среднего класса, расширительный подход.

Эволюция темы среднего класса в общественных дискуссиях тоже может рассматриваться как история успеха. В начале / середине 2000-х годов, шли бесконечные споры о том, есть ли средний класс в России; те, кто признавал его существование, характеризовали его как «небольшой / нарождающийся», иногда – как «расширяющийся». Но в 2008 г. Путин сделал заявление о том, что 70% граждан России должны быть в среднем классе к 2020 г. [Путин, 2008]. А после кризиса 2008 г. стали обсуждать, «как нам сохранить средний класс», – иными словами, его существование больше не ставилось под сомнение. В настоящее время этот во-

прос даже не поднимается. Полстеры сыграли немалую роль в признании данной социальной группы: благодаря им в общественной дискуссии постоянно присутствует эмпирическая информация относительно дохода, поведения и установок среднего класса. Можно сказать, что полстеры не дают среднему классу «исчезнуть».

Следует отметить, что все вышесказанное относится к среднему классу как повседневному понятию, которое используют журналисты и обычные граждане. Исследователи «Левада-центра» разрабатывают данное понятие и на уровне теории, рассматривая средний класс как социального актора современного российского общества. Именно в этом смысле Л. Гудков говорит, что «у нас среднего класса нет» [Гудков, Кобызова, 2013]; а А. Левинсон говорит, что middle class произвел определенную этику, которая теперь уже этикой среднего класса не является, так как стала всеобщей [Левинсон, 2009]. Подобное, теоретически-нагруженное понятие среднего класса будет рассмотрено ниже, когда речь пойдет о теории общества и о связи между средним классом и московскими протестами 2011–2013 гг.

Средний класс за пределами потребления

Помимо проблематики потребления, можно выделить несколько тем, которые присутствуют в изучении среднего класса.

Все исследователи отмечают в качестве характеристики среднего класса достижительное поведение, результатами которого являются успех и связанная с ним хорошая самооценка. Люди совершили поступок – взяли на себя ответственность за себя, свою семью, иногда – за небольшой коллектив. Они добились успеха и чувствуют, что обязаны этим успехом в основном себе [Левинсон и др., 2004; «Люди-XXI»: Инновационный слой общества, 2008].

Нередко подчеркивается, что средний класс предъявляет спрос на законность и «правила игры». Новые русские (и вообще сверхбогатые) могут действовать по партикуляристским правилам и покупать государство и правосудие; средний класс – нет. Соответственно, ему нужна законность [Левинсон и др., 2004]. Существует также во многом схожий консервативный аргумент: среднему классу есть что терять, поэтому он выступает против политических потрясений [Федоров, 2012 а].

Все исследователи отмечают связь образования и принадлежности к среднему классу. Люди с высшим образованием

представлены в среднем классе. Образование рассматривается россиянами как «пропуск» в средний класс [Левинсон, 2008; Шумакова, 2008]. В этой связи показателен анализ феномена «плохого образования». Считается, что за последнее время в России появилось множество вузов с откровенно слабым уровнем преподавания. Возникает вопрос – зачем молодежь идет учиться в эти вузы, откуда возникает спрос на «плохое образование»? Оказывается, что это «плохое образование» является тем не менее хорошим социальным лифтом – т.е. увеличивает шансы человека, его получающего, на попадание в средний класс. В этих слабых вузах студентам прививают некоторые цивилизационные навыки, которые работодатели хотят видеть в сотрудниках, претендующих на «среднеклассовые» позиции [Левинсон, 2012 а].

Таким образом, личностные характеристики представителей среднего класса, отмечаемые полстерами, оказываются достаточно привлекательными: достижительская ориентация, чувство ответственности, спрос на образование и законность. Складывается представление, что наличие этого класса должно идти «на пользу» российскому обществу. Эта идея безусловно стоит за желанием различных субъектов – от социологов до власти – видеть средний класс как «расширяющийся» и постепенно захватывающий все большую часть российского общества. К проблеме связи между ростом среднего класса и развитием российского общества я вернусь в заключительной части, в следующем же разделе постараюсь показать, как данный феномен укладывается в различные теории российского общества – явные или неявные – которыми оперируют три полстерские организации.

Средний класс и социология российского общества

В исследованиях «Левада-центра» проблема среднего класса рассматривается в рамках теории «советского / постсоветского человека», изложенной в многочисленных работах Ю. Левады, Л. Гудкова, Б. Дубина и А. Левинсона. Она развивает логику теории возникновения современного общества (modern society) или западной цивилизации (Western civilization). Современный человек / современное общество характеризуется критическим использованием разума, рациональностью, генерализованным доверием и высокой солидарностью (которая необходима для существования сложноустроенного общества с высокой степенью дифференци-

ции). Кроме того, для современного человека характерны универсалистские установки, уважение к правам индивида и принятие «высоких» ценностей собственной цивилизации (таких как добро, справедливость, красота)¹. Советская модерность была особенной, она производила не классического современного человека, а человека советского, характеризующегося следующими признаками: непереработанный опыт массового насилия, негативная идентичность, суженный горизонт солидарности и неумение выстраивать «промежуточные» социальные организации (последствие социцида). Многие из этих черт переходят к человеку постсоветскому и преобладают в современном российском обществе. Представители среднего класса находятся в процессе «преодоления» в себе некоторых из характеристик постсоветского человека.

Рассмотрение среднего класса в рамках теории постсоветского человека позволяет делать интересные интерпретации результатов опросов.

Пример тому – история с вопросом о миграционных настроениях среднего класса. В печати она получила слишком упрощенную и неверную трактовку: считается, что «средний класс хочет уехать из России». Социологи «Левада-центра» (в частности, Л. Гудков) попытались предложить журналистам более сложную интерпретацию, принимающую во внимание, что массовый опрос – это прежде всего диалог респондента с символически значимыми партнерами. Для российского гражданина один из таких партнеров – власть. Когда представитель среднего класса заявляет о своей готовности уехать, это не значит, что человек принял жизненное решение и работает над его выполнением. Это значит, что власти сообщается, что человек не чувствует свою защищенность перед возможным произволом и насилием, даже несмотря на высокий доход и статус, поскольку произвол и насилие присутствуют всюду в обществе. «Символическое» желание уехать – это прежде всего способ высказаться о трудностях своего существования в России [Пятая волна... 2008]. А также показатель того, что люди не способны выстроить социальные организации «промежуточного» уровня для решения этой проблемы – как и предсказывает теория советского / постсоветского человека. Социологи «Левада-центра» обычно пытаются донести до публики представление о различной

¹ Автор, разумеется, не претендует на полное изложение теории современного общества (а тем более различных вариантов ее критики). Хотелось бы просто примерно указать читателю, о каком корпусе идей идет речь.

структуре мотиваций и о некоторой «сложности» устройства даже казалось бы «простейшего» социального действия.

У ВЦИОМа и ФОМа явно выработанной теории советского / постсоветского общества нет. Тем не менее в своих публикациях они развивают достаточно интересные представления о том, как российское общество устроено и что в нем происходит. Социологам ФОМа кажется неправильной негативная онтология, развиваемая «Левада-центром», поэтому они пытаются сосредоточиться на описании того, как те или иные практики и институты в России все-таки возникают. Отсюда понятие «инновационного слоя» и повышенное внимание к социологии инноваций. Следует отметить, что 17 практик, представленных в списке ФОМа, заимствованы из современных западных обществ. Можно предположить, что эти практики должны постепенно распространиться от «инноваторов» ко всем остальным россиянам. Таким образом, ФОМ развивает нейтральную теорию догоняющей модернизации / догоняющего развития – «нейтральную» в том плане, что «отстаивание» рассматривается без негативных оценок. Внимание фокусируется на изучении процесса осваивания новых практик. Подобный подход имеет как сильные, так и слабые стороны.

С одной стороны, он позволяет проводить интересные эмпирические исследования. Например, исследование И. Климова об ипотечных заемщиках в Иркутске показывает, как россияне осваивают новый способ обеспечения себя жильем, как это влияет на их «жизненные проекты» и какие формы социального взаимодействия при этом используются [Климов, 2009].

С другой стороны, многие вещи не проговариваются, в силу чего описание социальных феноменов остается неполным. Если «Левада-центр» пытается понять, почему россияне недовольны своей жизнью и не готовы к коллективному действию ради ее изменения, то ФОМ такие вопросы в своей аналитике не разрабатывает. Соответственно, процесс осваивания инноваций отрывается от других важных вопросов: например, когда все россияне начнут летать на самолетах, станут они наконец довольны жизнью?

Различие между ФОМом и «Левада-центром» можно показать на примере исследования важной темы «средний класс и солидарность». ФОМ провел количественное исследование, по результатам которого выяснилось, что инновационный слой больше склонен к солидарности, чем россияне в среднем [«Люди-XXI»: Инновационный слой общества, 2008]. Кроме того, в исследовании ипотечных заемщиков было показано, что представители иннова-

ционного слоя потенциально готовы к организации ради достижения своих целей, если в этом возникнет необходимость [Климов, 2009]. Таким образом, результаты интерпретируются в логике «прогресс налицо – стакан наполовину полон». «Левада-центр» же провел исследование, показавшее наличие у представителей среднего класса замечательных личных качеств (успех, терпимость и т.д.), но в то же время – отсутствие у них солидарности и способности к коллективному действию [Левинсон и др., 2004]. Результаты были интерпретированы в логике «прогресс отсутствует – стакан наполовину пуст». Разумеется, все зависит от того, на каком уровне поставить планку. «Левада-центр» утверждает, что предприниматели и бюрократы не готовы организовать жизнь местного сообщества на разумных и гуманных основаниях – из них не получается просвещенной и прогрессивной элиты. А ФОМ показывает, что существуют привычные для России «объединения по жизненным показаниям» – люди готовы организовываться, «когда придет беда», но не готовы работать совместно ради достижения позитивных целей в будущем.

У ВЦИОМа теория российского общества также присутствует, хотя и в неявном виде. Ее можно охарактеризовать как транзитологию с консервативным уклоном. Предполагается, что российское общество движется в направлении некоего желаемого состояния, причем это движение осуществляется под руководством и контролем существующей власти и лично В. Путина. В классической транзитологии принято считать, что в 1990-е годы закладывались основы рыночной экономики, а в 2000-е годы пожинались плоды 1990-х. Руководитель же ВЦИОМа В. Федоров утверждает, что в 1990-е годы дела в России шли в неправильном направлении, а потом появился Путин и исправил ситуацию [Федоров, 2012 b]. Кроме того, классическая транзитология предполагает «открытость миру» как некоторую ценность, а Федоров считает, что Россия существует во враждебном окружении и надо быть готовым отстоять нашу независимость и свободу от кого-то кто на них покушается [Федоров, 2011]. При этом средний класс, со всеми его замечательными характеристиками, оказывается детищем 2000-х и политики В. Путина, а не 1990-х и реформ Е. Гайдара. Таким образом, с одной стороны, имеется западническая установка на модернизацию, а с другой – консервативная установка на поддержку существующей власти. Как будет показано в следующем разделе, это сочетание делает очень интересным отношение ВЦИОМа к протесту.

Протест и средний класс

Оппозиционную активность 2011–2013 гг. часто называют протестом среднего класса. Это суждение, по-видимому, является следствием определенной теоретической / идеологической установки. Считается, что сначала люди должны удовлетворить «первичные потребности», а уже только потом начинать думать о честности, человеческом достоинстве, справедливости и прочих «высоких материях». Получается, что последние имеют классовую окраску: зажавшийся средний класс протестует, а Уралвагонзавод скромно работает. Простым людям честные выборы не нужны – это все ваши интеллигентские штучки. Считая подобное представление о человеческой природе неправильным, социологи «Левада-центра»¹ приложили немало усилий, чтобы показать, что московский протест – это не протест среднего класса. Как уже отмечалось, средний класс – это понятие-гармошка: он выделяется на основе средне-высокого дохода / потребления. Участники протестных акций 2011–2013 гг. отличались от «в среднем по Москве» уровнем образования, но не уровнем дохода [Дубин, 2012 b]. И в данной логике если большинство опрошенных заявляют, что они не могут купить машину, мероприятие нельзя назвать протестом среднего класса [Левинсон, 2012 b].

Эмпирический портрет участников протеста, который приводят исследователи ВЦИОМа, во многом повторяет портрет «Левада-центра»: подчеркивается образование как отличительная характеристика участников. Также показывается, что участники протеста занимают социальное положение «выше среднего», но они отнюдь не богачи: «В итоге можно выделить три фактора, отделяющие участников протестного движения от среднего россиянина – высокий материальный и профессиональный статус, подверженность “революции ценностей” и высокая неудовлетворенность существующим положением дел в стране» [Федоров, 2012 а]. Под «революцией ценностей» здесь понимается ситуация, когда ценности выживания уступили место ценностям самореализации – в духе теории Ингельхарта о «пост-материализме». Относительно связи протеста и среднего класса подчеркивается, что «средний класс

¹ Позиция социологов «Левада-центра» относительно человеческой природы имеет своих критиков (см. обмен мнениями между Ю. Левадой и А. Миллером на polit.ru относительно различных представлений о человеческой природе – просвещенчески-либерального и консервативного) [Левада, 2004]).

и протестное движение – это пересекающиеся, но далеко не совпадающие множества: не все участники протеста относятся к среднему классу, и не весь средний класс участвует в протестах» [Федоров, 2012 а]. То есть эмпирический портрет участника протеста мало разнится между двумя организациями; социологи обеих организаций показывают неточность «лобового» описания протеста как «протеста среднего класса».

В то же время связь между протестом и средним классом в работах полстеров прослеживается, но носит опосредованный характер. Кроме того, представления о природе российского общества, описанные в предыдущем разделе, оказывают влияние на то, как интерпретируется протест и как он оценивается.

Социологи «Левада-центра» предлагают либеральную перспективу для анализа протеста 2011–2013 гг., которая в целом укладывается в представления современных социальных наук о связи между гражданским обществом, политическими правами и буржуазией. Люди участвовали в протестных акциях прежде всего в качестве граждан / горожан, осознающих себя ответственными за происходящее в стране. Другими словами, преодолевших комплекс «советского человека», который не видит социальности за пределами семьи / друзей. Конечно, важно, что протестные акции имели место в Москве / Санкт-Петербурге – т.е. в ресурсно-богатых центрах [Волков, 2012; Дубин, 2012 с; Гудков, Алехина, 2012]. Протестующие действительно имели ресурсы – прежде всего, образовательные, – которые в условиях нынешнего российского общества могут быть конвертированы в доход. Но протестовали они в качестве граждан / горожан [Варшавская, 2012] – т.е. связь со средним классом может быть установлена через проблематику «третьего сословия» и развития современной социальности в России. Протест – это прежде всего проявление нового отношения к социальной жизни, когда человек из наблюдателя превращается в участника. С точки зрения теории постсоветского человека, это, безусловно, положительное явление в истории России. Л. Гудков готов высказывать критику в отношении протестующих – например, он говорит о сохранении «персоналистического отношения к политике» среди протестующих и о трудностях превращения протеста морального в успешный политический протест [Гудков, Алехина, 2012; Гудков, Кобызова, 2013] – но в целом «Левада-центр» относится к протесту положительно.

ВЦИОМ предлагает консервативный взгляд на протест. Участники протеста предстают не авангардной группой российского

общества, а «смутьянами», которые протестуют без достаточных на это оснований (см. название соответствующего интервью В. Федорова [Федоров, 2012 b]). В этом же интервью подчеркивается отличие протестующих от «простых россиян»; протестующие – это «активное меньшинство Facebook». Проводится аналогия с 1812 г., когда под общественным мнением понималось мнение дворян, а остальная страна права голоса не имела. Федоров утверждает, что «сейчас “партия Facebook” активно пытается навязать нашему обществу именно такую, сугубо элитарную и антидемократическую структуру высказывания». Далее возникает интересная конструкция: протест рассматривается как «неподготовленный выстрел раньше времени», в результате которого были активизированы «неправильные ценности» – ценности «патриархального, авторитарного и авторитарического общества» (имеются в виду «анти-гейский» закон, осуждение участниц панк-молебна Pussy-Riot и прочие проявления фундаментализма).

С учетом описанных выше теоретических воззрений В. Федорова, такое отношение к протесту выглядит вполне логичным. Если рассматривать президентство В. Путина как гарантию экономического развития и политической независимости России, то, действительно, протест против Путина становится разрушительным действием «незрелого» общества. В то же время примечательно отношение В. Федорова к содержательным идеям протестующих. Статью «про смутьянов», в которой анализируются причины спада протестного движения, он завершает идеями, с которыми участники протеста вполне согласились бы [Федоров, 2012 а]. Например, утверждается, что в России не функционирует «повседневное государство»: полиция, суд, местное самоуправление. Соответственно, многие молодые профессионалы понимают, что в России жить «неудобно», а в двух часах лета есть страна Германия, в которой жить «удобно». В том же разделе присутствуют и другие традиционные «оппозиционерские» требования: радикальное изменение инвестиционного климата, реформы образования и здравоохранения, модернизация производства. В другом интервью Федоров приводит классический «оппозиционерский» анализ того, как в России не сложилось адекватной партийной системы и нормального способа передачи власти [Федоров, 2011].

В целом ВЦИОМ четко формулирует классическую консервативную позицию: России нужны постепенные реформы под руководством правильной власти – и существующая власть такой правильной властью является. Новые группы в обществе, пытаю-

щиеся на эту власть повлиять, заботятся исключительно о собственных интересах, а не о всеобщем благе. В то же время многие требования новых групп разумны, но сами они не готовы к тому, чтобы их осуществить. Право политической и социальной субъектности остается за властью.

Представители ФОМа также высказались по поводу протестов 2011–2013 гг. В интервью «Огоньку» А. Ослон характеризует протестующих как «достижительных людей» в архаической среде. Он называет их «пионерами социума». Таким образом, прослеживается смысловая связь с «инновационным слоем». Эти люди – участники протеста – требовали уважительного к себе отношения и поддержки, но не получили его от власти, результатом чего является «недополученный успех» для всего общества [Ослон, Ципенюк, 2013]. Анализируя протест, социолог ФОМа Г. Кертман сравнивал протестующих с диссидентами, а просвещенную и умеренную публику – с шестидесятниками, готовыми улучшать систему изнутри. Таким образом, протест оказывается «новым диссидентством» [Кертман, 2012]. ФОМ рассматривает протест как деятельность «достижительных» групп в обществе, которая преследует благие цели, и не приветствует силовую реакцию на протест. В то же время если социологи Левада-центра рассматривают протест как, прежде всего, «моральный», то в ФОМе на этот счет нет согласия: часть его социологов готова интерпретировать это движение под таким углом [Кертман, 2012], а часть – нет [Ослон, 2013; Блехер, 2012]. В описании протестующих упор делается именно на достижение, что вполне логично в свете теории «инновационного слоя», описанной выше.

Заключение

Дискуссия о «среднем классе и протесте» показывает, какие существуют ожидания относительно предполагаемых социальных последствий появления среднего класса. Все три полстерские организации рассматривают средний класс как массовую социальную группу успешных граждан; соответственно, все ожидают от нее в определенном смысле «правильных» взглядов на жизнь (ценностей, установок и т.д.). В российском обществе традиционно горизонтом солидарности / морального действия является круг семьи / друзей / коллег по работе. Возникает интригующий вопрос – может ли средний класс расширить горизонты социального дейст-

вия, за которое человек берет ответственность и которое он готов рассматривать в категориях морали? Отсюда интерес всех полстерских организаций к протесту: с одной стороны, как нормальные эмпирические исследователи, полстеры понимают неправильность прямолинейного утверждения, что «средний класс вышел на протест»; с другой стороны, они понимают, что какая-то связь между протестом и средним классом существует.

«Левада-центр» наиболее отчетливо говорит об этой связи и формулирует классическую либеральную позицию [Дубин 2012 а; Дубин, 2012 d]. В рамках истории России произошло очередное «нарастание жирка» и усложнение общества. Появились ресурсно-богатые группы и социальные образования (города). Эти группы отказываются от традиционной политической культуры «терпения» и пытаются выработать новую политическую культуру «партнерства» [Дубин, 2012 e]. Соответственно, возникает требование справедливости в общественной жизни, запрос на универсальные правила игры, повышенное внимание к правовой системе. Отсюда проистекает важность темы «морального протеста». Протест – это преодоление неспособности постсоветского человека организовать социальную жизнь в соответствии с требованиями справедливости и морали. Таким образом, тема «средний класс и протест» рассматривается в русле классической проблематики третьего сословия, республиканского политического устройства, прав человека, гражданского общества и т.д. – всего, что известно из истории Нового времени и теории современности. Связь между протестом и средним классом существует на абстрактном ценностном уровне – средний класс способен по крайней мере понять требования протестующих и те идеи, которые за протестом стоят (даже если не обязательно поддержать их). И появление среднего класса, и протест с моральными требованиями оказываются маркерами развития в России современных тенденций.

ВЦИОМ не акцентирует связь между средним классом и протестом. Протест предстает как деятельность «активного меньшинства Facebook», страшно далекого от народа. Протестующие не рассматриваются как группа, которая пытается развивать новые принципы построения социальных отношений в Российском обществе. Как было сказано выше, это классическая консервативная позиция, которая предполагает, что новые социальные группы должны заниматься экономикой (и потреблением), а система властных отношений в обществе не должна меняться и традиционные элиты должны сохранять свое положение.

ФОМ описывает протестующих как «достижительную группу», и в этом смысле прослеживается связь с «инновационным слоем». Эта группа недовольна существующим порядком дел в России. В то же время идея, что протестующие пытаются развивать «моральное чувство» в российском обществе, многими социологами ФОМа воспринимается критически.

Таковы три позиции, которые три полстерские организации пытаются донести до российской публики. Задача это непростая, поскольку даже многие люди с высшим образованием WesternCiv¹ в институтах не изучали – соответственно, им трудно воспринимать аргументы социологов. В свою очередь социологи не всегда готовы «объяснять азы» гражданам. Вместе с тем обсуждение проблематики среднего класса безусловно способствует тренировке «социологического воображения» российской публики, что и интересно, и полезно. Граждане могут выбирать, какая из интерпретаций связи между возникновением и расширением среднего класса, с одной стороны, и протестным движением 2011–2013 гг. – с другой, лучше соответствует их восприятию происходящих в стране событий.

¹ Обзорный курс «Западная цивилизация», читаемый во многих американских университетах в рамках общеобразовательного компонента учебных программ. – *Прим. ред.*

О.Ю. Малинова, В.Н. Ефремова

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТЫ И «СРЕДНИЙ КЛАСС»:
ЭВОЛЮЦИЯ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА**

Проблема «среднего класса» занимала заметное место в общественно-политических дискуссиях последних лет. При этом ее постановка заметно эволюционировала: если в начале президентства Д.А. Медведева появление группы, которую с полным основанием можно было бы обозначить данным термином, рассматривалось как более или менее отдаленная перспектива, то к моменту завершения его полномочий о ней стали рассуждать как о несомненном факте. В формировании общественных представлений, связываемых с новым для постсоветской России понятием «средний класс», значительную роль сыграли экспертно-аналитические сообщества. В публикуемой выше статье Я.М. Щукина показано, как повлияла на воображение новой социальной группы деятельность социологических центров, проводящих опросы общественного мнения. Мы попытаемся проследить, каким образом публичная репрезентация результатов исследований организаций, занимающихся политической экспертизой, способствовала эволюции дискуссий о «среднем классе» в 2008–2012 гг. Следует отметить, что именно в указанный период наметились некоторые качественные изменения в публичной активности такого рода организаций: они стали играть заметную роль не только в анализе и обсуждении, но отчасти – и в артикуляции общественно-политической повестки, при этом после выборов 2011–2012 гг. был создан ряд новых центров, в результате чего оформился пул московских организаций, выступающих в СМИ с разных идеологических позиций [Малинова, 2013]. Предметом нашего исследования стали представления о «среднем классе» и политических последствиях его «рождения», высказы-

вавшиеся политическими экспертами в дискуссиях, широко освещавшихся печатными и электронными СМИ.

Хотя тема «среднего класса» присутствовала в экспертном дискурсе и прежде, нельзя не признать, что особенно активно она стала обсуждаться после того, как появилась в риторике В.В. Путина, а затем и Д.А. Медведева. Выступая в 2007 г. с президентским посланием Федеральному собранию, Путин связал перспективу «роста среднего класса» с развитием малого бизнеса и преодолением «иждивенческих настроений» [Путин, 2007]. А десять месяцев спустя, представляя на расширенном заседании Государственного совета стратегию развития России до 2020 г., он заявил, что «надо добиться, чтобы все граждане нашей страны» могли «иметь уровень жизни, определяющий принадлежность к так называемому среднему классу», причем наметил весьма амбициозные количественные показатели: «минимальной планкой доли среднего класса в общей структуре населения к 2020 году должен быть... уровень не менее 60 процентов, а может быть, и 70 процентов» [Путин, 2008]. Слова о необходимости «многое сделать», «чтобы как можно больше людей могли причислить себя к среднему классу», были включены и в инаугурационную речь Д.А. Медведева [Медведев, 2008 а; 2008 b]. Как это часто бывает в России, артикуляция задачи не была подкреплена соответствующей политической программой, а лишь предшествовала ее разработке [ср.: Малинова, 2012]. Поэтому за словами Путина и Медведева последовали заказы на экспертные разработки данной темы.

Основными исполнителями стали Институт научного проектирования (ИнОП) и Институт современного развития (ИнСОР), которые практически одновременно выступили инициаторами широких экспертных дискуссий по данной теме. В апреле 2008 г. в Общественной палате РФ при содействии ИнОП прошел круглый стол «Новая социальная доктрина России: Как сделать большинство граждан России средним классом» [Стенограмма круглого стола, 2008]. Тогда же, в апреле 2008 г. ИнСОР провел свою конференцию «Средний класс: проблемы формирования и перспективы роста» [см. материалы конференции: Дискуссия о среднем классе, 2008]. То обстоятельство, что в роли председателя Попечительского совета ИнСОРа выступал Д.А. Медведев, а ИнОП неофициально позиционировался как «мозговой трест» В.В. Путина, придавало экспертным дискуссиям идеологический оттенок: предполагалось, что два центра неформально выражают существующие де-факто, но не признаваемые официально различия в политических повест-

ках партнеров по властному «тандему» [см.: Шестопад, 2011; Ма-линова, 2012].

Что понимать под «средним классом»?

На первом этапе главным предметом дискуссий стали вопросы о критериях выделения искомой социальной группы и оценке ее наличного состояния. Как показал Я.М. Щукин, социологи, изучающие общественное мнение, рассматривают несколько критериев принадлежности к среднему классу – образование, доход, «модели поведения» и др. По тому же пути идут и политические эксперты, при этом они решают комплексную задачу, поскольку требуется определить не только какие категории населения попадают в «средний класс», но и какие меры должны способствовать его росту, а также какими могут быть социальные и политические последствия предполагаемых социальных изменений.

Открывая первую экспертную дискуссию в апреле 2008 г., ИнОП пошел по пути простого перечисления социальных групп, которые в перспективе будут «формировать этот новый средний класс» (в перечень попали «предприниматели и менеджеры среднего и высшего звена, служащие, как государственных, так и частных предприятий, высококвалифицированные рабочие и военные, люди, занятые в сельском хозяйстве», «работники сферы образования и здравоохранения», а также «так называемая социальная интеллигенция» [Стенограмма круглого стола, 2008, с. 2]). При этом подчеркивалось, что средний класс – «не какое-то монолитный или социально однообразный слой или группа», он имеет сложную структуру, включающую три основных подкласса: верхний средний, средний средний и нижний средний [там же, с. 9]. Составленная таким механическим путем группа очевидным образом нуждалась в неких общих характеристиках, способных задавать ее идентичность. Не случайно, представляя позицию возглавляемого им института, В.А. Фадеев подчеркивал: «Очень опасно, если мы уйдем в формальные критерии, доходы, наличие квартиры или ее отсутствие, мы не поймем, с каким объектом мы имеем дело». По его словам, «главное свойство, характеризующее средний класс, это свойство современности» [там же, с. 17].

Эксперты ИнСОРа предложили более развернутый социальный портрет среднего класса. По словам его руководителя И. Юргенса, это понятие «не ограничивается только определенным

достигнутым уровнем текущих доходов. Искомый смысл приобретает, только если семья обладает сбережениями, размещенными на банковских депозитах или инвестированными в ценные бумаги, недвижимостью, прежде всего комфортабельным жильем, если эта семья участвует в ипотечных, кредитных схемах, если ее работники обладают профессиональным, не ниже среднего специального, образованием и заняты не физическим трудом. Желательным и важным показателем является вложение собственных средств в сбережение здоровья... И что очень важно – эта семья и ее члены регулярно повышают уровень собственного образования и имеют для этого институциональные возможности». Наконец, важно, чтобы люди, относящие себя к среднему классу, участвовали «в разнообразных формах общественной и гражданской самоорганизации» [Дискуссия о среднем классе, 2008, с. 5]. По определению члена правления ИнСОРа Е. Гонтмахера, нельзя «сводить средний класс к некоему “желудочному” определению. Средний класс – это не только доходы, не только уровень материального обеспечения, обеспечения жильем, автомобилями и т.д. Средний класс – это и образ жизни, и политический феномен» [Дискуссия о среднем классе, 2008, с. 7].

Выделенная на основе столь неоднозначных критериев социальная группа оказывалась относительно немногочисленной и существенно не дотягивала до количественных показателей, обозначенных Путиным. По первоначальным прикидкам ИнОПа она составляла 25–27% от взрослого населения страны [Стенограмма круглого стола, 2008, с. 14]. Оценка ИнСОРа была скромнее: Юргенс утверждал, что критериям среднего класса удовлетворяют не более 15–20% населения [Дискуссия о среднем классе, 2008, с. 5]. Уже тогда более гибкий подход к проблеме демонстрировал Центр стратегических исследований. По словам его президента М.Э. Дмитриева, «стремительное сокращение бедности не привело к соразмерному росту среднего класса», и по меркам развитых стран его доля «колеблется в районе отметки 20%»; «большинство населения оказалось в своего рода «социальном накопителе» – неустойчивой переходной категории между бедными и средним классом». Эту группу Дмитриев назвал «протосредним классом», который составляет «порядка 60% населения страны» [Дмитриев, 2008]. Позже эксперты ЦСР для анализа московского среднего класса применили другую методику оценки, основанную на факторе приобретения жилья; это привело их к переоценке социальной значимости этой группы. По их заключению, «масштабы про-

исходящих социальных изменений и их последствия настолько значительны, что точность измерений уже мало влияет на оценку вероятных последствий»; речь должна идти о «тектонических сдвигах» [Белановский, Дмитриев, Мисихина, 2010, с. 1]. Как верно подметил Щукин, средний класс оказывается «классом-гармошкой», способным растягиваться или сужаться в зависимости от набора применяемых критериев. Не случайно у наблюдателей складывалось ощущение, что это понятие «предельно размыто и включает в себя... всех ответственных граждан страны, “собственников и труженников”, но не олигархов и бомжей» [Ремчуков, 2008].

Нетрудно заметить, что в дискурсе политических экспертов понятие «средний класс» настойчиво связывалось с определенными социальными качествами, значимыми для развития общества в желаемом направлении. Некоторые указывали на его «эмансипированность от государства» [Рогожников, 2007; ср. Юргенс, 2008]. Многие говорили о том, что он является «проводником инновационных форм социально-экономической деятельности» [Гонтмахер, Григорьев, Малева, 2008; ср. Рогожников, 2007; Стенограмма круглого стола, 2008, с. 17]. Особо выделяли наличие у среднего класса политической и общественной позиции [Юргенс, 2008; Бунин, 2008], его способность определять «моральные стандарты зрелого общества» [Гонтмахер, Григорьев, Малева, 2008]. Нередко утверждали, что средний класс является социальной опорой «демократической политики и демократических политиков» [Рогожников, 2007; Юргенс, 2008; Никонов, 2009]. Некоторые, ссылаясь на западный опыт, подчеркивали, что средний класс «обеспечивает приемлемый уровень социально-политической стабильности» [Дмитриев, 2008; Бунин, 2008; Гонтмахер, Григорьев, Малева, 2008]. Впрочем, у этой точки зрения были и оппоненты, отмечавшие, что средние слои «умеют выражать свое несогласие не хуже левых групп», в силу чего «в условиях непредставленности» политическая мобилизация среднего класса может обернуться «взрывом» [Рогожников, 2007]. Отсутствие у групп, назначаемых на роль «среднего класса», части указанных характеристик заставляло некоторых экспертов сомневаться в применимости данного термина для описания российской ситуации [Бунин, 2008]. Очевидно, что помимо количественных критериев, которые применялись то расширительно, то ограничительно, действовали еще и нормативные критерии, причем именно последние играли ключевую роль для оценки социально-политических последствий «замедления роста» искомой

социальной группы или, наоборот, «тектонических сдвигов» в ее динамике.

Как справедливо подметил проректор Высшей школы экономики, социолог В.В. Радаев, «за мнимой стратификационной категорией скрывается совершенно другое явление: понятие “средний класс” служит обозначением нормативной модели», поэтому «вместо измерения того, чего пока нет, нужно по возможности четко сформулировать то, чего мы хотим, т.е., по сути, сконструировать наш средний класс» [Дискуссия о среднем классе, 2008, с. 20]. Надо признать, что дискуссии политических экспертов в значительной степени решали именно эту задачу – изначально предметом обсуждения были разные сценарии формирования «среднего класса» в российских условиях, специфики которых никто не отрицал. Проводились исследования, призванные уточнить масштабы, границы и структуру как российского среднего класса, так и других социальных групп, которые обладают определенным потенциалом для перемещения в данную группу, а также финансовое поведение среднего класса [Российские средние классы... 2008; Григорьев и др., 2009]. В феврале 2010 г. ИнСОР презентовал доклад «Россия XXI века: образ желаемого завтра», получивший заметный медийный резонанс. В докладе обосновывалась необходимость «модернизационного рывка» и описывалась нормативная модель будущего, существенным элементом которой был рост среднего класса. По прикидкам авторов доклада, он должен стать «наиболее многочисленным социальным слоем», охватывающим «не менее 50% населения (домохозяйств)» [Россия XXI века, 2010, с. 26]. Все это, несомненно, было частью «социального конструирования», рассчитанного на перспективу. Однако изменения политического контекста – определение ближайших политических задач в терминах «модернизации», начавшийся вскоре экономический кризис, а затем протестная активность 2011–2012 гг. – очень быстро повлекли за собой трансформацию дискурса: о среднем классе стали говорить как о реальном субъекте политического процесса.

Средний класс и модернизация

Тема «среднего класса» появилась в риторическом репертуаре власти еще до того, как определилось ключевое слово-лозунг для обозначения нового политического курса [Малинова, 2012], о необходимости которого Путин заявил в конце своего

второго президентского срока. Однако она хорошо сочеталась и с «инновационным развитием», и с «модернизацией»: в зависимости от расстановки акцентов задача создания условий для количественного и качественного роста социальной группы, обладающей отмеченными выше позитивными качествами, могла рассматриваться и как конечная цель, и как инструмент намечаемого политического курса.

Проблема роста среднего класса действительно имела все основания рассматриваться как «ключевое звено», потянув за которое, можно вытянуть всю цепь. На первом этапе дискуссии экспертный анализ был сосредоточен именно на «задаче социального конструирования», т.е. определении «тех методов технологий политических решений законодательств законов, которые бы двигали структуру общества» в заданном направлении [Стенограмма круглого стола, 2008, с. 2]. Именно так вопрос ставился на первой экспертной дискуссии ИнОПа. Как легко убедиться, список необходимых мер совпадал с тем, что предполагалось делать в рамках «инновационного развития» и «модернизации».

Это обстоятельство со временем, по мере накопления первых результатов исследований позволило экспертам ИнСОРа взглянуть на проблему под другим углом: как утверждалось в докладе «Демократия: развитие российской модели», представленном в качестве рекомендации президенту Д.А. Медведеву в конце 2008 г., «этот “поднимающийся класс” призван сыграть ключевую роль в социально-экономическом развитии страны по модернизационной, инновационной модели. Но этот класс не способен проявить себя и успешно развиваться без конкурентной, открытой среды, без гарантий “правил игры” как в экономической, так и общественно-политической сфере» [Демократия... 2008, с. 12]. Таким образом, «поднимающийся» средний класс представлялся как реальный социальный субъект, предъявляющий запрос на модернизацию. В конце 2008 г. на фоне разворачивающегося кризиса руководитель ИнСОРа И. Юргенс уже представлял средний класс как вполне сложившуюся социальную группу, указывая на «объективные» политические последствия того обстоятельства, что «за последние годы появился г-н Собственник, он же – г-н Труженик», готовый отстаивать свой интерес. По его словам, «в нашей стране появляется Гражданин, а не подданный. С ним нельзя не считаться – его можно только убеждать. Социальный контракт с таким Гражданином – залог успешного развития страны. Только он может совершить прорыв в инновациях, только он обеспечит страну каче-

ственным и конкурентоспособным товаром, только он положит в банк достаточно денег, чтобы их не приходилось занимать на Западе... Но и Гражданин в ответ потребует от государства многого такого, чего сегодня нет или почти нет» [Юргенс, 2008]. Этот аргумент активно использовался для продвижения идеи политической модернизации: эксперты ИнСОРа, а позже – ЦСР в своих докладах настойчиво писали о необходимости изменений политической системы, призванных создать «каналы для корректной и цивилизованной конкуренции, не допуская нового “кризиса легитимности”» [Демократия... 2008, с. 14; ср. Движущие силы... 2011, с. 31–32]. В частности, указывалось на отсутствие политических партий, способных представлять интересы новой социальной группы [Рогожников, 2007; Гонтмахер, Григорьев, Малева, 2008 и др.]. По словам И. Юргенса, «даже “Единая Россия” не в состоянии охватить своей “политической услугой” весь средний класс – особенно тогда, когда мы “дорастим” его численность до отметки, превышающей 50%. Этим людям в политической сфере будет нужна такая же конкуренция, которую они видят, скажем, на рынке продовольственных товаров» [Форум 2020, 2008].

Логика «социального конструирования» позволяла рассматривать средний класс как *объект* государственной политики, группу, которая растет, «используя свои знания и умения», но при этом «там, где необходимо, получая помощь государства», – именно так вопрос изначально формулировался Путиным [Путин, 2008]. Однако с выдвижением лозунга модернизации появилась перспектива наделения «поднимающегося» среднего класса *субъектностью* – не только в качестве группы, на которую государство может опереться в осуществлении предложенной им программы, но и в качестве самостоятельной силы, формулирующей некие запросы. Обе линии рассуждений были представлены в экспертном дискурсе периода «танDEMократии»: первая ассоциировалась с ИнОПом, вторая – с ИнСОРОм. Если первая была сосредоточена на конструировании группы, которой еще нет, то вторая рассматривала средний класс как данность, которую необходимо учитывать при принятии решений.

Экономический кризис и «рождение» среднего класса

Грянувший осенью 2008 г. экономический кризис внес свою лепту в трансформацию экспертного дискурса о среднем классе. Первые антикризисные меры, предпринятые государством, заста-

вили усомниться, что задача создания условий для роста новой социальной группы останется в повестке дня. В этих условиях лидеры обоих неформально конкурирующих экспертных центров стали продвигать идею помощи среднему классу в условиях кризиса. Выступая на мероприятиях «Единой России», В. Фадеев призывал «кардинально пересмотреть антикризисную политику» – спасти деньгами не крупнейшие компании, а покупательную способность и кредитоспособность обычных людей [цит. по: Единороссы вступились... 2008]. Он высказывал предположение, что «кризис – это шанс для среднего класса изменить свою жизнь», и в случае грамотной антикризисной политики «возможно, нам удастся наконец-то построить страну среднего класса, а не страну богатых и бедных, которой всегда была Россия» [цит. по: Бортников, 2008]. В свою очередь, И. Юргенс настаивал на «приоритетности задачи сохранения и развития среднего класса», без которого, по его словам, «не вытянуть страну из рецессии, не решить даже краткосрочных задач, не говоря уже о долгосрочных» [Юргенс, 2008].

Для дальнейшего хода дискуссии существенное значение имело то, что идею роста среднего класса публично поддержал главный кремлевский идеолог – первый замглавы администрации президента Владислав Сурков. Выступая на секции Форума «Стратегия-2020», он заявил, что считает главным достижением «появление и становление в России массового, достаточно обширного среднего класса». По его словам, «средний класс фактически обрел социальную гегемонию и политическую власть. Если 80-е были временем интеллигенции, 90-е десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса» [цит. по: Михайлов, 2008]. Сурков не только высказался за государственную поддержку «средняка», но и подчеркнул его особый статус: по его словам, «российское государство – это его государство, и российская демократия – его, и будущее у них общее. Нужно позаботиться о них. Россия – их страна. Медведев и Путин – их лидеры. И они их в обиду не дадут» [цит. по: там же]. Таким образом представление о среднем классе как о реальной, и притом массовой группе получило символическую санкцию Администрации Президента.

С конца 2008 г. «средний класс» превратился в политически значимую действительность – не потому, что он *стал* агентом коллективных действий, но в силу того, что все более широкий круг публичных спикеров стали *рассматривать* его в качестве такового. При этом имели место разные подходы к репрезентации как самого среднего класса, так и его запросов.

ИнОП продолжал развивать линию «объектного» подхода: в его первом ежегодном докладе, опубликованном в 2009 г., средний класс представлялся как «ресурс» «для следующего модернизационного рывка», который достался России в «наследие от советских времен» [Основные тезисы... 2009, с. 4]. Экономический кризис рассматривался как фактор, меняющий глобальную конъюнктуру: если «в период неолиберальной глобализации» у России была лишь одна перспектива – встраиваться в мировую экономическую систему «в качестве поставщика природных ресурсов», что требует «относительно небольшой и лишь анклавно сконцентрированной рабочей силы», то теперь «наличие все еще бедного и притом изголодавшегося по приличной работе и потреблению среднего класса» может обернуться «преимуществом отсталости» [Оценка состояния... 2009, с. 28]. Авторы доклада утверждали, что «у России сегодня пока еще есть средства на запуск достаточно серьезной программы государственного развития» и видели ключ к решению этой проблемы в решительных действиях государства («перед лицом кризиса, который пересидеть невозможно, становится отчаянно важно действовать») [Основные тезисы... 2009, с. 4]. При этом они заявляли, что выбор между демократией и авторитаризмом на данном этапе – «ложная идеологическая дилемма»: «России необходимо лидерство в ситуации национального кризиса... а харизма в политике плохо совместима с обыденной конкурентной демократией». Поэтому «было бы честнее и реалистичнее сказать, что демократизация политической системы России в ближайшее время не может стать приоритетом. Приоритет сейчас в эффективности управления» [там же].

Их оппоненты из ИнСОРа, ЦСР и некоторых других экспертных структур настаивали на необходимости политической модернизации, представляя ее не только как ключ к полноценному и комплексному решению стоящих перед страной проблем, но и как необходимую адаптацию к потребностям «поднимающегося» среднего класса. В преддверии думской избирательной кампании, в марте 2011 г. ЦСР опубликовал доклад «Политический кризис в России и возможные механизмы его развития». Опираясь на данные социологических исследований, его авторы фиксировали «неожиданные» сдвиги в политическом сознании населения, которые они в частности связывали с тем, что «в Москве и других крупных городах сложился массовый средний класс со стандартами потребления, близкими к западноевропейским. Популистская перераспределительная политика не отвечает его интересам и будет встречать эффективный

отпор» [Белановский, Дмитриев, 2011, с. 23]. Авторы доклада констатировали, что «политический кризис в России уже идет полным ходом, хотя еще и не выплеснулся на поверхность политической жизни» [там же, с. 3]. Выводы этого документа очевидным образом контрастировали с основной идеей опубликованного несколькими неделями ранее доклада ИнОП, опровергавшего тезис о том, что «только немедленная демократизация социальной жизни решит все российские проблемы» [Оппозиции... 2011, с. 1]. Таким образом, мартовский доклад ЦСР не только поддержал «линию ИнСОРа», но и подкрепил ее данными о наличии общественного запроса на перемены. А в ноябре 2011 г. ЦСР опубликовал следующий доклад, в котором доказывалась неадекватность наличной политической системы новой «двухполярной» структуре общества, в которой есть два полюса – люди с малым доходом и средний класс. Авторы доклада утверждали, что «необходимо возвращение к более конкурентной политической модели, которая сможет обеспечить представительство интересов среднего класса, соразмерное его численности и влиянию» [Движущие силы... 2011, с. 32].

Протестное движение 2011–2012 гг.: Средний класс как визуальная реальность

На наш взгляд, экспертные дискуссии, широко освещавшиеся печатными и электронными СМИ, внесли свою лепту в то, что начавшиеся после декабрьских выборов 2011 г. массовые протестные акции в Москве, Санкт-Петербурге и ряде крупных городов были восприняты многими наблюдателями как «движение среднего класса». Хотя социологи предупреждали против столь прямолинейных заключений, политики, журналисты и политические эксперты настойчиво интерпретировали меняющуюся ситуацию именно в таких терминах. Так, относительную неудачу «Единой России», набравшей на выборах в Государственную думу «почти, но не больше 50%», объясняли тем, что средний класс, у которого «нет своей партии», «не хочет теперь голосовать за “Единую Россию”» [цит. по: Новикова, 2011]. Протестные акции зимы 2011–2012 гг. связывали с несбывшимися надеждами среднего класса¹.

¹ По словам И. Юргенса, слова Медведева о свободе, борьбе с коррупцией и проч., повторявшиеся в различных редакциях с 2008 г., «зарядили на надежду, если не на борьбу за свободу, очень большие группы людей и уж точно средний

Участники посвященной России сессии Всемирного форума в Давосе в один голос говорили о появлении среднего класса: первый вице-премьер И. Шувалов назвал данный факт «началом нового социума» в России, а бывший министр финансов А. Кудрин заявил, что «поднимающийся средний класс требует четких правил, снижения рисков и что это положительное явление» [цит. по: Лысова, 2012]. На совещании первого замруководителя администрации президента Вячеслава Володина с губернаторами было заявлено, что «в стране появился средний класс, который хочет открытого диалога с властью и “чтобы та не держала его за дурака”» [там же].

В тех же терминах объяснялись недостатки и слабости протестного движения. Например, директор Фонда исследования проблем демократии М. Григорьев, характеризуя первые акции протестантов как «начало выхода на арену городского среднего класса», подчеркивал, что «с политической и общественной точки зрения он абсолютно незрел – действует по принципу “назло маме отморожу уши”». Он не только не знает, не пытается понять, но и вовсе отказывается принимать во внимание права других частей общества...» [Григорьев, 2011]. Впрочем, политический эксперт высказывал надежду, что со временем «российский городской средний класс станет более ответственным», и начать ему стоит с участия «в развитии и управлении территорий своего проживания» [там же]. В том же духе, метафорически сравнивая средний класс с неадекватным подростком, писал о митингах в Москве руководитель департамента по работе со сторонниками партии «Единая Россия» и общественными объединениями А. Ильницкий: «Власть по-родительски обижалась на митинговую активность “новых средних”, на их пубертатную подростковую бузу. Ибо средний класс возрос и окреп именно в путинское время, ему “отдали все” – а он “на тебе”, неблагодарный, недоволен и норовит сбежать во двор к товарищам... Надо не обижаться, коллеги, а с пониманием относиться к этим “прыщавым” издержкам гражданского роста» [Ильницкий, 2012]. Кстати, весьма характерно, что в то время как «либеральные» политические эксперты стремились представить средний класс как «класс, создавший себя сам» [Юргенс, 2008], их «провластные» коллеги подчеркивали, что «на протяжении 20 лет власть сознательно создавала условия и помогала его развитию, находясь в уверенности, что именно он и есть основа стабильности

класс. Они были предтечей всех протестных акций последнего времени» [цит. по: Самарина, Твердов, 2011].

общества» [Григорьев, 2011]. Последнее вряд ли было справедливо, ибо задача укрепления среднего слоя оказалась в ряду приоритетов государственной социальной политики лишь в конце «тучных нулевых». Интересно однако, что в контексте протестного движения о среднем классе стали говорить как о действующем лице развертывающегося нарратива, включенном в отношения, имеющем историю, способном вызывать эмоции, возбуждать ожидания, воодушевлять, разочаровывать и т.п. Благодаря такой репрезентации протестного движения 2011–2012 гг. средний класс визуализировался в качестве героя социальной драмы.

Средний класс и его критики

Неудивительно, что он приобрел критиков не только в лице представителей политического истеблишмента, вставших в оборонительную позицию в связи с протестным движением, но и в рядах консервативно-патриотической оппозиции (которая и сама частично участвовала в акциях зимы-весны 2011–2012 гг.). Последняя весьма неоднородна, и в ее дискурсе можно выделить несколько линий аргументации. Первая связана с противопоставлением «нового» среднего класса «старому» советскому – интеллигенции¹. Например, оппонируя идее Суркова о «классе-гегемоне», С. Кара-Мурза писал: «Нам предлагается видеть в среднем классе чуть ли не становой хребет современной России. Неужели это всерьез?» Это «продукт постсоветского смутного времени, который уже не обременен коллективной памятью “советского типа”, но не обрел “своей” памяти... Куда он может повести расколотое общество, кого он может сплотить для творческого усилия?» [Кара-Мурза, 2009; ср.: Изборский клуб, 2012]. По словам Кара-Мурзы, преодоление кризиса следует связывать с усилиями не отдельного класса, но «культурно-исторического типа, который стал складываться задолго до 1917 года, но оформился уже как “советский человек”» [там же]. Позже, когда В. Путин вернулся в президентское кресло, ту же идею более резко выразил С. Rogанов: утверждая, что «реабилитация СССР» должна быть выдвинута в качестве «четкой и ясной для всех задачи государственной идеологии», он предлагал президенту опираться «не на пресловутых силовиков, а

¹ Нужно отметить, что вопрос о преемственности с советским средним классом поднимался и в экспертных разработках ИнОПа [Основные тезисы... 2009, с. 26–28], ИнСОРа [Российские средние классы... 2008] и ЦСР [Дмитриев, 2012].

на осколки советского среднего класса в новом государстве. Того самого, который и создавал, строил, образовывал супердержаву – Советский Союз» [Роганов, 2012].

Вторая линия критики «среднего класса» закрепилась на фоне стремления новой администрации Путина сплотить «патриотическое большинство», противопоставляя его «западническому меньшинству». Некоторые постоянные члены Изборского клуба – экспертной организации, созданной в сентябре 2012 г. в качестве «интеллектуальной альтернативы либеральному проекту» – критикуют «прозападный» средний класс за его «непатриотичность». При этом активно используется тема демократии большинства. Так, С. Черняховский, ссылаясь на данные «Левада-центра», согласно которым только 25% представителей среднего класса готовы отдать сыновей в армию, доказывал, что «миф-класс», который «больше всего требует демократии», меньше всего ее заслуживает [Черняховский, 2013 а, с. 111]. Он призывал власть игнорировать рекомендации аналитиков, предлагающих «делать ставку на входящие в жизнь “прозападные поколения”, т.е. развивать рыночные отношения, сокращать государственное регулирование и все больше внедрять политическую конкуренцию западного типа». По его словам, это будет означать, что власть «отвернется от остальных, от большинства населения» [Черняховский, 2013 б].

Впрочем, не все эксперты Изборского клуба считают средний класс «прозападным»: некоторые склонны рассматривать его как резерв для консервативно-патриотической пропаганды. По словам исполнительного секретаря клуба В. Аверьянова, представление о том, что «у нас средний класс ориентирован на Запад, на демократические ценности, на честные выборы, на белоленточную оппозицию» – это «очень раздутый миф». В действительности же кроме «богемного среднего класса» и «высшего среднего класса» есть «основной средний класс, миллионы людей», которые «склоняются скорее к нашим традиционным ценностям, консервативным» [Аверьянов, 2013]. Таким образом, в то время как одна часть «среднего класса» рассматривается на право-консервативном фланге в качестве политического противника, другая его часть воспринимается как потенциальный союзник. И в том и в другом случае дискурс «консервативных» экспертов способствует закреплению представления о «реальности» среднего класса.

Заключение

Описанные здесь экспертные дискуссии о среднем классе были частью политических процессов, связанных с наличием двух центров власти в 2008–2011 гг. и турбулентностью, которая возникла после неудачной «рокировки» внутри правящего «тандема». Выполняя заказ на исследование факторов роста среднего класса, заявленного в качестве официальной цели государственной политики, представители ряда московских экспертных организаций внесли заметный вклад в формирование представлений читающей публики об этой группе и тем самым – в ее социальное конструирование. В какой-то момент они оказались в роли публичных защитников «интересов» среднего класса – и объектом политической критики со стороны спикеров, пытавшихся привлечь внимание власти к запросам конкурирующих групп. Можно сказать, что экспертно-аналитические центры отчасти взяли на себя идеологические функции, подменяя в этом качестве отсутствующую «партию среднего класса». Впрочем, замена по определению не могла быть полноценной: с одной стороны, политические эксперты имеют ограниченные возможности влияния и зависят в реализации своих предложений от тех, кто наделен властью или участвует в борьбе за власть, с другой стороны, их основная деятельность требует объективности и неангажированности. После возвращения В. Путина к исполнению обязанностей президента тема среднего класса постепенно отошла на второй план, хотя изменение приоритетов социальной политики отчасти пытались замаскировать подобием прежней риторики¹. Правда, к задаче роста среднего класса активно апеллировали в период, когда шла борьба за выработку нового курса – но это уже тема для другой статьи.

¹ Так, в первом ежегодном послании нового срока Путин говорил о необходимости поддержки «креативного класса», сознательно представляя термин, использовавшийся когда-то для характеристики участников протестных акций 2011–201 гг., как синоним, с одной стороны, «бюджетников», а с другой – «интеллигенции». К этой категории он отнес «врачей, учителей, преподавателей вузов, работников науки, культуры», которые «по уровню доходов... пока не дотягивают до среднего класса» [Путин, 2012].

В.Н. Ефремова

**ЭКСПЕРТНЫЕ РЕЙТИНГИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ:
К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВ РЕГИОНОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В последние десять лет в российском публичном пространстве заметно вырос интерес к различного рода рейтинговой оценке. Рейтинги становятся инструментом информационной политики и демонстрации практических результатов в деятельности регионов, на основе которых правительство РФ распределяет бюджетные средства. В то же время именно рейтинги вызывали и продолжают вызывать споры и остаются предметом широкого обсуждения. Особый резонанс в публичном пространстве имеют оценки эффективности / успешности глав регионов.

Экспертные оценки в виде систематически формируемых рейтингов региональных политиков в мире – не редкость. В США рейтинги используются как способ подведения промежуточных итогов перед очередными выборами глав штатов. Рейтинги – это показатели популярности того или иного политика, оценка его шансов перед предстоящими выборами. В технологическом отношении они представляют собой реально работающий инструмент по измерению *конкуренции*. Их составлением на основе данных исследовательских и университетских центров и имеющихся сведений о результатах деятельности глав штатов занимаются медиахолдинги, такие как, например, The Washington Post [см., например: Blake, 2012; Sullivan, Blake, 2014] или The New York Times [Cohen, 2013]. Перед составителями, как правило, не стоит задачи отобразить картину по всем штатам, они пытаются скорее дать свой прогноз относительно того, у кого из существующих губернаторов наиболее высокие (низкие) шансы на переизбрание в бли-

жайшее время, какая из политических партий имеет большие шансы на победу в местных парламентах, а затем и в конгресс.

Ситуация с российскими списками глав регионов несколько иная. Составлением рейтингов в России занимается экспертное сообщество и специализированные аналитические центры, а средства массовой информации выступают как инструмент, с помощью которого результаты экспертных оценок доносятся до представителей широкой общественности. Парадокс заключается в том, что российские экспертные рейтинги губернаторского корпуса не привязаны к электоральному процессу, а существуют помимо него. Экспертные рейтинги появились в период отмены прямых выборов глав регионов (об этом речь пойдет ниже).

В данной главе мы попытаемся разобраться, какую роль играют экспертные рейтинги в отношениях субъектов регионов с федеральной властью, в чем заключается основная задача экспертного сообщества при их составлении.

Регионализация экспертного дискурса в современной России

Нельзя сказать, что экспертным организациям не свойственно участвовать в жизни региональных политий. Скорее наоборот – разнообразие электоральных практик, последовавшее после распада Советского Союза, привлекало в регионы и на места огромное внимание со стороны разного рода политических консультантов в части подготовки и сопровождения избирательных кампаний. Поле деятельности экспертов в регионах существенно снизилось в связи с отменой в 2004 г. прямых выборов губернаторов и введения единого дня голосования в 2012 г., которые вписывались в общую тенденцию унификации региональных политических процессов.

Переход к механизму фактического назначения глав регионов по-иному поставил вопрос не только о «способах взаимодействия федеральной и региональных элит» и разрешения «возникающих в этих рамках конфликтов» [см.: Подвинцев, 2009 а], но и деятельности экспертных организаций, которые претендовали на роль реальных участников в производстве идейно-символических конструктов в современной России¹.

¹ Об усилении идеологической составляющей публичного дискурса ведущих экспертно-аналитических организаций современной России см.: [Малинова, 2013].

В целом развитие системы оценки эффективности губернаторского корпуса в России условно можно разделить на два этапа. Их выделение связано с курсом власти и публичной активностью экспертного сообщества.

Первый интерес к составлению подобного рода документов, содержащих комплексную экспертную оценку деятельности глав субъектов регионов, можно зафиксировать начиная со второй половины 2000-х годов. Это в целом совпадает с общим трендом, когда власть существенно сузила возможности публичного экспертного диалога с экспертным сообществом по вопросам экономической политики, но продолжала привлекать экспертные организации в качестве агентов публичной коммуникации [Малинова, 2013, с. 196].

Необходимость анализа деятельности глав регионов и поиска мотивированного отказа от сотрудничества встала перед администрацией президента В.В. Путина в связи с уходом главы Корякии Владимира Логинова, который первым в 2005 г. покинул свой пост после изменений законодательства с формулировкой «утративший доверие». Тогда же, по оценкам разных регионоведов, в экспертном управлении администрации президента начался поиск оснований, по которым можно было бы отправить в отставку неугодных руководителей [Григорьева, 2007]. Первый список критериев оценок эффективности региональных властей был составлен летом 2007 года [Указ Президента № 825... 2007]. Указ президента регламентировал перечень показателей эффективности, а также форму доклада руководителей регионов о показателях за отчетный год и плановый трехлетний период. Практически все показатели, за исключением последнего («удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в том числе их информационной открытостью»), должны были демонстрировать достижения региона по уровню социально-экономического развития – объем ВРП, инвестиций, доходы населения, уровень безработицы, смертность и др. В дальнейшем критерии были дополнены указом президента и постановлением правительства [Постановление Правительства РФ № 322... 2009; Указ Президента РФ № 579... 2010].

Однако было очевидно, что, выстроив вертикаль, федеральные власти нуждались в более широкой поддержке со стороны «третьего сектора», оценки которого по эффективности деятельности того или иного главы не вызывали бы сомнений и легитимировали бы эту практику, которая в ряде случаев представляет пример

политической неадекватности и откровенного пренебрежения интересами региона в угоду интересам тех или иных группировок федеральной элиты. И здесь поле для идейного производства оценки эффективности оставалось открытым.

Первым экспертным докладом, в котором были проанализированы возможные перестановки среди глав регионов, стал «Рейтинг политической выживаемости губернаторов» [Рейтинг политической выживаемости... 2007], подготовленный экспертами фонда «Петербургская политика» и Международным институтом политической экспертизы Е. Минченко. Как отмечали авторы, «импульсом к составлению рейтинга стала замена нескольких глав администраций (Новгородская, Сахалинская области), породившая ожидания серьезной “зачистки” губернаторского корпуса» [Второй Рейтинг политической выживаемости... 2008]. В дальнейшем рейтинг стал публиковаться каждые полгода. В число экспертов фонда «Петербургская политика» попали российские политологи – заместитель директора Научно-исследовательского института социальных систем Д. Бадковский, директор Института региональных проблем М. Дианов, вице-президент Центра политической конъюнктуры России В. Иванов, руководитель региональных программ Фонда развития информационной политики А. Кынев и другие, а также представители СМИ. Ряд членов экспертной группы были членами Общественной палаты и в разное время консультировали Кремль по вопросам гражданского общества.

Практически в то же время, в сентябре 2007 года, выходит доклад экспертов «Центра политической конъюнктуры» (ЦПК) под руководством М. Виноградова. Документ получил название «Рейтинг политической эффективности» [см.: Григорьева, 2007]. Он стал совместным проектом с провластным издательским домом «Известия».

В целом на этом этапе обсуждение эффективности губернаторского корпуса шло не очень активно. Вероятно, причина кроется в том, что непосредственно политический фактор (как, например, внутриэлитные конфликты, принадлежность к партии власти), который предполагает углубленный экспертный анализ, оказался не столь значимым. Решения о назначении или отстранении принимались на основе результативности действий назначенцев. Это отчасти подтверждал своими наблюдениями М. Виноградов [см.: Григорьева, 2007]. В «рейтингах выживаемости» губернаторов главы регионов оказались не совсем в равном положении, к тому же большому числу назначенцев-«варягов» требовалось время, чтобы выстроить систему управления и включиться в региональ-

ный процесс. Так, по оценкам «Минченко консалтинг», с 2005 по 2011 г. было произведено 140 назначений, 67 раз посты глав субъектов доверяли новичкам (47,6%), из них 27 были «варягами». Из новых губернаторов 15 ушли досрочно [Первые итоги партийной и избирательной реформ... 2013].

Другой значимой причиной развития рейтингового подхода, по мнению политолога А. Кынева, стал «кризис системы назначений», который «спровоцировал кризис рейтинга» [Кынев, 2009]. Рейтинговая система оказалась привлекательным инструментом информационной политики, которым можно было сравнивать результаты деятельности глав регионов и наглядно с помощью цифр демонстрировать различия в стилях управления (и взаимодействия с федеральной властью). В результате чего итоговый четвертый рейтинг выживаемости, при составлении которого участвовало большинство экспертов, прямо или косвенно связанных с нынешней кремлевской администрацией или интересами «доминирующей» партии, напоминал рейтинг «кремлевских пожеланий».

Второй этап (с 2012 г.), несомненно, выявил более живое внимание экспертных центров к деятельности и имиджу регионов. Непосредственно это связано с тем, что 15 декабря 2011 г. премьер-министр В.В. Путин в ходе прямого эфира предложил изменить «способ приведения губернаторов к власти» так, чтобы партии, находящиеся в региональном парламенте, прямым и тайным голосованием определяли своих кандидатов, которые бы затем, пройдя через президентский фильтр, выходили уже на прямое голосование всего населения региона. Инициатива повлекла за собой широкое экспертное обсуждение, к которому подключились Комитет гражданских инициатив (КГИ), Институт социально-экономических инициатив (ИСЭПИ) и др. [см., например: Прямые выборы губернаторов и система... 2012; Политические стратегии губернаторов-новичков... 2013; Первые итоги партийной и избирательной реформ... 2013 и др.]. Идея о том, чтобы вернуть выборность глав регионов, еще в 2010 г. была озвучена экспертами Института современного развития (ИнСОР) [Экспертный доклад Института современного развития... 2010].

Закрепление выборности губернаторского корпуса произошло 25 апреля 2012 г. с принятием Госдумой в третьем чтении соответствующего законопроекта. Закон вступил в силу 1 июня того же года [Федеральный закон от 2 мая... 2012]. Нововведением стало то, что в законе предусмотрен «фильтр» для потенциальных кандидатов в виде «консультации [президента РФ] с политическими

партиями, выдвигающими кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта». Изменение направления движения «маятника» в сторону выборности глав субъектов требовало анализа новых условий их ротации, публичные политические последствия таких решений.

В феврале 2012 г. свой «Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации» представило Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК) Дмитрия Орлова [Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в январе 2012 года].

Третьим влиятельным рейтингом помимо «Рейтинга влияния глав субъектов Российской Федерации» АПЭК и «Рейтинга политической выживаемости губернаторов» фонда «Петербургская политика» стал «Рейтинг эффективности губернаторов», подготавливаемый созданным в 2012 г. Фондом развития гражданского общества (ФОРГО), который возглавляет бывший руководитель управления внутренней политики администрации президента Константин Костин. Первый рейтинг ФОРГО был составлен в партнерстве с фондом «Общественное мнение» (ФОМ), газетой «Известия» и «Национальной службой мониторинга», он был опубликован в январе 2014 г. [Рейтинг эффективности губернаторов. Первый выпуск, 2014].

В целом формирование экспертных оценок деятельности губернаторского корпуса идет в направлении обоснования необходимости сохранения позиций тех или иных губернаторов на посту. Каждое из исследований выделяет так называемую «группу риска» (губернаторы тех субъектов, которые, скорее всего, покинут свой пост) и «группу высокой стабильности» (губернаторы, которых не ждет отставка в ближайшее время).

Как оценивать эффективность: Взгляд экспертов

Ключевой вопрос, который всегда стоял перед составителями рейтинга: как оценить качество деятельности губернатора? Или, переводя на рабочий язык: чем измерить доверие президента к руководителям регионов? Именно второй вопрос является ключевым для различных экспертных служб, которые претендуют на отражение реальной политической ситуации в разрезе взаимоотношений федеральная – региональная власть.

Фонд «Петербургская политика» и АПЭК ориентированы на проведение закрытых экспертных интервью. В список их экспертов входят известные политологи, политтехнологи и медиаэксперты.

«Петербургская политика» традиционно с 2007 г. предлагает своим экспертам по 5-балльной шкале оценить «вероятность сохранения главы региона на своем посту в ближайшее время» [12-й рейтинг... 2013]. Об ориентации рейтинга фонда на исследование политической конъюнктуры говорит тот факт, что особое внимание уделяется критерию политической активности региональных назначенцев. Так, в период с 2007 по 2009 г. показатели неудач «Единой России», членство в «Единой России», присутствие в списках «праймериз» «Единой России», показатели «Единой России» на региональных выборах считались экспертами одними из самых приоритетных. С 2012 г. эксперты «Петербургской политики» и «Минченко консалтинг» ставят на одно из первых мест наличие региональных внутриэлитных конфликтов.

Методика АПЭК еще более простая. Перед экспертами ставится вопрос: «Как бы вы оценили по шкале от 1 до 10 влияние на федеральном уровне (в администрации президента РФ, правительстве РФ, Федеральном собрании РФ, партийной и бизнес-элите) следующих глав регионов?» [Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в январе 2012 г.]. Итоговый ежемесячный рейтинг представляет собой консолидированную оценку влияния всех глав регионов России лидерами российского экспертного сообщества. Однако такую методику опроса нельзя назвать абсолютно прозрачной, поскольку ее данные не поддаются верификации.

Прокремлевский ФоРГО для своего исследования сократил до 12 критерии эффективности, утвержденные в указе президента [Указ Президента РФ № 1199... 2012]. Эксперты фонда буквально восприняли слова тогда еще премьер-министра В.В. Путина о том, что «нужно ускорить разработку новых критериев оценки деятельности регионов... [ее] новизна должна основываться на прозрачных, внятных критериях оценки, в том числе на общественном мнении» [цит. по: Латухина, 2012]. При том что подобный рейтинг на основе президентских критериев эффективности глав региональной власти с 2012 г. ежегодно проводит Министерство регионального развития [см., например: Доклад о комплексной оценке... 2014].

Рейтинг фонда можно считать самым сложным и затратным для проведения. В ФоРГО подчеркивают, что отличие их рейтинга заключается в том, что «первый и наиболее весомый с точки зрения влияния на конечный результат (максимум 75 баллов из 100) исследовательский модуль рейтинга в значительной степени основан именно на результатах изучения общественного мнения жите-

лей российских регионов» [Критерии оценки эффективности губернаторов, 2014].

Использование исключительно опросов общественного мнения как основного и единственного инструмента оценки деятельности губернатора, его эффективности применительно к российскому случаю не отражало бы реальной картины. Как заметил Ю. Левада, в российской традиции результаты общественных опросов в виде рейтингов как таковые «выражают, в первую очередь, не оценки определенных действий данного лидера, а состояние комплекса массовых *ожиданий, надежд, иллюзий, связанных с ним* [курсив мой. – В.Е.]» [Левада, 2005, с. 9]. Это вызвано тем, что выстроенная таким образом рейтинговая система показывает скорее не то, что люди видят, а то, что хотели бы увидеть.

Поэтому при составлении рейтинга ФоРГО значительное внимание уделяет мнению приглашенных экспертов, которые дают оценку реальному положению дел в регионе.

За 2014 г. ФоРГО выпустил семь рейтингов эффективности. В 2015 г. К. Костиным было заявлено, что число рейтингов будет сокращено, чтобы отслеживать экономическую деятельность глав регионов в условиях кризиса и оценку этой деятельности со стороны граждан [Нагорных, Комаров, 2015]. Наибольшее внимание будет уделено экспертному и медийному модулям.

Десятый рейтинг ФоРГО, появившийся в октябре 2015 г., был усилен двумя новыми пунктами: (1) КОЛ-фактором – способность губернатора обеспечить условия для стабильной деятельности политических партий и проведения конкурентных, открытых и легитимных выборов, а также (2) фактором аффилированности, являющийся понижающим коэффициентом, за которые губернатор может заработать так называемые штрафные баллы [Пояснительная записка... 2015]. Таким образом, эксперты ФоРГО пытаются совместить экономические и политические показатели в своей оценке, показать, что конкуренция и невовлеченность в деятельность бизнес-структур, аффилированность коммерческим структурам могут оказывать влияние на конфликты интересов и эффективность губернатора как государственного служащего.

Наличие нескольких альтернативных рейтингов с разной методикой в основе, вполне обосновано влечет появление разных результатов, которые могут различаться с реальными представлениями администрации президента о положении дел в регионах. В то же время нельзя утверждать, что экспертные рейтинги остаются незамеченными. Вероятно, помимо всего прочего они так же,

как и формальные показатели исполнения госконтрактов учитываются при оценке деятельности глав субъектов.

Влияние рейтинга на позиции губернаторов и имидж регионов

Хотя рейтинги экспертно-аналитических центров не выступают обязательным фактором при принятии политических решений, но очевидно, что они оказывают влияние на общественное восприятие грядущих изменений. По природе своей фиксирующие произошедшие изменения в общественном восприятии фигуры того или иного регионального политика рейтинги эффективности / влияния указывают на вероятные сценарии развития политической ситуации.

Эти обстоятельства обуславливают популярность среди СМИ рейтингов глав регионов рассматриваемых нами аналитических центров. По оценкам экспертов, сейчас роль рупора федеральной власти в области региональной политики выполняет фонд К. Костина. Рейтинг ФоРГО – это сигнал Кремля для тех, кто делает что-то не так, считает политолог Д. Орешкин. Возможно, именно этим можно объяснить появление в четырнадцатом «Рейтинге эффективности губернаторов» «группы смерти» – список губернаторов, которые не справляются со своими обязанностями и чьи позиции в регионе очень слабы. Эта группа исчезла из девятого выпуска рейтинга, как предполагалось из-за того, что низкий рейтинг губернатора перестал быть неминуемым поводом к его отставке. «Рейтинг ФоРГО, с одной стороны, не стоит воспринимать как отражение объективных данных, с другой – он наверняка отражает мнение [первого замглавы президентской администрации Вячеслава] Володина», – полагает эксперт [цит. по: Железнова, Чуракова, 2014]. По рейтингу ФоРГО можно адекватно оценить позицию губернатора в глазах администрации, позиция в рейтинге – косвенное подтверждение электорального потенциала кандидата, пояснил значение рейтинга в интервью газете «Коммерсантъ» источник, близкий к администрации [там же].

За четырнадцать выпусков «Рейтинга эффективности губернаторов» экспертам ФоРГО удалось предсказать непродление полномочий главам Ненецкого автономного округа – И. Федорова, Орловской области – А. Козлова, а также преждевременную отставку губернатора Новосибирской области В. Юрченко, губернатора Брянской области Н. Денина, губернатора Тверской области

Андрея Шевелева в связи с утратой доверия. О низком рейтинге губернатора Сахалинской области А. Хорошавина (76–77-я позиция из 83), арестованного в марте 2015 г. по делу о строительстве нового комплекса аэропорта, говорилось в восьмом выпуске рейтинга ФоРГО [Рейтинг эффективности губернаторов. Восьмой выпуск, 2015]. Невысокую 70–71-ю строчку в четырнадцатом «Рейтинге эффективности губернаторов» занимал экс-губернатор Кировской области Н. Белых, который после заведения на него летом 2016 г. уголовного дела был лишен полномочий [Рейтинг эффективности губернаторов. Четырнадцатый выпуск, 2016].

Комментируя шестой выпуск рейтинга, К. Костин пояснил, что помимо экономического состояния региона негативно на рейтингах отражается классическое противостояние «мэр – губернатор» [Корня, Фаризова, 2014]. Исходя из этого, ряд аналитиков уже сделали вывод, что главным требованием, предъявляемым федеральной властью к региональным лидерам, является отсутствие внутриэлитных конфликтов, которых практически невозможно было избежать в период назначения. В то же время данное наблюдение следует рассматривать лишь как закономерное требование, предъявляемое федералами к регионалам.

Однако ФоРГО не удалось предсказать отставку губернатора Республики Коми В.М. Гейзера, который был арестован в сентябре 2015 г. и обвинен в организации преступного сообщества и мошенничестве в особо крупных размерах. В девятом «Рейтинге эффективности губернаторов» фонда, который был выпущен в июне 2015 г., он находился на высокой 4–5-й позиции [Рейтинг эффективности губернаторов. Девятый выпуск, 2015]. Данный факт стал причиной корректировки методики составления рейтинга ФоРГО, о которой мы уже упоминали выше, и включения в него факта аффилированности глав регионов и данных о коррупции в регионе на основе официальной информации правоохранительных органов и судов.

Не стоит недооценивать рейтинги АПЭК и фонда «Петербургская политика». Скорее именно первые строчки рейтинга АПЭК демонстрируют реальный имидж стабильного региона, залогом которого, по всей видимости, является политическая лояльность региональной элиты, обуславливающая взаимную «публичную поддержку президента или федерального центра». Так, по итогам августовского рейтинга влияния в 2016 г. на первом месте был мэр Москвы С. Собянин, на втором – и. о. главы Чечни Р. Кадыров, на третьем – президент Татарстана Р. Минниханов, на четвертом – губернатор Тюменской области В. Якушев [Рейтинг

влияния глав... 2016]. На фоне приближающихся выборов в Госдуму 2016 г. ослабили свои позиции глава Республики Карелия А. Худилайнен (минус 9 пунктов, 84-е место) и губернатор Иркутской области С. Левченко (минус 3 пункта, 58-е место), – в этих регионах ожидается наиболее острая и конкурентная борьба [там же]. Таким образом, эксперты АПЭК главным фактором «невыживаемости» называют внутриэлитные конфликты без учета социально-экономической повестки. В этом плане представляется любопытной оценка идеологических конфликтных ситуаций в регионах РФ, которую дает «Петербургская политика» и с которой пересекается рейтинг АПЭК.

Заключение

Можно утверждать, что с началом нового президентского срока В.В. Путина экспертно-аналитические центры взяли на себя не только идеологические функции по производству публичных дискуссий в условиях отсутствия реальной конкуренции в сфере производства идей [Малинова, 2013], но и стали проводником принимаемых властью политических решений. Однако именно здесь экспертные центры оказались в ловушке. Заимствование инструментов оценки эффективности, предлагаемых властью, существенно сузило эвристические возможности экспертного продукта. В конечном итоге исчезновение открытой аналитической дискуссии о правилах и критериях того, кто достоин, а кто нет руководить регионами, может грозить реальной подменой экспертных функций пропагандой. Заменой персональным рейтингам глав субъектов может стать постепенное переключение экспертов на рейтинги развития регионов, которые не привязаны к конкретным личностям, а сосредоточены на объективном анализе социально-экономической ситуации в регионе.

Так, например, в сентябре 2015 г. глава КГИ А. Кудрин заявил о том, что его организация займется проведением рейтинговой оценки регионов по целому ряду показателей [Корня, 2015]. Экспертов КГИ интересует оценка внутривластной ситуации (независимость депутатов законодательного собрания и защита прав оппозиции, наличие самостоятельного местного самоуправления и политической конкуренции на выборах, конфликты в местной элите и интенсивность кадровых замен), социально-экономической устойчивости региона (доходы и долги регионального бюджета,

данные о доходах населения, показатели оборота розничной торговли и занятости населения), протестная активность. К середине июня 2016 г. эксперты КГИ подготовили два доклада [Оценка социально-экономической... 2015; 2016]. Отличительная черта – это комплексность оценок, как подчеркивают авторы. Элитные конфликты и административная устойчивость занимают лишь часть оценки. Такие рейтинги помимо того, что дают богатый материал для дальнейшего анализа, представляют иной взгляд на качество управления территориями. Они более информативны для дальнейшего прогнозирования ситуации в регионах.

А.И. Миллер

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ: РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ

В этой главе мы будем использовать понятие *политика памяти* для обозначения всей сферы публичных стратегий в отношении прошлого, т.е. концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории. *Историческая политика* является частным случаем политики памяти. Для нее характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов.

Особая, и достаточно сложная задача при анализе политики памяти – это выявление и классификация ее агентов, в том числе–негосударственных. Данная статья – попытка проанализировать роль одной категории таких агентов – экспертных сообществ. До недавнего времени в России почти не было таких институтов или неформальных групп, для которых политика памяти была бы приоритетным направлением. Мы исключаем из нашего анализа академические и университетские структуры, занимающиеся профессиональным изучением и преподаванием истории; люди, работающие в этих структурах, попадают в сферу наших интересов в том случае, если они участвуют в общественных инициативах, связанных с политикой памяти, или сотрудничают с неакадемическими организациями, занимающимися этой проблематикой.

Общественный интерес к прошлому был наиболее интенсивен в СССР в период перестройки, отчасти потому, что через обсуждение истории артикулировались политические позиции, которые еще не могли быть заявлены вполне открыто. Идиоматический язык перестройки – «выбор исторического пути», «историческая альтернатива» и т.д. – в большой степени был заимствован из репертуара историков [см.: Atnashev, 2010]. Обсуждение «белых пя-

тен», связанных с преступлениями коммунистического режима, и прежде всего сталинизма, даже публичное произнесение прежде запретных применительно к СССР слов «империя» и «тоталитаризм» – все это имело очевидное политическое значение. В 1990-е годы, на фоне болезненных трансформаций, общественный интерес к истории заметно уменьшился. После 1993 г., когда неудача процесса над КПСС стала очевидной, властные структуры на длительный период перестают сколько-нибудь активно действовать в сфере политики памяти.

Пожалуй, единственной структурой, которая вполне могла рассматриваться в качестве экспертного сообщества, сделавшего участие в политике памяти приоритетной задачей, была основанная в 1991 г. Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XX, после 2000 г. АИРО-XXI)¹. Помимо публикаций сугубо профессиональных монографий, посвященных различным аспектам истории XX в., АИРО уделяла много внимания анализу перемен, происходивших в сфере историописания в России и постсоветских странах. Деятельность ассоциации в этот период сыграла важную роль в развитии профессиональных контактов российских историков с их зарубежными коллегами и формировании общественной повестки дня в профессиональной среде, однако за пределами профессиональных кругов ее влияние было довольно ограниченным: АИРО слабо рекламировала свою продукцию и мало выступала в СМИ.

Намного более заметна в публичном пространстве была деятельность «Мемориала». Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» имеет более широкий круг интересов, чем политика памяти – нередко выходит на первый план его правозащитная деятельность. Однако трудно переоценить роль «Мемориала» в политике памяти и, прежде всего, памяти о политических репрессиях сталинского периода. По инициативе «Мемориала», в том числе его местных организаций, в 1990-е годы открыты сотни памятников и памятных досок, посвященных жертвам политического террора. С 1999 г. организация проводит ежегодные всероссийские конкурсы исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век». «Мемориал» активно использует Интернет, создавая на своем сайте специальные страницы по главным направле-

¹ См.: АИРО-XXI: [Ассоциация исследователей российского общества]. – Режим доступа: <http://www.airo-xxi.ru/>

ниям своей деятельности в этой сфере: о местах захоронений, об истории Большого террора, системе ГУЛАГа, принудительных депортациях, истории органов госбезопасности, формированию базы данных о жертвах репрессий. В целом можно сказать, что АИРО и «Мемориал» демонстрировали два разных подхода к влиянию на общественную повестку дня. Если «Мемориал» в существенной мере стремился ее формировать, не позволяя вытолкнуть на периферию общественного внимания тему репрессий и добавляя новые сюжеты в ее обсуждение¹, то АИРО скорее реагировал на общественный интерес к теме национализации истории и переводил ее обсуждение в более профессиональное и спокойное русло.

2000-е годы

Активизация исторической политики в странах Восточной Европы в начале XXI в., главной мишенью которой на международной арене была Россия, вызвала растущую обеспокоенность в Москве, где власти стали разрабатывать различные способы реакции на этот вызов. Например, в 2003 г. начались разговоры о том, что России надо бы создать свой Институт национальной памяти, по образцу подобных учреждений в соседних странах [Швед, 2008]. В целом в первой половине 2000-х годов власть начинает активно заниматься политикой памяти; от нее исходят почти все инициативы в этой сфере, в том числе инициативы создания организаций, похожих на экспертные сообщества.

Еще более активными действия власти в сфере политики памяти становятся в 2006–2009 гг. В этот период они вполне соответствуют понятию «историческая политика», отличаясь, во-первых, ярко выраженной «партийностью», во-вторых, конфронтационностью как на внешнеполитическом, так и на внутривнутриполитическом направлении.

В 2006 г. была создана группа под руководством Александра Филиппова и Александра Данилова, которой было поручено написание нового учебника истории России XX в. Планировалось, что он должен был стать если не единственным, то доминирующим учебником в школе. С высокой степенью вероятности можно предположить, что заказ исходил из Администрации президента. В 2007 г. в свет вышел первый продукт этой группы – пособие для

¹ Таковыми новыми темами стали, например, репрессии против советских граждан (поляков, немцев) по этническому признаку.

учителей по новейшей истории России. Вскоре появился учебник «История России. 1945–2007», а также методическое пособие по периоду 1900–1945 гг. [Филиппов, 2007; История России, 1945–2007... 2007; История России, 1945–2008... 2008; Данилов, 2008].

Очевидно, что для реализации этой программы власти задействовали близкие им экспертные структуры. Филиппов на тот момент являлся заместителем директора Национальной лаборатории внешней политики, созданной в 2002 г. На ее сайте сказано, что это «некоммерческая организация, специализирующаяся на экспертизе и разработке стратегий в области внешней политики, содействующая органам государственной власти в подготовке и осуществлении внешнеполитических решений» [Лаборатория... б. г.]. Слабая активность этой структуры в течение 10 лет ее существования позволяет говорить о ее сугубо служебном характере. Это, скорее, квази-экспертное сообщество, которое «реанимируется» под конкретные проекты.

Многие тезисы учебника (по 1939 г., Катыни, голоду 1932–1933 гг.) прямо связаны с исторической политикой соседних стран и были сформулированы в агрессивно-пропагандистском духе, характерном для этой разновидности политики памяти. Однако учебник решал и внутривнутриполитические задачи. Методологической основой своего подхода авторы провозглашали отказ от концепции тоталитаризма как ненаучного инструмента холодной войны и анализ советского периода с точки зрения теории модернизации. В реальности стержнем концепции была задача нормализации сталинизма как авторитарной модели ускоренной модернизации в условиях «осажденной крепости» и обоснования ведущей роли современного авторитарного лидера для решения сходных задач на современном этапе [подробнее см.: Миллер, 2012 а].

В продолжение этой линии в мае 2009 г. президент Дмитрий Медведев издал указ о создании при Президенте Российской Федерации «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» [Указ Президента РФ... 2009]. Из сегодняшнего дня очевидно, что создание комиссии было крайним выражением той версии исторической политики, которая набирала силу в России с 2003 г. Комиссия включала всего двух профессиональных историков (директоров Института российской истории и Института всеобщей истории РАН) и заведомо не могла сыграть роль экспертного совета по вопросам политики памяти. И появление учебника, и создание комиссии вызвали волну негативных комментариев со стороны общественности, в том

числе профессиональных историков. В этом контексте весьма показательна стратегия защитников этих проектов. Павел Данилин (в тот момент сотрудник Фонда эффективной политики и член политсовета «Молодой гвардии Единой России», а с 2010 г. – сотрудник Администрации президента) обвинял академических историков в нежелании «бороться с фальсификациями» и противопоставлял этому эффективность деятельности любителей и энтузиастов [Данилин, 2009]. Под успешными энтузиастами он имел в виду, в частности, созданный в 2008 г. фонд «Историческая память», директором которого стал А.Р. Дюков¹.

Деятельность Фонда действительно весьма эффективна с точки зрения задач исторической политики. Фонд к настоящему моменту осуществил большое число публикаций, посвященных неприглядным страницам истории Молдовы, Украины и прибалтийских республик в период 1930–1940-х годов, прежде всего истории коллаборационизма с нацистами и участия националистов этих групп в Холокосте. Они должны служить ответом на историческую политику этих стран. С учетом необычайно высокой публикаторской активности (около 50 книг за 5 лет), можно с высокой степенью вероятности реконструировать механизм деятельности этой организации. Фонд получает подборки архивных материалов по заданным темам и изготавливает на основании этих материалов публикации, призванные служить оружием в «войнах памяти».

Вместо создания Института национальной памяти по украинскому образцу в России было выбрано технологически более эффективное решение – для реализации исторической политики стали использовать ряд формально независимых общественных организаций, которым можно выдавать соответствующее задание и снабжать их теми архивными материалами, которые удобны заказчику. По сути дела, это была модификация хорошо известной технологии «слива» через прессу, когда «сливаемая» информация не обязательно является неправдой, но непременно является предметом манипуляции.

Противники такой исторической политики вырабатывали свои формы организованного влияния на общественное мнение. В строгом смысле слова им не удалось создать формализованных экспертных сообществ и / или НПО. Внимание было сосредоточено на организации площадок для встреч экспертов и трансляции их мнения. Основную роль сыграли интернет-сайты. Пионером

¹ Историческая память. – Режим доступа: <http://www.historyfoundation.ru>

такой активности стал портал Полит. ру, организовавший целый ряд дискуссий, посвященных проблемам политики памяти¹. Портал создал специальный раздел, посвященный политике памяти, который постоянно пополняется новыми материалами². В дополнение к этому, связанный с Полит.ру клуб «Билингва» организовал в 2008 и 2009 гг. публичные лекции об исторической политике, ее акторах, идейных основаниях, механизмах и опасностях, сопровождавшиеся оживленным обсуждением [Миллер, 2008; 2009]. В этих лекциях само понятие «историческая политика» было введено в российскую публичную дискуссию, и за ним был зафиксирован тот негативный смысл, которым оно изначально обладало в немецком дискурсе о политике памяти, где понятие «Geschichtspolitik» было изобретено в 1980-е годы [Бергер, 2012].

В конце 2009 г. издаваемый центром Карнеги в Москве журнал «Pro et Contra» посвятил специальный номер анализу исторической политики в России и других странах [Pro et Contra, 2009]. Впоследствии журнал возвращался к этой проблематике, а Центр Карнеги осуществил ряд исследовательских проектов, посвященных исторической политике. В 2011 г. был опубликован подготовленный при содействии Центра том об исторической политике в России, Восточной Европе и других странах [Историческая политика в XXI в., 2012]. Интерпретации, представленные в Полит.ру и «Pro et contra», послужили основой для статьи об «исторической политике» в российской Википедии и стали важными опорными точками в публичной дискуссии по проблемам политики памяти [Историческая политика, б. г.].

Историческая политика 2006–2009 гг. встречала сопротивление и в структурах, созданных самой властью. Здесь, прежде всего, следует отметить российско-польскую группу по сложным вопросам под руководством бывшего министра иностранных дел Польши А. Ротфельда и ректора МГИМО академика А.В. Торкунова, которая добилась существенной разрядки напряженности в этой сфере между Варшавой и Москвой³. В июле 2008 г. Торкунов выступил в «Независимой газете» именно в качестве сопредседателя этой группы со статьей «О парадоксах и опасностях “исторической политики”», в которой легко просматривалась оппозиция той линии, воплоще-

¹ Часть стенограмм была опубликована на сайте: [Какой должна быть история России, 2005; Как завершить историю СССР, 2008 и др.].

² Полит. ру / Историческая политика. – http://www.polit.ru/topic/memory_politics/

³ О работе группы и ее результатах см.: [Белые пятна... 2010].

нием которой был учебник Данилова и Филиппова. Торкунов написал о периоде перестройки как о том времени, когда о «преступлениях режима» говорились верные вещи, и заявил: «В нашей дискуссии с переписывателями истории и перестановщиками памятников мы зачастую используем излишне спрямленные, примитивные аргументы, которые внутри страны воспринимаются массовым сознанием в качестве ложных идейных ориентиров. Это не тот случай, когда врага нужно бить его оружием! Ответ должен быть асимметричным, как банально это ни прозвучит. Именно поэтому стремление к абсолютному, не допускающему интерпретаций собственной истории, единомыслию может стать камешком в фундамент новой тоталитарной идеологии. Даже если это единомыслие и его намеренную прямолинейность мы будем создавать из благих побуждений – “дать отпор клеветникам и очернителям”» [Торкунов, 2008].

В целом можно сказать, что к концу 2009 г. инициативы властей в области политики памяти (учебник и комиссия по борьбе с фальсификациями) оказались полностью дискредитированы, прежде всего, усилиями СМИ. Роль экспертов состояла в формулировании тех ключевых аргументов критики, которая затем тиражировалась средствами массовой информации. В то же время сами власти постепенно отказались от примитивно-агрессивной версии политики памяти, что во многом было связано с нормализацией отношений с некоторыми соседями, прежде всего Польшей и Украиной.

Следует также отметить, что и во второй половине 2000-х ориентация власти на реабилитацию сталинизма была лишь одним из, если так можно выразиться, идеологических экспериментов, пусть и наиболее зримых. Ровно в то время, когда Данилов и Филиппов по заданию администрации президента работали над своим учебником, та же самая администрация финансировала работу над откровенно антикоммунистическим учебником, которой на первом этапе патронировал А.И. Солженицын. Учебник не получился, и плодом этого проекта стала пользовавшаяся большой известностью коллективная монография под редакцией А. Зубова [История России. XX век, 2009].

Политика памяти в 2010–2012 гг.

Период 2010–2012 гг. следует выделить по ряду причин. Во-первых, начиная с 2010 г. становится вполне очевидным спад активности на фронтах тех «войн о прошлом», которые Россия вела с Польшей, Украиной, Молдовой и прибалтийскими республи-

ками в 2004–2009 гг. На первый план в политике памяти вышла внутрироссийская проблематика. Во-вторых, в 2010–2012 гг. мы могли наблюдать некоторую неопределенность в ключевых политических вопросах. До сентября 2011 г. было не вполне ясно, кто будет представлять власть на президентских выборах 2012 г. Стремясь «набрать очки», в том числе и в политике памяти, тогдашний президент Д. Медведев счел возможным недвусмысленно высказаться против «нормализации» сталинизма и более или менее откровенных попыток оправдать преступления коммунистического режима [Дмитрий Медведев... 2010]. С началом роста протестной активности осенью 2011 г., какое-то время оставался открытым вопрос о том, как власть будет реагировать на новые обстоятельства. В этот период можно заметить возобновление интереса к политике памяти в некоторых экспертных сообществах, которые в предыдущий период почти перестали заниматься этими вопросами. Так, АИРО начал выпускать серию «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ» и опубликовал целый ряд книг, посвященных этой проблематике [Национальные истории... 2009; Бордюгов, 2011; Бордюгов, Бухараев, 2011]. «Мемориал» в 2009 г. запустил новый портал «Уроки истории», в котором специальный раздел был посвящен мониторинговому проекту Международного Мемориала, который осуществлялся с января 2010 по октябрь 2012 г.¹ В этом разделе публиковались как данные мониторинга, так и критически ориентированные аналитические обзоры, посвященные исторической политике властей. Возникали и совершенно новые структуры, для которых политика памяти становилась центральной темой. Так, Г.О. Павловский, после прекращения сотрудничества с Кремлем и закрытия своего Центра эффективной политики, создал в 2011 г. центр и интернет-сайт, посвященный своему учителю М. Гефтеру². Темы истории, политики памяти, исторической политики, десталинизации заявлены редакцией как ключевые.

Важную роль в формировании общественной повестки дня в сфере политики памяти в этот период стали играть экспертные группы, создаваемые Советом по внешней и оборонной политике (СВОП) или его дочерними структурами. В роли инициатора и / или координатора многих инициатив выступал президент СВОП

¹ Уроки истории. Аналитика. – Режим доступа: <http://www.urokiistorii.ru/historypolitics/analytcs>

² Михаил Гефтер – история и политика. – Режим доступа: <http://gefter.ru/>

С.А. Караганов. В начале 2011 г. группа членов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека во главе с Михаилом Федотовым и Сергеем Карагановым, в сотрудничестве с обществом «Мемориал» разработала «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы “Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении”». В феврале 2011 г. этот документ был представлен президенту Медведеву на заседании Совета в Екатеринбурге [Стенографический отчет о заседании... 2011]. Наряду с предложениями об увековечении памяти жертв репрессий и другими формами коммеморации (памятники, музеи, исследовательские центры, государственные памятные даты), проект предусматривал также конкурс на разработку нового учебника истории, государственную поддержку академических исследований этой проблематики. Проект предлагал также важные политические и правовые шаги – юридическую оценку преступлений коммунистического режима, их политическое осуждение. С точки зрения нашей темы важно, что в рамках этой инициативы экспертные ресурсы «Мемориала» были вовлечены в деятельность Постоянной комиссии по исторической памяти Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Довольно неуклюже написанная преамбула и ряд неряшливо сформулированных практических предложений сделали проект удобной мишенью для критики со стороны его заведомых противников, в ряду которых ведущая роль принадлежала Информационному агентству «Регнум», создавшему специальную тему по политике памяти на своем сайте¹. Когда проект подвергся агрессивной и скоординированной критике, с его поддержкой выступили представители РПЦ. Впоследствии представители РПЦ, прежде всего, люди, связанные с деятельностью созданного в 2002 г. Бутовского мемориала², вошли в состав постоянной комиссии и приняли участие в разработке программы увековечения памяти жертв репрессий, которая, казалось, уже была принята правительством в 2013 г.

Одна из ключевых особенностей деятельности СВОП – стремление создавать коалиции поверх идеологических барьеров, что позволяет объединять в рабочих группах, создаваемых для обсуждения политики памяти и выработки рекомендаций представи-

¹ «Дело историков» – Все новости о сюжете // REGNUM. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/dossier/1747.html>

² Бутовский мемориал. – Режим доступа: <http://butovo37.ru/>

телей церкви, «Мемориала» и академического сообщества, прежде не сотрудничавших между собой. Под эгидой СВОП и при финансовой поддержке М. Прохорова был создан в 2013 г. специальный интернет-сайт «Историческая память – XX век», который задуман, прежде всего, как навигатор в сфере интернет-ресурсов, посвященных памяти о репрессиях советского периода¹.

В этот период стратегия нормализации сталинизма окончательно проиграла в общественном мнении. Постепенно расширялось представление о жертвах репрессий – тема репрессий против духовенства, крестьянства становится полноценной частью этой картины наряду с репрессиями 1937–1938 гг. Идея необходимости увековечения памяти жертв политических репрессий на государственном уровне была постепенно принята властями. Экспертные сообщества сыграли в этом значительную роль. Для дискурса о репрессиях по-прежнему характерна фокусировка на жертвах, но не на тех, кто был к этим репрессиям причастен. Тема ответственности, в отличие от бывших республик СССР, не выносится вовне, но и не обсуждается сколько-нибудь интенсивно.

Важная тема в политике памяти этого периода – обсуждение опыта 1990-х годов, и, особенно, роли и ответственности «молодых реформаторов». В 2012 г. Фонд Е.Т. Гайдара и созданный в 2009 г., но до тех пор практически не активный Фонд «Уроки девяностых» объявили конкурс библиотекарей, задачи которого формулировались как «формирование интереса к российскому историческому процессу конца XX столетия в среде российских подростков и в широких слоях нашего общества; продвижение книг Е. Гайдара и его единомышленников в школы России (к учителям истории и обществоведения)» [Уроки девяностых... 2013]. Другая общественная организация, ставящая задачей формирование памяти о постсоветском периоде, это близкий к властям «Фонд современной истории» под руководством С.М. Шахрая, с 2009 г. издающий серию монографий «История современной России»².

2013 год – идея единого учебника истории возвращается

В 2013 г. власть в очередной раз продемонстрировала, что именно она определяет повестку дня в вопросах политики памяти.

¹ Историческая память: XX век. – Режим доступа: <http://istpamyat.ru/>

² Российское историческое общество. – Режим доступа: <http://rushistory.org/>

Еще в 2010–2012 гг. власти, вероятно на основании анализа опыта предыдущих лет, когда они в значительной мере проиграли борьбу за общественное мнение в этой сфере, стали последовательно создавать контролируемые общественные структуры, которые можно охарактеризовать как квазиэкспертные сообщества. Их задача состояла в опосредовании и легитимации «голоса власти» в вопросах политики памяти через профессиональные сообщества историков и учителей истории. В 2010 г. по инициативе зам. министра образования И.И. Калины была создана Ассоциация школьных учителей истории и обществознания, которую возглавили академик А.О. Чубарьян и ректор РГГУ Е.И. Пивовар. В мае 2012 г. было создано Российское историческое общество под председательством председателя Государственной думы С.Е. Нарышкина, с С. Шахраем как председателем правления¹, а в декабре 2012 указом Президента Путина было создано Российское военно-историческое общество, председателем которого стал министр культуры В.Р. Мединский. Значимость этих шагов стала ясна уже в 2013 г.

В феврале 2013 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям Путин высказался о необходимости разработки единого учебника истории. С этого момента именно вопрос единого учебника оказался в центре общественной дискуссии о политике памяти. РИО на своем общем собрании, проходившем 27 февраля 2013 г. в Мироваренной палате Московского Кремля, одобрило идею создания единого учебника. Дальнейшие организационные шаги теперь осуществлялись не только через министерство образования и науки, параллельно занятое подготовкой к «реформе» РАН, но и под эгидой РИО. Содержательная часть, т.е. разработка «Историко-культурного стандарта» (позже трансформировавшегося в «Концепцию нового учебно-методического комплекса по отечественной истории») и перечня «трудных вопросов» осуществлялась учеными РАН, в основном на базе Института российской истории.

Были и другие желающие тут же предложить свою версию такого учебника, не скрывавшие, что рассматривают эту задачу как, прежде всего, политическую. Проект учебника, в основу которого был положен цивилизационный подход, а точнее – идея противостояния России Западу, предложил Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Степана Сулакшина) [Школьный учебник... 2013]. Появление этого проекта в первый

¹ История России – федеральный портал История. РФ. – Режим доступа: <http://histrf.ru/>

момент вызвало легкую панику, поскольку по степени одиозности этот опус далеко превосходил учебник Данилова – Филиппова. Вполне возможно, что Центр Сулакшина еще будет участвовать со своим проектом в конкурсе на новый учебник.

Общественные дискуссии были теперь сфокусированы на вопросе о том, нужен ли единый учебник, а затем, после публикации «Стандарта», на его обсуждении. Наибольшую активность на этом этапе проявил сайт Полит. ру, публиковавший много экспертных материалов в специальной рубрике для обсуждения этой новой инициативы президента¹. Особо следует отметить организованные совместно с Комитетом гражданских инициатив А.Л. Кудрина (КГИ) два круглых стола экспертов по обсуждению «Стандарта» [Образ истории, 2013; Преподавание истории... 2013]. Вскоре первоначальный, вполне безумный план о подготовке учебника к концу 2013 г., озвученный министром Ливановым весной 2013 г., был скорректирован. Речь теперь шла не о единственном учебнике, но о единой концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, и о проведении конкурса учебников, написанных в соответствии с этой концепцией, с тем, чтобы эти учебники поступили в школы в 2015 г. Круглый стол в сентябре 2013 был посвящен обсуждению первого варианта «Стандарта», который затем стал ключевым элементом этой концепции. Его подвергли резкой критике. Особо стоит отметить, что в этом круглом столе участвовали представители того авторского коллектива, который готовил текст «Стандарта». То есть происходил диалог, в котором стороны допускали, что все участники дебатов движимы благими намерениями. Появившаяся в октябре 2013 г. «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории» учитывала целый ряд рекомендаций, высказанных в рамках круглого стола, а также в других документах, подготовленных, в частности, под патронажем СВОП².

Очевидно, что власть сделала определенные выводы из предыдущей попытки ввести учебник Данилова – Филиппова как де-факто единственный: она создала (квази)экспертные центры, которые опосредовали ее политику и, отчасти, выступали как площадки для учета экспертного и общественного мнения. Власть

¹ Полит. ру / История: человек, институты. – Режим доступа: http://polit.ru/rubric/history_human/

² Окончательный вариант см.: [Концепция нового учебно-методического комплекса... 2013].

также корректировала свою стратегию с учетом общественного мнения и критики экспертов.

Вся операция по подготовке единого учебника или, после корректировки, единого «Стандарта», при внимательном рассмотрении выглядит как политехнологическая операция, где реальная главная задача открыто не декларируется. Стоит обратить внимание на то, где Путин впервые озвучил тему единого учебника. Представляется, что Совет по национальным отношениям был выбран для такого заявления совсем не случайно. Реальная политическая проблема заключается не в плюрализме современных федеральных учебников, которые в принципиальных вопросах не сильно отличаются друг от друга [Кацва, 2013]. Проблема в тех учебниках, которые используются в различных регионах, прежде всего в национальных автономиях, в рамках региональной составляющей образования. Многие из этих учебников не просто фокусируются на особой региональной / этнической идентичности, но трактуют ее как национальную, противопоставляя ее российской идентичности. Это реальная политическая проблема – но именно она, равно как и пути ее решения, до сих пор не стали предметом публичной дискуссии, в том числе экспертных сообществ.

Экспертные сообщества и политика памяти

Характерная черта российской жизни вообще – это слабость институтов, в том числе НПО. Это вполне проявляется в сфере политики памяти. Профессиональные сообщества историков и учителей истории не создали за весь посткоммунистический период сколько-нибудь сильных независимых объединений, которые могли бы выступать как влиятельные экспертные сообщества. Власть, разумеется, всегда использовала экспертов в осуществлении политики памяти, но как исполнителей, которые лишь на стадии выполнения заказа могли, при желании, партизанскими методами и в ограниченном объеме корректировать задание. Структуры, возникшие в последние годы под эгидой и по инициативе власти, такие как Ассоциация учителей истории и обществоведения, РИО и РВИО, не оппонируют власти (в качестве конструктивного критика), а опосредуют ее голос. Впрочем, даже сам факт осознания необходимости такого опосредования важен, поскольку он свидетельствует об усвоении властными структурами некоторых

базовых принципов политики памяти, которые игнорировались еще во второй половине 2000-х годов.

В этих условиях важную роль стали играть интернет-сайты, способные организовать экспертные обсуждения вопросов политики памяти и транслировать их результаты. Такие интернет-ресурсы стремятся привлечь экспертов к более систематическому сотрудничеству. Влияние этих сайтов на общественную повестку дня очень сильно зависит от их популярности, поэтому на общем фоне, безусловно, выделяется Полит. ру, один из старейших политико-информационных сайтов Рунета.

Можно констатировать, что в 2011–2013 гг. число более или менее организованных экспертных групп и политических акторов, занимающихся проблематикой политики памяти в России, резко возросло. В основном за счет того, что группы с более общими задачами, такие как СВОП или КГИ, стали и участвовать в общественной дискуссии на эту тему, и транслировать мнение экспертов во властные структуры через собственные неформальные каналы.

С точки зрения содержания общественной и политической повестки дня в сфере политики памяти также произошли существенные изменения. Тема отношения к сталинскому времени теряет роль главного предмета споров и борьбы. Это вовсе не значит, что общество вполне прояснило для себя вопросы, связанные с этим трагическим опытом. Однако власти оставили бессмысленные с точки зрения собственных политических интересов попытки «нормализации» сталинизма.

На первый план выходит проблема единства исторического мифа на пространстве России, поскольку во многих автономных республиках политика памяти находится в кричащем противоречии с задачей формирования общероссийской идентичности. Эта тема политики памяти может стать в ближайшее время полем серьезной политической борьбы.

Postscriptum.

Политика памяти в России в 2014 г.: Год разрушенных надежд

Предыдущая часть статьи была написана ранней осенью 2013 г. На тот момент мне представлялось, что по целому ряду вопросов, связанных с политикой памяти, профессиональные историки и общественные организации, занимающиеся данной про-

блематикой, вне зависимости от их политических убеждений, могут взаимодействовать с властью в режиме диалога и даже сотрудничества.

Это касалось, в частности, центральной темы политики памяти последних лет, а именно учебников истории. Инициировав в 2013 г. очередной раунд пересмотра подхода к преподаванию истории в школе, власти действовали через официальное Российское историческое общество. При всем том организаторы обсуждения «Историко-культурного стандарта» старались подчеркнуть открытость этого процесса и действительно учли существенную часть критических замечаний. А главное, было заявлено, что вместо планировавшегося изначально единого учебника будет объявлен конкурс на подготовку учебников на основе нового стандарта.

Состоявшийся 23 ноября 2013 г. в рамках общероссийского Гражданского форума круглый стол о проблемах исторической памяти и преподавания истории был в значительной мере посвящен тому, каким образом следует участвовать в конкурсе на новые учебники, чтобы составить конкуренцию проектам, которые будут готовиться по заказу власти под эгидой Российского исторического общества. Были даже намечены возможные авторы конкурсных проектов, обсуждался вопрос о том, как добиться включения независимых представителей исторического цеха в комиссию, которая будет подводить итоги конкурса. Не испытывая особых иллюзий насчет готовности власти к сотрудничеству, большинство участников дискуссии тем не менее считало, что раз окно возможностей для такого взаимодействия властью оставлено, то им нужно воспользоваться и хотя бы проверить, что будет дальше.

Власть, со своей стороны, продолжала посылать «приглашающие» сигналы. Так, еще в январе 2014 г., встречаясь с разработчиками стандарта, Владимир Путин заявил, что работа по формированию новой линейки учебников «должна строиться максимально открыто. Здесь не должно быть какого бы то ни было монополизма» [Встреча с авторами... 2014].

Другая сфера, где взаимодействие власти и общества выглядело весьма перспективным, – это увековечивание памяти жертв политических репрессий. В течение нескольких лет под патронажем Совета по правам человека при президенте РФ и Совета по внешней и оборонной политике велась подготовка соответствующей программы. В ходе этой работы плодотворно сотрудничали представители властных структур, либеральной части политического истеблишмента, «Мемориала» и РПЦ, т.е. взаимодействие

шло поверх традиционных разделительных линий в нашем обществе. В результате была подготовлена весьма обширная программа, которая прошла целый ряд согласований в различных ведомствах и, казалось, вот-вот будет официально принята. В июле 2013 г. в РИА «Новости» даже состоялась презентация проекта федеральной программы «Об увековечивании памяти жертв политических репрессий». В ней участвовал советник министра культуры Александр Протасевич, имевший немалый опыт работы в этой сфере в качестве министра культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, известного своим музеем «Пермь-36». Ему предстояло курировать эту программу от министерства [«Историческая память...» 2013].

В январе 2014 г. в Фейсбуке возникла группа «Историки России – проблемы самоорганизации», в которой довольно энергично обсуждались способы организации профессионального сообщества, что свидетельствовало, в частности, о том, что в глазах многих историков созданное под эгидой власти Российское историческое общество этой задачи не решило.

В это же время, независимо от группы в Фейсбуке, шла работа по созданию Вольного исторического общества (ВИО). Все ее участники поддерживали идею учреждения организации, активно участвующей в обсуждении проблем преподавания истории и политики памяти. Здесь разделение проходило скорее между меньшинством, которое понимало задачи ВИО как во многом сходные с задачами «Мемориала» и ожидало, что Вольное историческое общество будет высказывать свою позицию по текущим политическим вопросам, и большинством, считавшим, что ВИО должно быть более сдержанным и нейтральным в своих публичных выступлениях [В России создано... 2014].

Эти организационные инициативы, безусловно, уходили корнями в тот недолгий период 2013 г., когда перспективы относительно открытого и конструктивного диалога по вопросам политики памяти выглядели обнадеживающими. К осени 2014 г. от осторожных надежд осени 2013 г. не осталось и следа. Ниже я попытаюсь проанализировать те события и обстоятельства, которые привели нас к ситуации, когда зарождавшиеся площадки и формы диалога и сотрудничества в сфере исторического сознания были разрушены, и политика памяти оказалась в самом глубоком кризисе за всю историю постсоветской России.

Ключевым фактором, обусловившим изменения в России в 2014 г., был кризис вокруг Украины, постепенно переросший в кризис отношений РФ с США и ЕС. Резкое ужесточение контроля над публичной сферой было представлено как ответ на необходимость консолидации перед лицом внешнего вызова. Слова о «пятой колонне» в, казалось бы, триумфальной речи Путина перед Федеральным Собранием о принятии Крыма в состав РФ [Путин, 2014] стали вехой в развитии общественной атмосферы современной России. Образ «пятой колонны» превращал инакомыслие в акт национального предательства. Вскоре оказалось, что большой сегмент общества видит в данной установке не временную предосторожность в кризисной ситуации, а новый курс и готов наполнить его соответствующим содержанием. Эти изменения в полной мере проявились в сфере политики памяти.

В конце января 2014 г. произошел скандал, связанный с опросом телеканала «Дождь», приуроченным к 70-летию освобождения Ленинграда от блокады. Вопрос «Надо ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» провисел на сайте канала примерно три часа, после чего был снят главным редактором. Вместе с тем «Дело “Дождя”» вряд ли стоит толковать как переломный момент в исторической политике властей. Скорее, неудачно сформулированный вопрос¹ был использован как долгожданный повод для вытеснения канала из кабельных сетей. Показательно, что журнал «Дилетант», который и проводил опрос в рамках программы «Дилетанты на Дожде», никак не пострадал².

Переломными стали весенние месяцы 2014 г., когда власти последовательно совершили ряд шагов, кардинально изменивших ситуацию с политикой памяти в России. 4 марта стало известно об увольнении из МГИМО (У) профессора Андрея Зубова, который 1 марта опубликовал в «Ведомостях» статью «Это уже было», где утверждал, что аннексия Крыма мало чем отличается от аннексии Австрии в 1938 г. [Зубов, 2014]. Впоследствии данное решение

¹ В адекватной формулировке он должен был бы звучать так: «Считаете ли Вы, что сдача Ленинграда немцам могла предотвратить массовую гибель горожан от голода?»

² Впрочем, А. Венедиктов считает, что изначальной мишенью был именно журнал «Дилетант», но ему удалось доказать собственную непричастность, и потому журнал не тронули.

несколько раз откладывалось по разным юридическим причинам, но летом 2014 г. контракт МГИМО (У) с Зубовым не был продлен. В этой истории особенно важны два обстоятельства. Во-первых, отдавая отчет в скандальности ситуации, руководство МГИМО (У) всячески старалось избежать демонстративного увольнения, но репутационные издержки уже не принимались в расчет. По замыслу инициаторов увольнения, оно должно было стать акцией устрашения, демонстрацией того, что цена оппозиционного высказывания резко повышается. Во-вторых, в средствах массовой информации появилась масса выступлений в поддержку увольнения Зубова, где говорилось о том, что человек, работающий в государственном вузе, не должен выступать против политики своей страны и т.д. За прошедшее с тех пор время мы могли убедиться, что запущенный тогда механизм лишь отлаживался и набирал силу. Свидетельство тому – беспрецедентная (в постсоветской России) по своим масштабам травля Андрея Макаревича после его концерта в лагере беженцев из Донецка и Луганска, который сочли актом поддержки «киевской хунты» – «общественная инициатива» здесь тоже играет важнейшую роль.

Очевидно, что в случае с Зубовым каралась именно оппозиционность высказывания, а не легковесность тех или иных суждений по поводу исторических событий. Отвечавший Зубову в «Известиях» Андраник Мигранян вполне безнаказанно написал в своей статье совершенно чудовищные с точки зрения любого грамотного историка вещи, утверждая, в частности, что если бы Гитлер остановился в 1938 г., он вошел бы в историю как великий немецкий политик [Мигранян, 2014]. Между тем в послужном списке Гитлера к 1938 г. уже были и «Майн Кампф», и Нюрнбергские законы.

В начале апреля 2014 г. вышел в свет доклад Центра политической информации «О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях» [О проблемах преподавания... 2014], дававший образец дискурсивной стратегии, а также набор понятий и терминов, которыми теперь считалось возможным пользоваться в исторической политике. По стилистике этот текст был близок к «разоблачительным» текстам конца 1940-х – начала 1950-х годов. История представлялась в нем как поле битвы и идеологических диверсий, главным образом, со стороны Запада. Приведу цитату, отчетливо демонстрирующую и стилистику, и понятийный аппарат авторов:

«Результаты анализа учебной литературы, использующейся в процессе преподавания отечественной истории, позволяют сделать вывод о том, что наиболее распространенные интерпретации исторических событий подспудно убеждают учащихся в закономерном распаде нашей страны в будущем, что якобы позволит “угнетаемым народам” обрести независимость. Таким образом, история как учебная дисциплина утратила воспитательную функцию. Отказ от научных положений об объективном характере развития российского государства-цивилизации, искусственное разделение многонационального народа России на славян-“угнетателей” и “порабощенные” ими народы, а также изъятие позитивных примеров из общего исторического наследия с одновременной героизацией сомнительных личностей не позволяют обеспечить воспроизводство традиционных для российского общества ценностей» [Мигранян, 2014, с. 3]. Доклад призывал к солидарной деятельности «органов государственной власти и патриотически ориентированной научной общественности» по консолидации нации.

Очевидно, что в рамках такой трактовки пространства для диалога с оппонентами уже нет, как нет и проблемы критического осмысления тех трагедий, которые произошли с Россией в XX в. Зато утверждаются «традиционные ценности» и самодостаточность «государства-цивилизации». Все четче обозначается новый виток исторической политики государства – с фокусом на «цивилизационной самодостаточности», на сугубо положительных героях и страницах истории, с пониманием воспитательной функции истории в духе бенкендорфовой формулы: «Прошлое России было блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить человеческое воображение» [цит. по: Жихарев, 1989, с. 105].

Позднее, уже в августе 2014 г., с созвучным по пафосу заявлением выступил патриарх РПЦ Кирилл, выразивший надежду на то, что «единая концепция школьного учебника истории поможет молодежи победить “синдром исторического мазохизма”, который воспитывали в школах в 90-е годы» [цит. по: Мага, 2014]. Это заявление вполне адекватно отражает подход Кирилла к проблеме памяти, который радикально отличается от подхода его предшественника, Алексея II. Алексей считал беды, обрушившиеся на Россию в прошлом столетии, карой за цареубийство и полагал, что грех этот еще не отмолен, т.е. что русский опыт XX в. должен остаться предметом осмысления и покаяния. Кирилл же убежден,

что Россия свой грех уже искупила [Суслов, 2013]. Отсюда и рассуждения о «синдроме исторического мазохизма».

Но вернемся в весну 2014 г. Инициативы по подготовке законов, регулирующих высказывания о прошлом, начиная с 2009 г. неоднократно выдвигались «Единой Россией», но «застревали» на разных стадиях законодательного процесса. Именно весной 2014 г. им был открыт «зеленый коридор». Закон, предложенный депутаткой от «Единой России» Ириной Яровой и вводящий в УК новую статью 354.1 (реабилитация нацизма), 4 апреля был принят в первом чтении, 23 апреля – сразу во втором и третьем чтениях, 29 апреля одобрен Советом Федерации и 5 мая, ровно через месяц после начала процедуры, подписан президентом. В частности, новая статья предусматривает уголовную ответственность за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», т.е. использует ту самую формулировку, на основании которой в советскую эпоху отправляли в лагерь инакомыслящих.

В это же время под угрозой оказался знаменитый музей «Пермь-36», организованный в одном из таких лагерей и активно работавший многие годы. Переговоры создателей музея и администрации Пермского края о принципах общественно-государственного партнерства продвигались достаточно успешно, пока весной 2014 г. администрацией не были приняты решения, парализовавшие работу музея. Вскоре против сотрудников музея даже попытались завести уголовное дело. Осенью 2014 г. от возбуждения уголовного дела отказались. И в этом случае, как и в истории с увольнением Зубова, вполне очевидно, что импульс, заставивший менять курс и в сторону ужесточения, и в сторону смягчения, исходил от высших эшелонов власти [подробнее см.: Заявление Координационного совета... 2014].

Наконец, в мае 2014 г. министр культуры Владимир Мединский пришел к заключению, что принятие программы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий нецелесообразно, о чем официально объявил в июне [Сохранение памяти о жертвах ГУЛАГа... 2014]¹. Характерна реакция на это заявление Сергея

¹ Позднее под давлением президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека Заключение Правительства о ненужности программы увековечивания памяти жертв политических репрессий было дезавуировано В. Путиным. Он подтвердил, что важно «не забыть эту тему, не свернуть ее вообще. А как лучше организовать эту работу – различные мнения борются между собой. Но это совсем не значит, что сама идея ФЦП полностью умерла, давайте к

Пархоменко, одного из организаторов общественной инициативы «Последний адрес»: «И на самом деле, это очень правильное развитие событий: нечего нам рассчитывать на эту прачечную и на все это лживое и подлое государство – со всеми его программами, со всеми его лицемерными президентскими намерениями, со всеми его надменными министерскими решениями, со всеми его тухлыми обещаниями и с вечным его трусливым кидаловом. Самим нужно это дело делать. Своими силами: потому что силы только у нас и есть. Вот поэтому никто и ничто не заменит такие замыслы и проекты, как Последний адрес. И эту идею нам обязательно нужно развивать дальше» [Пархоменко, 2014]. Проект «Последний адрес», в соответствии с которым на домах, откуда в сталинские времена уводили арестованных, должны быть установлены мемориальные доски, – инициатива действительно очень полезная и благородная¹. Но согласиться с Пархоменко в том, что нынешнее развитие событий правильно, затруднительно. Именно в рамках подготовки федеральной программы шел непростой процесс налаживания сотрудничества и взаимопонимания между представителями разных политических и общественных сил, включая государственные структуры и РПЦ. Можно только сожалеть, что весной 2014 г. все эти усилия закончились саботажем федеральной программы и деятельности «Перми-36» со стороны администрации, рассуждениями патриарха об «историческом мазохизме» и стоическими заверениями «непримиримого либерала» Пархоменко, что «так даже лучше». Возникшие вновь в конце 2014 г. разговоры о том, что памятник жертвам репрессий в Москве все-таки будет поставлен, уже часть традиционной истории государственного манипулирования политикой памяти, но не часть диалога власти и различных общественных сил.

За весенние месяцы 2014 г. власти нарушили несколько соблюдавшихся прежде табу: начались увольнения с работы за высказывания, был легитимирован дискурс о «пятой колонне» и национал-предателях и принят закон, криминализующий высказывания о прошлом. Шанс на развитие взаимоуважительного диалога о политике памяти, обозначившийся в 2013 г., был потерян. В конце мая в духе, сходном с реакцией Пархоменко, группа историков выступила

этому обязательно вернемся и вместе подумаем» [Заседание Совета по развитию... 2014].

¹ Последний адрес: Сообщество. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/poslednyadres>

с призывом к коллегам бойкотировать конкурс на написание школьных учебников истории [Обращение к историкам... 2014]. Большинство учредителей Вольного исторического общества, которому было предложено поддержать это обращение, с ним не согласилось. Сейчас ВИО обсуждает возможность разработки альтернативного учебника и его публикации в Интернете. Другими словами, вместо масштабной, вовлекающей разные сегменты общества федеральной программы мы остались с «Последним адресом» как сугубо оппозиционной инициативой и, возможно в недалеком будущем, с памятником жертвам репрессий, созданным по решению властей без вовлечения общественных сил, а вместо открытого конкурса на учебники – с перспективой получить «единый» учебник о цивилизационной самодостаточности России и альтернативные учебники в Сети.

В сфере международных отношений мы снова вступаем в период конфронтационной исторической политики, казалось бы, оставшейся в прошлом после 2010 г. [Миллер, 2012 b].

Впрочем, это еще не все плохие новости. В марте 2014 г. в «Мемориале» проходил семинар под названием «Власть и общество в борьбе за прошлое России: независимые историки и современная историческая политика власти». Постановка проблемы, к сожалению, не соответствует реальности. Общество в большинстве своем находится в этом споре на стороне власти. И такая ситуация не есть нечто уникально российское. Первым возможности антилиберальной мобилизации гражданского общества в сфере политики памяти продемонстрировал венгерский премьер-министр Виктор Орбан. Значительная часть населения Венгрии поддерживает Орбана и возглавляемую им партию «Фидеш», причем поддерживает именно как гражданское общество, с массовой низовой инициативой. Существенную роль в активности проорбановского гражданского общества играет политика памяти. По всей Венгрии как местные инициативы возникли «музеи Трианона». Апелляция к теме Трианона, несправедливому разделению венгров по решению европейских политиков после Первой мировой войны, стала важной составляющей венгерской политики памяти, удачно резонируя с напряженными отношениями орбановской Венгрии с истеблишментом ЕС. Другой значимый мотив этой политики – реабилитация Миклоша Хорти как сильного лидера, павшего жертвой Гитлера. Показательно, что эти черты венгерской политики памяти ни разу не подвергались критике со стороны официальных

российских политиков, уделяющих так много внимания политике реабилитации нацизма в Прибалтике и на Украине.

Весьма вероятно, что в исторической перспективе 2014 год станет восприниматься как начало достаточно длительного процесса мобилизации гражданского общества на антилиберальной, агрессивно националистической платформе.

* * *

Если 2014 был годом разрушенных надежд, то 2015 стал, прежде всего, годом несбывшихся мрачных предчувствий. В конце 2014 г. доминировало ощущение сгущающейся атмосферы маккартизма и охоты на «пятую колонну». В октябре Министерство юстиции подало в суд иск с требованием закрытия «Мемориала», который отказывался признавать себя иностранным агентом. В ноябре в Госдуму был внесен законопроект о составлении списка нежелательных организаций, который ставил под угрозу деятельность целого ряда зарубежных фондов, некоторые из которых, как фонд Макаруров, поддерживали исторические исследования.

Созданные под патронажем Кремля РИО и РВИО исправно обслуживали политический заказ. РИО быстро и без особой публичности завершил «конкурс» учебников. РВИО быстро, еще в конце 2014 г., издало историю Новороссии, а также историю Крыма с предисловием Мединского [Шубин, 2014].

Вскоре усилиями РВИО началась известная эпопея с сооружением памятника князю Владимиру, который, отчасти из-за его роли в христианизации Руси, а отчасти благодаря своему весьма удачному *дохристианскому* имени, превратился в новый исторический символ, который следовало защитить от приватизации Киевом. Патрон РВИО Мединский отличился публичными нападениями в стилистике, типичной для обкомовского секретаря советского времени, на директора ГА РФ Сергея Мироненко, который опубликовал документы, показавшие как создавался миф о героях-панфиловцах. РВИО «инициативничало» и все больше вело себя как тот услужливый персонаж, который опаснее врага.

Между тем Мединский, крайне активный в сфере политики памяти и в качестве министра, и в качестве председателя РВИО, потерпел чувствительное аппаратное поражение в тот момент, когда 15 августа 2015 г. Дмитрий Медведев утвердил Концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв поли-

тических репрессий. Конечно, масштаб мероприятий, предусмотренных Концепцией, намного скромнее того, что было в Программе, которая была готова в 2013 г. и «зарублена» Мединским в 2014. Хорошая новость состояла в том, что реализация концепции была выведена из-под аппаратного контроля Мединского и поручена Минюсту. Сделано это было по инициативе Комиссии по исторической памяти Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Председатель этой комиссии Сергей Караганов, сообщая о принятии концепции, упомянул в официальной «Российской газете» программу «Последний адрес», что еще отчетливее продемонстрировало наличие оппозиции маккартистской линии Мединского [Караганов, 2015].

28 июня в Москве прошла учредительная конференция Вольного исторического общества. При поддержке Комитета гражданских инициатив общество создало сайт, открыло два регулярных лектория в Москве. В состав ВИО вошли действительно ведущие российские историки, в том числе люди, занимающие видные места в академической и административной иерархии. Уверенности в успехе этого начинания пока быть не может, но у ВИО есть значительный потенциал роста и влияния на публичную историю в России.

С учетом того, что «Мемориалу» удалось отбить атаку на организацию как на иностранного агента, можно заключить, что ожидания дальнейшего нарастания репрессивности в сфере политики памяти не оправдались. Скорее будет верно говорить о борьбе различных тенденций как во властных сферах, так и в обществе.

Однако есть сфера политики памяти, где самые неприятные ожидания начинают сбываться. Это международные отношения. В новых условиях во многих соседних с Россией странах активизировались усилия по реабилитации активистов националистических движений, сражавшихся с Советами и сотрудничавших с нацистами. Прежде всего, это ярко проявляется на Украине. В России ответом стала апелляция к борьбе против возрождающегося фашизма, которая представляет собой смесь политической манипуляции, подлинных чувств жителей страны, которая потеряла больше всех в борьбе против гитлеровской Германии, и реакции на реальные, а не мнимые проблемы с политикой памяти в Европе. В ближайшее время накал «войн памяти» лишь усилится с приходом к власти в Польше партии «Право и Справедливость».

В этих условиях сфера внешнеполитических противостояний в исторической политике будет отзываться деструктивными

сигналами внутри страны, поскольку будет способствовать активизации привычных идеологических оппозиций и втягиванию России в «вечную борьбу с фашизмом» на фоне «вечной борьбы с коммунизмом» в Восточной Европе.

Трудно предсказать развитие политики памяти в России, равно как и будущую роль различных экспертных сообществ в ее эволюции. Уверенно можно утверждать лишь одно – в обозримой перспективе эта сфера общественной жизни будет приобретать все большее значение.

О.Ю. Малинова

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
«ПОЛИТОЛОГОВ», «ЭКОНОМИСТОВ» И «ИСТОРИКОВ»
В РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ**

Развитие политической науки в России практически с самого начала современного, постсоветского этапа стало предметом систематической рефлексии. Этой теме посвящено несколько книг и глав в коллективных монографиях [Политическая наука в России... 2008; Пляйс, 2009; Политология в российских регионах... 2001; Ilyin et al., 2010 и др.], не говоря уже о десятках статей. Основное внимание в этих работах уделяется истории становления новой дисциплины и анализу паттернов ее институционализации. Гораздо меньше известно о формировании профессиональной идентичности политологов и ее восприятию во внешней среде – обществом и властью¹. Между тем в данном случае эти аспекты приобретают особое значение: когда в начале 1990-х годов политическая наука получила официальный статус, принадлежность к новой «модной» профессии не могла определяться обычными критериями – дипломами об образовании, учеными степенями, публикациями в профильных журналах и т.п. Самоидентификация и идентификация в качестве «политолога» в большей степени были связаны с видами деятельности, ассоциируемыми с этим термином. При этом не только широкая публика, но зачастую и сами

¹ Отдельные штрихи к профессиональному портрету российских политологов можно найти в исследованиях С.В. Патрушева и О.Ю. Малиновой на основе членской базы Российской ассоциации политической науки (РАПН) и двух опросов участников информационной сети РАПН [Политическая наука в России... 2008, с. 440–454; Малинова, 2006], а также в материалах семинара РАПН [Общественные функции... 2005]. Любопытно наукометрическое исследование Л. Савинова [Савинов, 2012].

«политологи» имели смутное представление о том, что это такое «на самом деле». Формирование профессиональных стандартов деятельности происходило, с одной стороны, с оглядкой на зарубежные практики (которые не отличаются единообразием), с другой стороны, в символической «борьбе за монополию легитимной номинации» [Бурдые, 2007, с. 27–28]: содержание зонтичного понятия «политолог» стало предметом конкуренции частично пересекающихся, но все же разных профессиональных сообществ. С течением времени границы последних приобрели более отчетливые очертания, и в 2008 г. авторы эмпирического исследования РАПН констатировали, что в случае «институционального ядра» исследователей и преподавателей «профессионально-идентификационное дистанцирование политологов от представителей других наук уже произошло», хотя российская политическая наука в целом сохраняет свою приверженность междисциплинарности [Политическая наука в России... 2008, с. 453]. Однако это не снимает проблему несовпадения самоидентификации и идентификации внешними агентами, связанную с борьбой за номинацию, которая происходит на разных публичных аренах. Ключевое значение здесь имеют СМИ: поскольку профессия «политолог» не является массовой, ее восприятие внешними агентами в значительной степени определяется медийными репрезентациями.

В настоящей статье представлены результаты исследования, целью которого было выяснить, кто представляет российских «политологов» в печатных СМИ. Источниками для контент-анализа послужили материалы, опубликованные в течение года (с 1 мая 2014 г. по 30 апреля 2015 г.) в десяти газетах, отобранных с учетом охвата аудитории на основе данных TNS Gallup (см. приложение 1). В выборку вошли пять изданий, рассчитанных на «массового» читателя («Metro» (Москва), «Аргументы и факты», «Вечерняя Москва» (утренний ежедневный выпуск), «Комсомольская правда», «Московский комсомолец»), и пять изданий различной идеологической ориентации, считающихся «качественными» и ориентированных на более специфические аудитории («Коммерсантъ», «Известия», «Независимая газета», «Российская газета», «Новая газета»). На основе информационной базы СМИ «Интегрум» был составлен список лиц, для характеристики которых использовался термин «политолог», а также определено количество публикаций, в которых они были рекомендованы в указанном качестве (единицей подсчета выступали документы, а не высказывания; «политологи» фигурировали чаще всего как комментаторы, реже – высту-

пали в роли авторов статей). Полученный список «медиаполитологов» был подвергнут количественному и качественному анализу, одной из задач которого было сопоставить публикационную активность в СМИ и профессиональных журналах, для чего были использованы данные Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Для более адекватной оценки полученных результатов аналогичные исследования были проведены для профессиональных категорий «экономист» и «историк», которые тоже широко представлены в медийном дискурсе, но связаны с более «старыми» и «знакомыми» для российского общества социально-научными дисциплинами.

Результаты контент-анализа показали, что слово «политолог» упоминается в печатных СМИ почти в 1,5 раза чаще, чем термины «экономист» и «историк» (см. рис. 1). Еще более существенен разрыв между количеством публикаций, в которых эти категории используются для характеристики конкретных персоналий (лица, именуемые «политологами», фигурируют в 2379 текстах, тогда как «экономисты» – в 1021, а «историки» – в 326). Это, по-видимому, объясняется тем, что за «политологами» как группой людей в российских СМИ закрепились постоянная функция – они комментируют политические новости, причем многие журналисты строят свои материалы в формате обзора мнений разных аналитиков. Примечательно, что на протяжении анализируемого периода тот же алгоритм активно применялся и к их украинским коллегам: список из 296 российских «политологов» дополнили 50 украинских (они фигурируют в 286 газетных материалах).

Разумеется, это не означает, что «экономисты» и «историки» не выступают в роли комментаторов новостей. Обнаруженный разрыв отчасти обусловлен структурой медиаконтента: возможно, политические новости кажутся журналистам более актуальными, нежели новости, касающиеся экономики и тем более истории. Есть и характерные различия между СМИ, которые мы условно рассматриваем как «массовые» и «качественные»: в первой группе существенно меньше публикаций, упоминающих о рассматриваемых нами профессиональных группах, но если для «политологов» речь идет о разрыве в 2,4 раза, то для «экономистов» – в 1,4 раза, а для «историков» – в 1,2 раза (см. рис. 1). Другими словами, количественное превосходство «политологов» особенно заметно в изданиях второй группы; имея меньший охват аудитории, они адресованы более «образованной» публике.

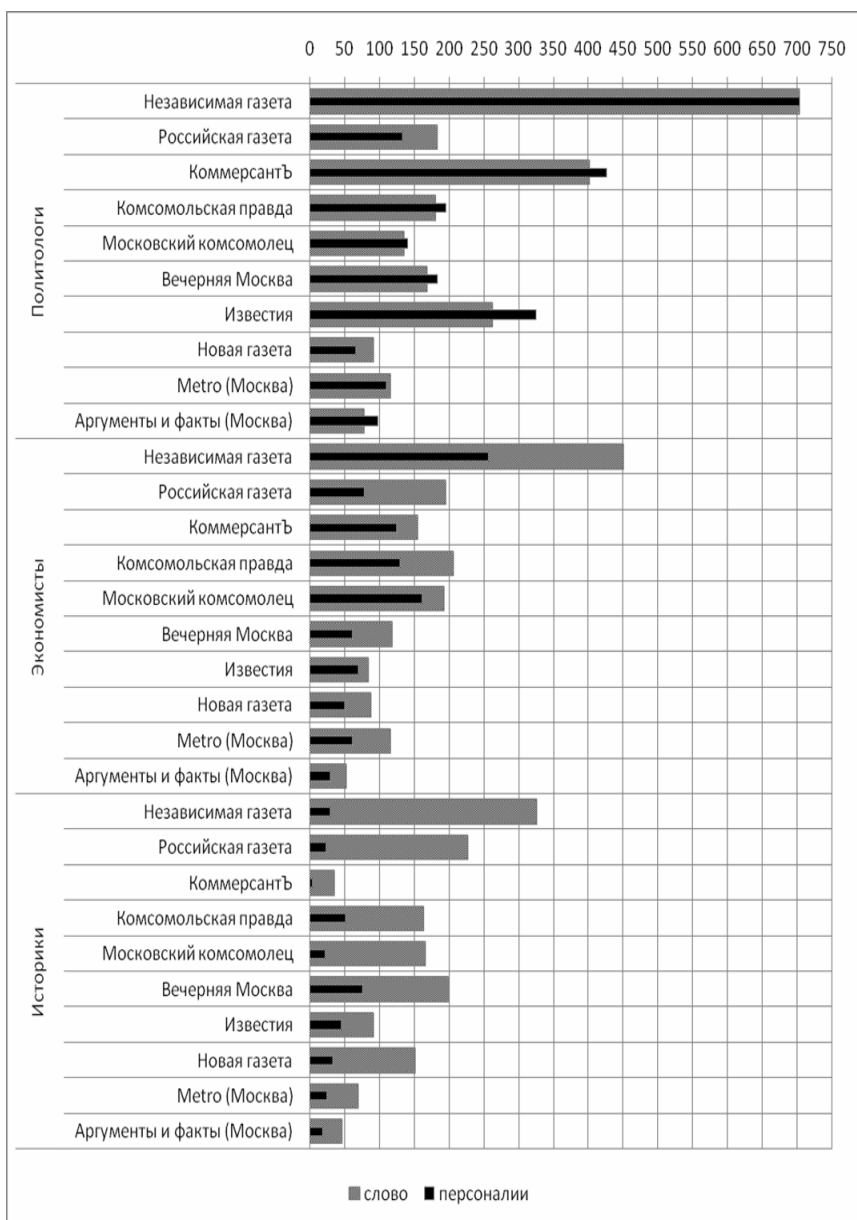

Рис. 1.
Количество публикаций печатных СМИ, содержащих упоминания о «политологах», «экономистах» и «историках»

Вместе с тем количество экономических комментариев в действительности может быть больше: наша методика предполагала поиск публикаций, которые содержат термин «экономист», однако при использовании в качестве ключевых слов фамилий наиболее активных комментаторов-экономистов в базе данных обнаруживаются дополнительные тексты. В пользу предположения свидетельствует и то, что «экономистов» рекомендуют по их институциональному статусу почти в два раза чаще, нежели «политологов» (см. табл. 1). Ниже мы еще вернемся к этому различию.

Целью исследования было проанализировать не только количественный, но и качественный состав групп, репрезентирующих свои профессиональные сообщества в печатных СМИ. В частности, нас интересовал вопрос о том, в какой мере «медиаполитологи» включены в «академические» профессиональные сети. Для ответа на него мы проверили статус лиц, упоминаемых СМИ в качестве «политологов», «экономистов» и «историков», в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). Оказалось, что во всех трех категориях большинство не имеет научных трудов в журналах и сборниках, индексируемых РИНЦ¹. Другими словами, медиаперсоны образуют особые группы, которые лишь частично пересекаются с научными сообществами.

Однако объем этих пересечений разнится (см. рис. 2). Больше всего «ученых» среди «медиаэкономистов» и «медиаисториков». Меньше всего – среди «политологов»: лишь у 23% лиц в данном списке имеются публикации в РИНЦ, при этом индекс Хирша не ниже 4 имеют 13% «медиаполитологов», не ниже 10 – всего 3%². Указанные различия еще более заметны, если для анализа берутся группы из 30 специалистов, наиболее активно сотрудничающих со СМИ.

¹ Отчасти это может объясняться и несовершенством базы РИНЦ, к которой есть немало нареканий – в частности, у обществоведов.

² Лишь два «политолога», имеющих индекс Хирша выше 10, активно сотрудничают со СМИ и входят в топ-30 по количеству медийных публикаций.

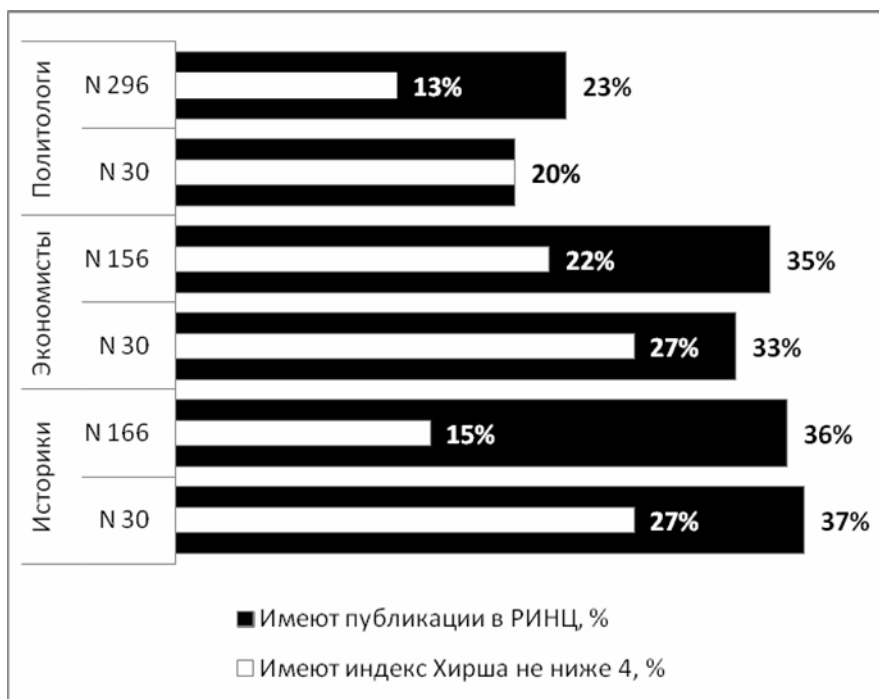

Рис. 2.
Статус медийных «политологов», «экономистов»
и «историков» в РИНЦ

Таким образом, пересечений между группами медийных комментаторов и участников академического дискурса у «политологов» меньше, нежели у «экономистов» и «историков». На наш взгляд, это различие можно объяснить, во-первых, сравнительно недавней институционализацией отечественной политической науки: поскольку старшее и среднее поколения российских политологов не имеют систематического профильного образования, включение в академическую коммуникацию требует от них определенной самоподготовки, для которой нужны стимулы. Во-вторых, разделение труда между публичными комментаторами и исследователями отчасти поддерживается сложившимися журналистскими практиками: как было показано выше, «медиаполитологи» составляют достаточно значительную группу, участие которой в создании контента приобрело институциональный характер. Комментарии «политологов» дозированно компенсируют недостаток

политического плюрализма. Судя по частоте публикаций отдельных медиаперсон, журналисты обращаются к ним за комментариями по широкому спектру вопросов, что отчасти обусловлено соображениями практического удобства. Так или иначе, связь «политологов» с научно-академическим сообществом гораздо слабее по сравнению с «экономистами» и «историками», а профессиональная специализация наиболее активной части данной группы более явно связана с коммуникативной функцией.

При этом во всех трех случаях большинство медийных комментаторов не относятся к научно-академическим ядрам своих сообществ. Какие же группы они представляют? Некоторую информацию об этом дает анализ институциональной принадлежности лиц, именуемых в СМИ «политологами», «экономистами» и «историками». При кодировании типов организаций мы в первую очередь ориентировались на информацию самих газетных публикаций, дополняя ее поиском в Google (институциональная принадлежность фиксировалась, если ее можно было определить по первым десяти выдачам). Как видно из табл. 1, рассматриваемые нами группы заметно различаются с точки зрения структуры институциональной принадлежности.

Таблица 1

**Институциональная принадлежность медийных
«политологов», «экономистов» и «историков»**

Типы организаций	«Политологи»		«Экономисты»		«Историки»	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Университеты и институты РАН	37	13	41	26	23	14
Экспертно-аналитические структуры	52	18	19	12	7	4
Государственная служба	1	0	13	8	2	1
Выборные должности	2	0	1	1	2	1
Бизнес	0	0	34	22	0	0
Журналистика	9	3	1	1	8	5
Музеи и архивы	0	0	0	0	8	5
Без уточнения институциональной принадлежности	195	66	47	30	116	70
ВСЕГО	296	100%	156	100%	166	100%

Наиболее сбалансирована институциональная принадлежность у «экономистов»: в этой группе значительную долю (26%) составляют специалисты из университетов (лидируют НИУ ВШЭ и РАНХиГС) и институтов РАН, в ней значимо представлены и

высокопоставленные чиновники, и аналитики бизнес-структур, и сотрудники экспертно-аналитических организаций. Можно сказать, что состав «медиаэкономистов» достойно отражает как «науку», так и «практику».

Иначе обстоит дело с «историками»: здесь университетско-академическая составляющая несколько меньше (14%), представлены работники музеев и архивов, а также журналисты¹; вместе с тем в этой группе особенно велика доля «просто историков», институциональную принадлежность которых не удалось установить (таких 70%). Они по большей части выступали с единичными комментариями (в топ-30 «историков» их доля меньше – 37%). На наш взгляд, такая особенность институциональной аффилиации «историков» объясняется, во-первых, спецификой медийного интереса (комментарии специалистов требуются по специфическим и неповторяющимся поводам), во-вторых, относительной массовостью профессионалов, имеющих профильную подготовку. Впрочем, среди «медиаисториков» есть и персоны, не имеющие таковой.

В структуре институциональной принадлежности «политологов» тоже немало «вольных художников» (66%), доля сотрудников университетов и академических институтов – самая маленькая (13%), зато заметно более значимую роль играют экспертно-аналитические структуры (18% против 12% у «экономистов» и 4% у «историков»; в списке «топ-30» удельный вес этой категории еще выше – 43%).

Заключение

Проанализированные нами данные позволяют ответить на вопрос, вынесенный в заглавие статьи. Если рассматривать СМИ как значимую арену для демонстрации идентичности нового профессионального сообщества внешним агентам, то следует признать, что общественное «лицо» совокупности профессий, обозначаемых термином «политолог», формируют политические комментаторы и аналитики (по-английски их называют *political analysts*). Можно сказать, что именно они выигрывают в символической борьбе за номинацию на внешних аренах – хотя «настоящим» политологам (т.е. тем, кто считает себя *political scientists*) это не кажется «леги-

¹ Присутствие тележурналистов в верхних строчках рейтинга «медиаисториков» можно рассматривать как результат медиатизации «публичной истории».

тимным»¹. Политические аналитики представлены сравнительно многочисленной группой, ядро которой благодаря частому появлению в СМИ является узнаваемым (эта особенность медийной репрезентации хорошо видна на рис. 1: если упоминания об «экономистах» и «историках» чаще носят обобщенный, нежели персональный характер, то в случае с «политологами» все наоборот). Данная группа систематически участвует в создании медийного контента; при этом именно коммуникативная функция выступает важным элементом ее профессиональной идентификации: «политологи» – это те, кто «говорит о политике». Однако отношение пишущих журналистов к «политологу» как медиаперсонажу – весьма скептическое: их суждения воспринимаются как спекуляции, за которыми не стоит серьезного знания². Чего стоит расхожий штамп «эксперты и политологи»!

В этой группе много лиц, чью институциональную принадлежность трудно определить (их меньше, чем у «историков», но гораздо больше, чем у «экономистов»); по-видимому, в данном случае это объясняется не столько массовостью профессии, полученной благодаря образованию, сколько тем, что доступ в нее не связан с жестким образовательным барьером. Это ведет к курьезам: например, «известными политологами» считаются такие далекие от политологии медиаперсоны, как Павел Глоба и Анатолий Вассерман. В отличие от «экономистов» среди «политологов» мало «практиков», зато заметную роль играют представители многочисленных экспертных организаций (последние не всегда известны своей аналитической продукцией, зато служат хорошим фоном для своих лидеров). По сравнению с двумя другими группами «медиаполитологи» меньше представлены в академических изданиях и слабее связаны с университетами и институтами РАН. Следствием этого является то, что собственно академическая версия политологического дискурса плохо представлена в СМИ (хотя в ряде газет, ориентированных на «образованных читателей», время от времени появляются весьма качественные публикации науч-

¹ То, что в русском языке для этих видов деятельности используется общий термин, безусловно, создает дополнительные трудности. Однако более серьезной проблемой оказываются дискурсивные различия, которые обусловлены различиями в базовой профессиональной подготовке старших поколений российских политологов и усугубляются специализацией политических профессий.

² Как написала журналистка одной из московских газет, «если с мнениями политологов и экспертов можно не согласиться, то с данными опросов спорить трудно» [Лукиянова, 2014].

но-популярного характера, но не они делают погоду). На наш взгляд, речь должна идти не о разных сегментах одного профессионального сообщества, а о разных сообществах, дискурсы и практики которых имеют не так много точек пересечения. Поэтому относительный успех «медиаполитологов» мало помогает узнаваемости других профессий, называемых тем же словом. За почти 25 лет своего «официального» существования политическая наука не слишком продвинулась в данном отношении.

Хотя в России проблема общественного «лица» политологии имеет некоторую специфику, связанную с особенностями современного этапа институционализации науки, в других странах она стоит не менее остро. Это продемонстрировали участники панели «Политическая наука в публичном пространстве: сравнение опыта и контекстов», организованной автором этой статьи в 2014 г. в рамках XXXIII Всемирного конгресса МАПН в Монреале (обсуждался опыт Италии, Бразилии, США, Европейского союза, Мадагаскара и России). Не случайно, подводя итоги книжной серии, посвященной развитию политических исследований в мире, Дж. Трент констатировал, что современной политической науке пока не удастся стать «заметной», заслужить признание, доказать свою способность соответствовать запросам значимых аудиторий (relevance) и обрести идентичность [Trent, 2012, p. 163]. Очевидно, что эти составляющие успеха взаимосвязаны – «заметность» и «признание» существенно зависят от «идентичности» и «релевантности» и наоборот. Другими словами, проблема носит комплексный характер, при этом ее решение зависит от профессионализма не только политологов, но и политиков, журналистов, гражданских активистов и др. В частности, секрет успеха российских медиаполитологов – отчасти «на совести» журналистов. Вместе с тем он, несомненно, свидетельствует о том, что академическая часть политологов в отличие от профессиональных комментаторов и аналитиков плохо приспособлена к игре на медийных аренах. И даже если, окончательно проиграв символическую борьбу за номинацию, мы задумаемся о ребрендинге (с учетом описанного соотношения между академическим и экспертно-медийным сообществами это, возможно, не лишено смысла), игра стоит свеч только в том случае, если мы будем готовы осваивать правила игры на внешних аренах.

Приложение 1

Выборка изданий для контент-анализа

Издание	Охват аудитории, тыс. человек	Охват аудитории, %
Метро (Москва)*	1 105	10,7
Аргументы и факты (Москва)	5 579	9,2
Вечерняя Москва*	1 041	10,1
Известия	300	0,5
Коммерсантъ	224	0,4
Комсомольская правда	4 469	7,4
Московский комсомолец	764	1,3
Независимая газета	–	–
Новая газета	–	–
Российская газета	839	1,4

Источник: TNSGallup, NRS, Россия, май 2014 – февраль 2015.

* данные по Москве

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование национальной повестки дня как картины желаемого будущего, без которой теряется самый смысл существования общества, является наиболее сложным и ответственным политическим проектом. Публичность этого процесса и участие в нем интеллектуалов имеют решающее значение для успешного развития нации. Очевидно, что для участия в формировании национальной повестки дня требуются профессиональные знания из комплекса общественно-научных дисциплин, носителями которых являются, в первую очередь, интеллектуалы, принадлежащие к гуманитарному академическому и экспертно-аналитическому сообществам. Какова же их роль в определении общественно значимых проблем, выработке и обосновании конкурирующих подходов к их решению и прогнозировании возможных последствий в современной России?

При ответе на этот вопрос приходится учитывать сложную сетевую структуру организации экспертно-аналитических сообществ, которые стали предметом нашего анализа. Наше исследование представленности в публикациях печатных СМИ представителей трех сообществ – политологов, экономистов и историков – показало, что во всех трех случаях большинство медийных комментаторов не относятся к научно-академическим ядрам своих сообществ.

Наиболее сбалансирована институциональная принадлежность у «экономистов»: в этой группе значительную долю (26%) составляют специалисты из университетов (лидируют НИУ ВШЭ и РАНХиГС) и институтов РАН, в ней значимо представлены и высокопоставленные чиновники, и аналитики бизнес-структур, и сотрудники экспертно-аналитических организаций. Можно сказать, что состав «медиаэкономистов» достойно отражает как «науку», так и «практику».

Иначе обстоит дело с «историками»: здесь университетско-академическая составляющая несколько меньше (14%), представлены работники музеев и архивов, а также журналисты; вместе с тем в этой группе особенно велика доля «просто историков», институциональную принадлежность которых не удалось установить (таких 70%). Они по большей части выступали с единичными комментариями (в топ-30 «историков» их доля меньше – 37%). На наш взгляд, такая особенность институциональной аффилиации «историков» объясняется, во-первых, спецификой медийного интереса (комментарии специалистов требуются по специфическим и неповторяющимся поводам), во-вторых, относительной массовостью профессионалов, имеющих профильную подготовку. Впрочем, среди «медиаисториков» есть и персоны, не имеющие таковой.

В структуре институциональной принадлежности «политологов» тоже немало «вольных художников» (66%), доля сотрудников университетов и академических институтов – самая маленькая (13%), зато заметно более значимую роль играют экспертно-аналитические структуры (18% против 12% у «экономистов» и 4% у «историков»; в списке «топ-30» удельный вес этой категории еще выше – 43%).

Результаты этого исследования показывают, что роль различных профессиональных сегментов рассмотренных нами сообществ в формировании общественной повестки дня различна; однако специалисты, занятые преимущественно академическими исследованиями и преподаванием, во всех трех случаях не являются лидерами публичной коммуникации, осуществляемой от имени сообщества. В качестве таковых скорее выступают специализированные экспертные организации.

С начала 2000-х годов власть демонстрировала заинтересованность в привлечении экспертов к обсуждению готовящихся решений, прежде всего – экономических, чем стимулировала предложение на рынке консалтинговых услуг и аналитических разработок. Некоторые из ныне активных организаций – Центр стратегических разработок (ЦСР), Институт общественного проектирования (ИноП), Институт современного развития (ИнСОР) и др., – были созданы при В.В. Путине и Д.А. Медведеве под конкретные задачи, связанные с разработкой и экспертным сопровождением правительственного курса. Участвовали в этом процессе и другие аналитические центры: в разные годы с властью активно сотрудничали Фонд эффективной политики (ФЭП), Центр политических технологий (ЦПТ), ИноП, Центр политической конъюнк-

туры России (ЦПКР), позже – ИнСОР и др.; эволюционировали и форматы взаимодействия. Очевидно, что президент и его администрация рассматривали экспертное сообщество в качестве не только поставщика аналитических продуктов, но и авторитетного агента публичной коммуникации. В 2008–2011 гг., когда власть оказалась представлена двумя лидерами – Д.А. Медведевым и В.В. Путиным – появились дополнительные стимулы для идеологической активности экспертных организаций. Как показал наш анализ, это способствовало усилению в их публичной деятельности идеологических функций. Было бы неправильно рассматривать это как нечто специфическое для России: вступая в публичную коммуникацию, любые экспертные организации заявляют свои идеи в структурированном символическом пространстве, где имеет место борьба за власть и доминирование. А значит, их высказывания всегда имеют идеологическую составляющую. Однако в силу скудости предложения внятно сформулированных политических альтернатив, слабости партий, сложившихся медийных практик и особенностей установок власти и экспертного сообщества на взаимодействие начиная с 2008 г. экспертные организации в России превращаются в ведущих игроков идейно-символического поля, способствуя его более четкому структурированию. Учитывая, что наличие более или менее ясного спектра альтернатив является условием публичной политики, данное обстоятельство следует оценить позитивно. Вместе с тем экспертные организации не могут в полной мере компенсировать недостаток активности других акторов идеологического поля, и прежде всего – политических партий. Они не только имеют ограниченные возможности влияния и зависят в реализации своих предложений от тех, кто наделен властью или участвует в борьбе за власть. Будучи зависимыми от конъюнктуры рынка консалтинговых услуг, они не всегда могут обеспечить последовательность своих политических установок, что является важным условием формирования идеологий. Кроме того гипертрофия идеологических функций вредит самим экспертным организациям: их общественный авторитет покоится на объективности научного знания. И хотя их публичный дискурс всегда имеет идеологическую составляющую, ее открытая демонстрация подрывает их символический капитал.

Наше исследование показало, что одним из значимых факторов в деятельности экспертно-аналитических сообществ является динамика спроса на те или иные общественно-политические идеи. Их востребованность определяется интересами влиятельных сил и

артикуляцией этих интересов в публичном пространстве. В постсоветскую эпоху появились принципиально новые группы интересов, которые на протяжении 1990-х годов вполне успешно осваивали публичное пространство, начиная с массмедиа. С начала 2000-х годов формы артикуляции и механизмы согласования различных интересов и разрешения конфликтов существенно изменились, будучи тесно привязанными к политической власти. В дальнейшем эмансипация групп интересов может быть связана как с укреплением российского среднего класса и формированием его идентичности, так и с дальнейшим структурированием политической и экономической элиты. Однако по всей видимости, в ближайшие годы средний класс, как и другие крупные социальные группы, еще не будет в состоянии сформировать четкий запрос на то или иное направление внутренней и внешней политики.

Проблема «среднего класса» занимала заметное место в общественно-политических дискуссиях последних лет. При этом ее постановка заметно эволюционировала: если в начале президентства Д.А. Медведева появление группы, которую с полным основанием можно было бы обозначить данным термином, рассматривалось как более или менее отдаленная перспектива, то к моменту завершения его полномочий о ней стали рассуждать как о несомненном факте. В формировании общественных представлений, связываемых с новым для постсоветской России понятием «средний класс», значительную роль сыграли экспертно-аналитические сообщества. Экспертные дискуссии о «среднем классе» стали одним из кейсов, исследованных в рамках нашего проекта. Выполняя заказ на исследование факторов роста среднего класса, заявленного в качестве официальной цели государственной политики в 2007–2009 гг., представители ряда московских экспертных организаций внесли заметный вклад в формирование представлений читающей публики об этой группе и тем самым – в ее социальное конструирование. В какой-то момент они оказались в роли публичных защитников «интересов» среднего класса – и объектом политической критики со стороны спикеров, пытавшихся привлечь внимание власти к запросам конкурирующих групп. Можно сказать, что экспертно-аналитические центры отчасти взяли на себя идеологические функции, подменяя в этом качестве отсутствующую «партию среднего класса». Впрочем, замена по определению не могла быть полноценной: с одной стороны, политические эксперты имеют ограниченные возможности влияния и зависят в реализации своих предложений от тех, кто наделен властью или уча-

ствуется в борьбе за власть, с другой стороны, их основная деятельность требует объективности и неангажированности. После возвращения В. Путина к исполнению обязанностей президента тема среднего класса постепенно отошла на второй план, хотя изменение приоритетов социальной политики отчасти пытались замаскировать подобием прежней риторики.

Объектами нашего анализа также были дискуссии относительно набора и способов решения задач, стоящих в конкретных областях государственной политики. В частности, удалось выявить некоторые важные особенности деятельности экспертно-аналитических сообществ, специализирующихся на проблемах внешней политики, обороны и безопасности. Основная из них состоит в том, что во всем мире процесс принятия политических решений в областях внешней политики, обороны и безопасности отличается высокой степенью централизации. Влияние существующих групп интересов на выработку решений проявляется по-разному, но принятие самих решений сосредоточено на вершине властной иерархии. Разумеется, применительно к нашей стране необходимо учитывать как эту особенность, так и историческую эволюцию экспертно-аналитической деятельности, исходной моделью которой было характерное для советской эпохи одноканальное взаимодействие между политической инстанцией (заказчиком) и экспертной организацией (исполнителем). В этой модели вплоть до горбачевской перестройки основными характеристиками были закрытость и эксклюзивность взаимодействия, зачастую – отсутствие устойчивой обратной связи.

В постсоветскую эпоху ликвидация политико-идеологической монополии КПСС создала серьезные проблемы для тех научных организаций, которые привыкли к одноканальной схеме взаимодействия с основным заказчиком. Резкое сокращение бюджетного финансирования научных исследований в период гайдаровских реформ привело к снижению эффективности и сокращению кадрового потенциала академических институтов и государственных аналитических центров, осуществлявших экспертную деятельность. В то же время в 1990-е годы открылись возможности создания новых экспертно-аналитических организаций, функционирующих по стандартам зарубежных мозговых центров, действующих по модели многоканального взаимодействия с политическими инстанциями, влиятельными корпоративными акторами и другими группами интересов, гражданским обществом. Такие организации изначально ориентированы на то, чтобы использовать различные коммуникационные возможности воздействия на общественное мнение и

через него оказывать дополнительное воздействие на процесс принятия политических решений. Для них характерна ориентация на высокую степень публичности экспертно-аналитической деятельности и стремление играть активную роль в том, что можно назвать «производством смыслов».

Период так называемый тандемократии (2008–2012) был озаглавлен ситуативными, но достаточно показательными новшествами в деятельности нескольких ведущих экспертно-аналитических организаций. Видимость альтернативности вариантов развития страны, созданная самой ситуацией соправительства В.В. Путина и Д.А. Медведева, а затем и «вброс» одним из лидеров тезиса о модернизации побудили ряд экспертных центров включиться в борьбу за колонизацию нового пространства политического дискурса. Для части экспертов наиболее важно было дать такое истолкование модернизации, которое бы подкрепляло позиции той или иной стороны в борьбе за изменение / сохранение политической модели «вертикали власти» и внешнеполитической ориентации страны. Фактически представители экспертных сообществ вольно или невольно становились соучастниками специфического модерирования политической дискуссии, когда вокруг их продукции создавался ореол «сокровенного знания».

Начиная с 2012 г. наметилось усиление государственного участия в процессах, связанных с экспертно-аналитической деятельностью. Фундаментальный сдвиг в российской внешней политике, происшедший в связи с событиями на Украине в 2013–2014 гг., и становящиеся все более настойчивыми попытки рассматривать геополитическую конфронтацию в идеологическом ракурсе ставят принципиально новые задачи перед экспертно-аналитическими группами и организациями. Одновременно возникают риски ограничения экспертной деятельности жесткими идеологическими рамками, сокращения возможностей как для публичных дискуссий с участием экспертов, так и для взаимодействия властных структур с экспертным сообществом.

Принято считать, что влияние экспертных сообществ на процесс принятия решений в России не слишком высоко. Тем больший интерес представляют новые управленческие практики, предусматривающие роль экспертных оценок, в частности – появление рейтинговой системы оценки деятельности руководителей регионов. Данную инновацию безусловно следует рассматривать как закономерное следствие курса на централизацию и перехода в середине 2000-х годов от прямых выборов глав субъектов к меха-

низму их фактического назначения. Взаимодействие региональных и федеральных элит выстраивалось в новых условиях и действовало по новым правилам, зачастую не поддающимся логическим объяснениям, о чем можно судить на примере кадровых перестановок и назначений ряда губернаторов-«варягов». В этих условиях потенциал экспертных организаций и предлагаемых ими механизмов и сценариев разрешения конфликтов оказался как нельзя кстати.

Сужая круг вопросов, предлагаемых для публичного экспертного обсуждения относительно вопросов экономической политики, федеральная власть открывала новые возможности для экспертных организаций, продолжая привлекать их как агентов публичной коммуникации. Интерес к участию в публичных дискуссиях экспертных организаций объясняется, в том числе, желанием власти легитимировать новую практику, которая в ряде случаев представляет пример политической неадекватности и откровенного пренебрежения интересами региона в угоду интересам тех или иных группировок федеральной элиты. В этом плане экспертные оценки представляют собой хороший инструмент, не поддающийся формальной логике, а федеральный центр в их лице получил еще большую свободу в плане подбора кандидатур на посты руководителей регионов.

Нельзя сказать, что первые экспертные рейтинги, опубликованные в 2007 г., делались по заказу власти. Скорее, это была закономерная реакция экспертов на произошедшие изменения в системе отношений центр-регионы. Рейтинги, последовавшие вслед за чередой отставок губернаторов, назначенных по новой системе, не были ориентированы на уже существующие официальные критерии оценок эффективности региональных властей, регламентируемые Указом президента, а строились на экспертных оценках «политической выживаемости» (рейтинг фонда «Петербургская политика» и Международного института политической экспертизы Е. Минченко) и «политической эффективности» (рейтинг «Центра политической конъюнктуры»).

В 2012 г. с началом нового президентского срока стало очевидно, что экспертные оценки являются хорошим инструментом для поддержания видимости публичных дискуссий, легитимации и опубликования принимаемых федеральной властью решений, а также реальным механизмом влияния на деятельность самих губернаторов. Об этом, в частности, свидетельствует популярность среди СМИ рейтингов глав регионов, составляемых ФоРГО под

руководством бывшего руководителя управления внутренней политики администрации президента К. Костина.

Проделанный в рамках нашего проекта анализ показывает, что положение экспертных организаций как проводников принимаемых властью политических решений не дискредитирует их роль в системе публичных отношений, хотя и ставит под сомнение их политические оценки как продукты экспертной деятельности, отражающие реальное положение дел в регионах. Сама система рейтингов, составляемая экспертами фондов и в идеале призванная измерять степень конкуренции, заведомо не оценивает шансы на борьбу кандидатов в том или ином регионе. Что, в конечном счете, ставит вопрос о потребности объективного экспертного анализа социально-экономической ситуации в регионах.

Не менее интересные тенденции были отмечены в области исторической политики. За последние несколько лет роль экспертных сообществ в формировании политики памяти внешне стала намного более значимой. Собственно, резко возросло само число таких структур. В 2012 г. были созданы РИО и РВИО, а в 2014–2015 гг. происходил процесс учреждения Вольного исторического общества. Целый ряд экспертных организаций общеполитического характера активно действовал в это время в сфере политики памяти. Однако следует признать, что все эти негосударственные акторы скорее занимались обслуживанием политического заказа, чем самостоятельным определением повестки дня. Эта тенденция особенно усилилась в условиях кризиса вокруг Украины, когда власти резко ужесточили контроль за публичной сферой, и стали использовать жесткие репрессивные приемы, включая обращение к концепции «пятой колонны», закон об иностранных агентах и т.п.

В 2015 г. мы можем наблюдать противоречивые тенденции. Тенденция использования прошлого в духе «некритического патриотизма» продолжается и усиливается. Все более активную роль в этой сфере начинает играть РПЦ. Однако создание ВИО и утверждение правительством концепции коммеморации жертв политических репрессий обозначили альтернативный тренд. В политическом истеблишменте есть силы, которые понимают разрушительные последствия «некритического патриотизма» в отношении к прошлому. Они оказывают покровительство усилиям ВИО и Совета по правам человека, которые продолжают поддерживать обсуждение трагической политической и социальной истории России XX в., видя в этом важный инструмент сдерживания репрессивных и авторитарных тенденций в нашем обществе.

Можно предположить, что значение политики памяти в общественной повестке дня будет нарастать, и эксперты в области истории и политики памяти будут активно вовлечены и в процесс обслуживания политического заказа, и в деятельность по формированию общественной повестки дня в этой сфере.

Авторы проекта не ставили перед собой задачу описать весь спектр проблем, по которым высказываются представители экспертно-аналитических сообществ. Тем не менее проделанное нами «картографирование» дискурсивного пространства на примерах нескольких ключевых проблем позволяет выделить примечательные тенденции в развитии складывающихся дискурсивных практик. Они весьма амбивалентны: с одной стороны, в условиях ограничения политической конкуренции наблюдается высокая степень централизации в принятии решений, что ограничивает участие экспертов в политическом процессе и сужает их возможности для артикуляции общественной повестки дня; с другой стороны, управление обществом так или иначе требует привлечения экспертов, в том числе — и для компенсации функций других акторов политического процесса, что создает для экспертных сообществ определенные «окна возможностей».

Список литературы

- «Историческая память — основа национальной идентичности» // Slon. — М., 2013. — Режим доступа: <http://slon.ru/calendar/event/958165/> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- «Люди-XXI»: Индустрия спорта и тела // ФОМ. — М., 2008. — 6 марта. — Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/innovacyi/lx0802> (Дата посещения: 17.09.2013.)
- «Люди-XXI»: Инновационный слой общества: Описание проекта // ФОМ. — М., 2008. — 25 января. — Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/soc_gr/people_xxi/anin05 (Дата посещения: 18.09.2013.)
- «Люди-XXI»: Пресс-релиз проекта // ФОМ. — М., 2008. — 22 февраля. — Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/innovacyi/lx0801> (Дата посещения: 17.09.2013.)
- «Форум-2020». «В поисках среднего класса» // Известия. — М., 2008. — 9 апреля. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/335301> (Дата посещения: 8.02.2014.)
- 12-й рейтинг политической выживаемости губернаторов России / Фонд «Петербургская политика». — М., 2013. — 18 марта. — Режим доступа: <http://www.fpp.spb.ru/rate12.php> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- 2011 год: «Нулевой цикл» следующего президента / ИНСОР. — М., 2011. — 4 сентября. — Режим доступа: <http://www.insor-russia.ru/ru/news/9610> (Дата посещения: 11.07.2013.)

- Абрамов Р.* Социальные инноваторы (Люди-XXI): устойчивость на фоне волатильности внешней среды / ФОМ. – М., 2009. – 30 сентября. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/innovasyi/people21> (Дата посещения: 14.09.2013.)
- Аверьянов В.* Мы глашатаи термидора / Институт динамического консерватизма. – М., 2013. – 7 июля. – Режим доступа: http://www.dynacon.ru/content/articles/1400/?sphrase_id=540679 (Дата посещения: 22.12.2013.)
- Амелин В.Н., Дегтярев А.А.* Опыт развития прикладной политологии в России // Полис. Политические исследования. – М., 1998. – № 3. – С. 157–178.
- Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / Отв. ред.: Н.Ю. Беляева; науч. ред.: Д.Г. Зайцев, Ш.Ш. Какабадзе. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 253 с.
- Андрианов В.* Как сделать цели долгосрочной стратегии выполнимыми // Финансовая газета. – М., 2012. – 2 декабря. – Режим доступа: <http://fingazeta.ru/top/kak-sdelat-tseli-dolgosrochnoy-strategii-vyipolnimyimi-181564> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Артемов А.* Четыре сценария для Путина. Его ждет самый неприятный // Аргументы и факты. – М., 2013. – 24 мая. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/politics/article/52314> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Бадовский Д.* Явный советник вождя: Интервью // Московский комсомолец. – М., 2013. – № 26175, 28 февраля. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/russia/interview/2013/02/27/819240-yavnyi-sovetnik-vozhdy.html> (Дата посещения: 06.06.2013.)
- Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли: Международный и российский опыт. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2014. – 236 с.
- Белановский С., Дмитриев М.* Политический кризис в России и возможные механизмы его развития. – М., 2011. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2011/03/28/2011/> (Дата посещения: 12.10.2016.)
- Белановский С., Дмитриев М., Мисихина С.* Средний класс в рентоориентированной экономике: Почему Москва перестала быть Россией? // SPERO. – М., 2010. – № 16. – С. 70–86. – Режим доступа: http://spero.socpol.ru/docs/N13_2010_06.pdf (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. акад. А.В. Торкунова, проф. А.Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 823 с.
- Беляева Н.Ю.* Развитие концепта публичной политики: Внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. Политические исследования. – М., 2011. – № 3. – С. 72–87.
- Бергер Ш.* Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии // Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. / Под ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: НЛО, 2012. – С. 33–62.
- Благовещенский Ю., Кречетова М., Сатаров Г.* Сценарное прогнозирование политической ситуации в России: Аналитический доклад № 5, весна 2016. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; Фонд ИНДЕ, 2016. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/upload/files/Doklad-prognoz-2016.doc> (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973. – 270 с.

- Блехер Л.* Неповторимые повторения / ФОМ. — М., 2012. — 21 июня. — Режим доступа: <http://fom.ru/blogs/10468> (Дата посещения: 26.09.2013.)
- Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисл. А. Касаева. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 256 с.
- Бордюгов Г.А., Бухараев В.М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 248 с.
- Бортников А.* Интрига съезда // Известия. — М., 2008. — 20 ноября. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/342909> (Дата посещения: 8.02.2014.)
- Бунин И.* Проблема среднего класса в современной России: Выступление Президента Центра политических технологий Игоря Бунина на конференции «Средний класс: проблемы формирования и перспективы роста», Институт современного развития, 28 апреля 2008 года. — М., 2008. — Режим доступа: http://www.insorgussia.ru/en/news/about_inzor/375 (Дата посещения 8.02.2014.)
- Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
- Бусыгина И., Филиппов М.* Политическая модернизация государства в России: Необходимость, направления, издержки, риски. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012. — Режим доступа: http://www.liberal.ru/upload/files/Busigina_Fillipov.pdf (Дата посещения: 17.09.2016.)
- В России создано Вольное историческое общество // ПОЛИТ. РУ. — М., 2014. — 28 февраля. — Режим доступа: <http://polit.ru/news/2014/02/28/vio/> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Ваньков В.* Кудрин отправил Путину «черную метку» // KM.ru. — М., 2012. — 24 мая. — Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/05/24/pravительство-rossii/kudrin-otpravil-putinu-chernuyu-metku> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Варшавская Ю.* Социологи большого города. Алексей Левинсон // Большой город. — М., 2012. — 11 марта. — Режим доступа: http://bg.ru/society/sociologi_bolshogo_goroda_aleksey_levinson-10305/ (Дата посещения: 24.09.2013.)
- Власть — элиты — общество: Контуры нового общественного договора: Доклад Центра политических технологий по заказу Комитета гражданских инициатив. — М., 2013. — 4 апреля. — Режим доступа: <http://komitetgi.ru/analytics/478/#.UeEG6o3IZww> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: Истоки, динамика, результаты. — М: Левада-центр, 2012. — 55 с.
- Воронова Т., Боянова Н., Стеркин Ф.* «У нас такого за всю историю не случалось» // Ведомости. — М., 2015. — № 3840, 28 мая. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/finance/characters/2015/05/28/594041-u-nas-takogo-za-vsyu-istoriyu-ne-sluchalos> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Встреча с авторами концепции нового учебника истории: [Стенограмма] // Президент России. — М., 2014. — 16 января. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20071> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Встреча с членами фракций политических партий в Государственной Думе // Президент России. — Ялта, 2014. — 14 августа. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46451> (Дата посещения: 23.05.2015.)

- Второй Рейтинг политической выживаемости губернаторов. – М., 2008. – 31 марта. – Режим доступа: http://www.stratagem.org/exclusive/rates/rate_287.html (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Габуев А., Черненко Е.* По странам и стечениям обстоятельств // Коммерсантъ Власть. – М., 2012. – № 39 (993), 1 октября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2025883> (Дата посещения: 23.05.2015.)
- Галимова Н.* Кремль живет, под собою не чуя страны // Газета. ru. – М., 2015. – 26 декабря. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2015/12/25_a_7991945.shtml?utm_source=infox.sg (Дата посещения: 27.12.2015.)
- Глазьев С.Ю.* Как не проиграть в войне // World Crisis. – М., 2014 b. – 25 июля. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/1584472> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Глазьев С.Ю.* Предотвратить войну – выиграть в войне: Доклад Изборскому клубу. – М., 2014 а. – Режим доступа: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/3962/> (Дата посещения: 23.06.2016.)
- Гликин М., Бирюкова Л.* Мирный исход маловероятен // Ведомости. – М., 2012. – № 94 (3108), 24 мая. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/281359/mirnyj_ishod_maloveroyaten (Дата посещения: 24.05.2012.)
- Гонтмахер Е., Григорьев Л., Малева Т.* Средний класс и российская модернизация // Время новостей. – М., 2008. – 1 февраля, № 13. – Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2008/14/8/196754.html> (Дата посещения: 8.02.2014.)
- Горбачев А.* Провластные эксперты разоблачили прозападных // Независимая газета. – М., 2014. – 7 мая. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2014-03-07/1_experts.html (Дата посещения: 6.07.2014.)
- Горяшко С.* Граждане с трудом верят чиновникам // Коммерсант. – М., 2016. – 12 августа. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3060925> (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Граник И.* Алексею Кудрину создали политический кризис // Коммерсант. – М., 2012. – № 93 (4878), 25 мая. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1942180> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Григорьев Л., Салмина А., Кузина О.* Российский средний класс: Анализ структуры и финансового поведения. – М.: Экон-Информ, 2009. – 148 с. – Режим доступа: http://www.insor-russia.ru/files/middle_class_gr.pdf (Дата посещения: 9.02.2014.)
- Григорьев М.* Это требование влияния на политические решения и участия в управлении государством // Известия. – М., 2011. – 6 декабря. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/508863#ixzz2sXufpqGT> (Дата посещения: 9.02.2014.)
- Григорьева Е.* Поставь оценку губернатору // Известия. – М., 2007. – 13 марта. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/328635> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Гудков Л.* Заявление Директора Левада-центра // Левада-центр. – М., 2016. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/09/09/14393/> (Дата посещения: 15.09.2016.)
- Гудков Л., Алехина М.* «Недовольство властью усиливается» // Новые Известия. – М., 2012. – 6 марта. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru/society/2012-03-06/160267-direktor-levada-centra-lev-gudkov.html> (Дата посещения: 24.09.2013.)
- Гудков Л., Кобызова Н.* «В политику идут неумные, прагматики, циники»: Интервью с Н. Кобызовой. – М., 2013. – 9 августа. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2013/08/09/lev-gudkov-v-politiku-idut-neumnye-pragmatiki-tsiniki/> (Дата посещения: 14.10.2016.)

- Даль Р. Демократия и ее критики. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 576 с.
- Данилин П. Как реагировать на комиссию по борьбе с фальсификациями: Без знака вопроса // Русский журнал. – М., 2009. – 22 мая. – Режим доступа: <http://russ.ru/pole/Kak-reagirovat-na-komissiyu-po-bor-be-s-fal-sifikaciyami> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Данилов А.А. История России, 1900–1945: Методическое пособие. 11 класс. – М.: Просвещение, 2008. – 208 с.
- Дахин А.В., Макарычев А.С. Экспертное сообщество Нижегородской области: Опыт структурного участия в публичной политике: Аналитический обзор // Публичная политика – 2006: Сб. ст. – СПб.: Норма, 2006. – С. 55–75.
- Движущие силы и перспективы политической трансформации России / Центр стратегических разработок; С. Белановский, М. Дмитриев, С. Мисихина, Т. Омельчук. – М., 2011. – 77 с. – Режим доступа: <http://svop.ru/files/meetings/m009013371564305.pdf> (Дата посещения: 14.10.2016.)
- Дегтярев А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Полис. Политические исследования. – М., 2003. – № 1. – С. 159–170; № 2. – С. 164–173; № 3. – С. 152–163.
- Дегтярев А.А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // Полис. Политические исследования. – М., 2004. – № 1. – С. 154–168.
- Демократия XXI века: Смена парадигмы. – М., 2015. – 344 с.
- Демократия: Развитие российской модели / ИНСОР; Под общ. ред. И.Ю. Юргенса. – М.: Эконинформ, 2008. – 80 с. – Режим доступа: http://www.insor-russia.ru/files/LowResDemocracy_Books_final.pdf (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Дискуссия о среднем классе: Материалы конференции «Средний класс: проблемы формирования и перспективы роста», Москва, 24 апреля 2008 года / ИНСОР. – М., 2008. – 38 с. – Режим доступа: http://www.insor-russia.ru/files/Middle_class.pdf (Дата посещения: 22.12.2013.)
- Дмитриев М. «Чтобы раскатать лодку, осталось уже немного» // Новая газета. – М., 2012. – 30 мая. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/48277.html> (Дата посещения: 31.05.2012.)
- Дмитриев М. На пути к богатству // Эксперт. – М., 2008. – № 12 (601), 24 марта. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2008/12/na_polputi_k_bogatstvu/ (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Доклад о комплексной оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2013 года. – М., 2014. – 191 с. – Режим доступа: [http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/33597636-00da-439b-87eb-f1a9402cc01a/ДОКЛАД-2014+\(последняя+версия\).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=33597636-00da-439b-87eb-f1a9402cc01a](http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/33597636-00da-439b-87eb-f1a9402cc01a/ДОКЛАД-2014+(последняя+версия).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=33597636-00da-439b-87eb-f1a9402cc01a) (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Доклад о развитии институтов гражданского общества в России: «Третий сектор» в России: текущее состояние и возможные модели развития / ИНСОР. – М., 2013. – 15 марта. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/20> (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Дубин Б. Лицо Якиманки и Болотной // Новая газета. – М., 2012 а. – № 15, 13 февраля. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/51016.html> (Дата посещения: 26.09.2013.)

- Дубин Б. Россия, которая не просит // Огонек. – М., 2012 с. – № 48, 3 декабря 2012. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc-rss/2077148> (Дата посещения: 14.01.2014.)
- Дубин Б. У людей есть запас солидарности // Новая газета. – М., 2012 е. – № 87, 6 августа. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/arts/53863.html> (Дата посещения: 26.09.2013.)
- Дубин Б. Что-то похожее на общество: В чем социальное значение митингов и кто те люди, которые в них участвуют // Ведомости. – М., 2012 d.–3 февраля. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/friday/article/2012/02/03/18234> (Дата посещения: 26.09.2013.)
- Дубин Б. Якиманка и Болотная 2.0. Теперь мы знаем, кто все эти люди! // Новая газета. – М., 2012 b. – 10 февраля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/10-02-2012/yakimanka-i-bolotnaya-20-terep-my-znaem-kto-vse-eti-lyudi> (Дата посещения: 24.09.2013.)
- Дунаева Ю.В. Модернизация в России: основные теоретические подходы // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – № 2. – С. 190–211.
- Единороссы вступились за средний класс // РБК. – М., 2008. – 27 ноября. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2008/11/27/focus/392270> (Дата посещения: 9.02.2014.)
- Ежегодный доклад ИнОП «Оценка состояния и перспектив политической системы России» / ИНОП. – М., 2009. – 2 апреля. – Режим доступа: <http://www.inop.ru/page529/page484/> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Ефременко Д.В. В поисках модернизационных ориентиров в эпоху междуцарствия модерна // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 2. – С. 3–30.
- Железнова М., Чуракова О. Досрочные перспективы // Ведомости. – М., 2014. – 2 июня. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/06/02/dosrochnye-perspektivy> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. – М., 1989. – С. 105.
- Журавлев И. Россияне сняли с себя ответственность за страну. – М., 2016. – 13 июля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3037200> (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Журенков К., Мельников С. Мечта на колесах // Огонек. – М., 2012. – № 22, 4 июня. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1934363> (Дата посещения: 17.09.2013.)
- Зайцев Д.Г. Аналитические центры как субъекты политического процесса: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009. – 19 с.
- Зайцев Д.Г. Влияние институциональной среды на развитие негосударственных политических акторов (на примере сравнения эволюции аналитических центров в США и России) // Право и политика. – М., 2008. – № 11. – С. 2757–2768.
- Зайцев Д.Г. Факторы и условия становления субъектности аналитических сообществ в России // Политический класс в современном обществе / Отв. ред.: О.В. Гаман-Голутвина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 247–262.
- Зайцев Д.Г., Беляева Н.Ю. «Мозговые центры» в России и странах Запада: Сравнительный анализ // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2009. – № 1. – С. 26–35.

- Зайцев Д.Г., Беляева Н.Ю. «Фабрики мысли» и «центры публичной политики»: Два разных субъекта экспертного обеспечения политики // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* – М., 2008. – № 4. – С. 139–151.
- Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. 14 октября 2015 г.: [Стенограмма] // Президент России. – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46786> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Заявление Координационного совета Гражданского форума ЕС-Россия о сохранении музея «Пермь-36» // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. – М., 2014. – 15 августа. – Режим доступа: <http://www.president-sovet.ru/news/6819/> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Заявление рабочей группы по политической стабильности Совета по внешней и оборонной политике. – М., 1998. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/politvnt/19_1/article.php?art=12 (Дата посещения: 09.11.2013.)
- Зевелёв И. Реализм в XXI веке. Американо-китайские отношения и выбор России // Россия в глобальной политике. – М., 2012. – Т. 10, № 6. – С. 120–133.
- Злобин В. «Свобода лучше чем несвобода» // Утро. – М., 2012. – 24 апреля. – Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2012/04/24/1042664.shtml> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Зубов А. Это уже было // *Ведомости.* – М., 2014. – 1 марта. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23467291/andrej-zubov-eto-uzhe-bylo> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Зудин А.Ю. Режим В. Путина: Контуры новой политической системы // *Общественные науки и современность.* – М., 2003. – № 2. – С. 67–83.
- Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы: Сб. науч. ст. / Под ред. О.Ю. Малиновой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 285 с.
- Изборский клуб. Второе заседание // *Завтра.* – М., 2012. – № 41 (985). – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/izborskij-klub-2/> (Дата посещения: 9.02.2014.)
- Ильницкий А. Партийная карта после выборов // *Известия.* – М., 2012. – 6 марта. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/517689> (Дата посещения: 9.03.2012.)
- Индекс аналитических центров // Портал Politanalitika. – М., 2016. – Режим доступа: <http://politanalitika.ru/indexes/> (Дата посещения: 14.09.2016.)
- Иноземцев Владислав. Россия-2020: Насколько еще хватит «путинской стабильности» // РБК. – М., 2014. – 26 декабря. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/26/12/2014/549bd30e9a79473ce3b3c556> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Историческая политика // Википедия. – Б. г. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%F1%F2%EE%F0%E8%F7%E5%F1%EA%E0%FF_%EF%EE%EB%E8%F2%E8%EA%E0 (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. / Под ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012. – 648 с.
- История России, 1945–2007: Учебник для 11 класса / Под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. – М.: Просвещение, 2007. – 350 с.
- История России, 1945–2008. 11 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений / Под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. – М.: Просвещение, 2008. – 368 с.

- История России. XX век / К.М. Александров [и др.]; ред. А.Б. Зубов.—1894—1939 / Авт. предисл. А.Б. Зубов. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 1023 с.; 1939—2007. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 847 с.
- Казакова Е. Роль экспертных сообществ России в политической модернизации // Власть. — М., 2011. — № 3. — С. 11–14. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-ekspertnyh-soobschestv-rossii-v-politicheskoy-modernizatsii> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Как завершить историю СССР / Гернер К., Миллер А., Дубин Б. и др. // Полит. ру. — М., 2008. — 24 апреля. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2008/04/24/istpamat/> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Как нам модернизировать политсистему России: Открытое письмо Президенту Дмитрию Медведеву. — М., 2010. — 19 января. — Режим доступа: <http://chadayev.ru/blog/2010/01/19/liberty-ru-xod-belymi-gossovet-politreform/> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Какой должна быть история России / Зорин А., Песков А., Миллер А. и др. // Полит. ру. — М., 2005. — 22 декабря. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2005/12/22/krugliystol/> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Калюков Е. Кудрин назвал созданную «ЕдРо» политическую систему тормозом для страны // РБК. — М., 2014. — 22 июля. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/22/07/2014/938029.shtml> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Караганов С. Простимся с Гражданской войной // Российская газета. — М., 2015. — 27 августа. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/08/27/pamyat.html> (Дата посещения: 18.12.2015.)
- Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М.: Наука, 1991. — 125 с.
- Кара-Мурза С. Требуется гегемон // Известия. — М., 2009. — 5 мая. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/348215> (Дата посещения: 9.02.2014.)
- Кара-Мурза С.Г. Экспертное сообщество России: генезис и состояние. — Москва: ИТРК, 2001. — 79 с. — Режим доступа: <http://kara-murza.ru/books/articles/expert.htm> (Дата посещения: 26.10.15.)
- Кацва Л.А. Советский Союз в школьных учебниках истории XXI века // Прошлый век: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Миллер А.И., гл. ред., и др. — М., 2013. — Вып. 1. — С. 69–132.
- Кашеварова А. Кремль прикрывает неэффективные фонды // Известия. — М., 2013. — 28 марта. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/547495> (Дата посещения 12.07.2013).
- Кертман Г. Повторение пройденного / ФОМ. — М., 2012. — 4 июня. — Режим доступа: <http://fom.ru/blogs/10468> (Дата посещения: 26.09.2013.)
- Климов И. Ипотечные заемщики: повседневные практики восходящей мобильности // Социологический журнал. — М., 2009. — № 4. — С. 104–136.
- Колесников А. Власть после 2018 года: возможны ли реформы в России? // Московский центр Карнеги — М., 2015 с. — Режим доступа: <http://carnegie.ru/publications/?fa=61991> (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Колесников А. Проблема-2018, или Дилемма Путина // Газета. ru. — М., 2015 б. — 16 ноября. — Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/7756511.shtml> (Дата посещения: 17.11.2015.)

- Колесников А.* Российская власть-2015: Тактика без стратегии // НГ-Политика. – М., 2015 а. – 15 сентября. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2015-09-15/9_vlast2015.html (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Консерваторы на аутсорсинге. Кто формирует кремлевскую идеологию // The Insider. – 2014. – 9 октября. – Режим доступа: <http://theins.ru/politika/1797/> (Дата посещения: 27.09.2016.)
- Константин Костин о перекосе в развитии НКО в России: Из интервью газете «Ведомости». – М., 2013. – 18 марта. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/comment/view/96> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Конференция «Обретение будущего: диалоги» (выдержки из стенограммы) / ИНСОР. – М., 2011. – 18 мая. – Режим доступа: http://www.insor-russia.ru/files/Stenogramma_May_18.pdf (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории: Проект. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Корня А.* Без единства и либерализма // Ведомости. – М., 2013. – № 96 (3358), 4 июня. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/462631/bez_edinstva_iliberalizma#ixzz2VESgPlhc (Дата посещения: 04.06.2013.)
- Корня А.* Кудрин считает напряженность // Ведомости. – М., 2015. – № 3928, 30 сентября. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/09/30/610775-napryazhennost-v-regionah> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Корня А., Фаризова С.* Кремль оценил работу губернаторов // Ведомости. – М., 2014. – 6 ноября. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/11/06/gubernatory-eto-soglasie> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Костенко Н.* Эксперты для своих // Ведомости. – М., 2012. – № 169 (3183), 7 сентября. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/306611/eksperty_dlya_svoih#ixzz25t5p6fGh (Дата посещения: 07.09.2013.)
- Кочетков А.П.* Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис. Политические исследования. – М., 2011. – № 5. – С. 8–20.
- Кочетков А.П.* Демократия и элиты. – М.: РИЦ «ПрофЭко», 2009. – 176 с.
- Критерии оценки эффективности губернаторов. История вопроса и методика Фонда развития гражданского общества / Фонд развития гражданского общества. – М., 2014. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/61> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Кувшинова О.* Путинская реформа выполнена только на треть // Ведомости. – М., 2010. – 2 июня. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2010/06/02/putinskaya-reforma-vypolnena-tolko-na-tret> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Кудрин А.Л.* Чего мы ждем от нового правительства? // Экономическая политика. – М., 2012. – № 2. – С. 59–72. – Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/policy/2012_2/kudrin.pdf (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Кудрин побаловал «Болотку» новым «докладом ЦСР» // PolitOnline. – М., 2012. – 24 мая. – Режим доступа: <http://www.politonline.ru/comments/11013.html#> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Кулик А.Н.* Некоторые методологические и инструментальные проблемы исследования и прогнозирования национальной безопасности. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – Депонированная рукопись.

- Культурные факторы модернизации: Доклад. – М.; СПб.: Фонд «Стратегия 2020», 2011. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-5662.html> (Дата посещения: 03.11.2013.)
- Кынев А. Выживаемость рейтинга // Газета. ru. – М., 2009. – 23 сентября. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/23_x_3264205.shtml (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Лаборатория // Национальная лаборатория внешней политики. – Б. г. – Режим доступа: <http://www.nlvp.ru/laboratory> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Латухина К. ЕГЭ для губернаторов // Российская газета. – М., 2012. – 11 января. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/01/10/putin-site.html> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Левада Ю. Парадоксы и смыслы «рейтингов». Попытка понимания // Вестник общественного мнения. – М., 2005. – № 4. – С. 8–18.
- Левада Ю. Человек советский // ПОЛИТ. РУ. – М., 2004. – 15 апреля. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/> (Дата посещения: 24.09.2013.)
- Левинсон А. Дурное образование – хороший лифт // Отечественные записки. – М., 2012 а. – № 5. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/durnoe-obrazovanie---horoshiy-lift> (Дата посещения: 13.01.2014.)
- Левинсон А. О среднем классе в конце прекрасной эпохи // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссия. – М., 2008. – № 6. – С. 53–64.
- Левинсон А. Средний класс и кризис // ПОЛИТ. РУ. – М., 2009. – 26 февраля. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/02/26/levinson/> (Дата посещения: 17.09.2013.)
- Левинсон А. Это не средний класс – это все // Ведомости. – М., 2012 б. – 21 февраля. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/276199/eto_ne_srednij_klass_eto_vse#ixzz1n1XStEEQ (Дата посещения: 24.09.2013.)
- Левинсон А., Стучевская О., Щукин Я. О тех, кто называет себя «средний класс» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссия. – М., 2004. – № 5. – С. 48–62.
- Липский А. Ни шагу из колеи! // Новая газета. – М., 2011. – 15 февраля. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/7089.html> (Дата посещения: 06.07.2013.)
- Лукиянова Э. Слово редактора // Вечерняя Москва. – М., 2014. – № 114, 26 июня.
- Лысова Т. Кудрин: С ростом среднего класса в России назрела политическая реформа // Ведомости. – М., 2012. – 26 января. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1486218/kudrin_s_rostom_srednego_klassa_v_rossii_nazrela (Дата посещения: 22.12.2013.)
- Мага А. Патриарх Кирилл: единый учебник истории поможет преодолеть «исторический мазохизм» / ТАСС. – М., 2014. – 30 августа. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/obschestvo/1410442> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Макаренко Б. Рамки развития политической системы // Pro et Contra. – М., 2012 а. – Т. 16, № 4–5. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/proEtContra/?fa=50659> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Макаренко Б. Цена подавления протеста растёт // Ведомости. – М., 2012 б. – № 3160, 7 августа. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/08/07/novue_bonaparty (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Макарычев А. С. Взаимодействие политической и научной элит: Теория вопроса и практика Нижегородской области // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. – М.: МОНФ, 1999. – С. 197–209.

- Макарычев А.С.* Проектные сети, трансферт знаний и идея «обучающегося региона» // Pro et Contra. – М., 2003. – Т. 8, № 2 б. – С. 32–48.
- Макарычев А.С.* Экспертное сообщество России при президентстве В. Путина: Проблемы внутренней и внешней субъектности // Публичная политика – 2005: Сб. ст. – СПб.: Норма, 2006. – С. 94–99.
- Малин А.М., Мухин В.И.* Исследование систем управления. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 329 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/158193/> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Малинова О.Ю.* Еще один рынок? Образы коллективного прошлого, настоящего и будущего в современных дискуссиях о модернизации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 2. – С. 49–72.
- Малинова О.Ю.* Об опыте взаимодействия профессионального сообщества политологов с властью и гражданскими организациями // Публичная политика – 2006. Сб. статей / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2006. – С. 42–54.
- Малинова О.Ю.* Проблемы развития политической науки и «центры публичной политики» в России // Публичная политика-2005: Сб. ст. – СПб.: Норма, 2006. – С. 91–94.
- Малинова О.Ю.* Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: Анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Маринович А.* Создатели формы // Эксперт-Урал. – Екатеринбург, 2013. – № 13 (550), 1 апреля. – Режим доступа: <http://expert.ru/ural/2013/13/sozdateli-formyi/> (Дата посещения: 17.09.2013.)
- Мартынов К.* Наука плавности // Русский журнал. – М., 2011. – 30 марта. – Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Nauka-plavnosti> (Дата посещения: 11.07.2013.)
- Медведев Д.А.* «Свобода лучше, чем несвобода»: Дмитрий Медведев – о планах на 4 года // Российская газета. – М., 2008 а. – № 4595, 21 февраля. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/02/21/svoboda.html> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Медведев Д.А.* Выступление на церемонии вступления в должность Президента России // Президент России. – М., 2008 б. – 7 мая. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1> (Дата посещения: 12.01.2014.)
- Медведев Д.А.* Дмитрий Медведев: «Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали»: Эксклюзивное интервью... // Известия. – М., 2010. – 7 мая. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/361448> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Медведев Д.А.* Россия, вперед! // Президент России. – М., 2009. – 10 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Медведев Н.П.* Постсоветская Россия: модели модернизации. – М., 2011. – Режим доступа: http://www.souzpolitolog.ru/ru/political_modernization_2011.php (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Межуев Б.* Бег опальных принцев // Известия. – М., 2013. – 30 мая. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/551158> (Дата посещения: 31.05.2013.)
- Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и вузов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение: Доклад / Российский институт стратегических исследований. – М., 2014. – 97 с. – Режим доступа:

- https://www.oprf.ru/files/2014dok/doklad_ordzhonikidze24042014.pdf (Дата посещения: 12.06.2016.)
- Мигранян А.* Наши Передоновы // Известия. – М., 2014. – 3 апреля. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/568603> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Миллер А.* Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. / Под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012 а. – С. 328–367.
- Миллер А.И.* «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения // Полит. ру. – М., 2008. – 7 мая. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2008/05/07/miller/> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Миллер А.И.* Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. / Под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012 б. – С. 7–32.
- Миллер А.И.* Историческая политика: update // Полит. ру. – М., 2009. – 5 ноября. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/11/05/istpolit/> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Миллер А.И.* Политика памяти в России: год разрушений // Pro et Contra. – М., 2014. – № 4 (75). – С. 49–57.
- Миллер А.И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Pro et Contra. – М., 2013. – № 4 (71). – С. 114–126.
- Михайлов А.* Средний – это класс // Российская газета. – М., 2008. – 1 декабря. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/12/01/surkov.html> (Дата посещения: 7.02.2014.)
- Модернизация и политика в XXI веке / Отв. ред. Ю.С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – Режим доступа: <http://all-politologija.ru/knigi/modernizaciya-i-politika-v-xxi-veke-oganisyan> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Модернизация России как построение нового государства: Независимый экспертный доклад / Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К. / АПН. – М., 2009. – 30 октября. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article22100.htm> (Дата обращения 27.12.2010).
- Морозова Е.В.* Исследовательские и экспертные сети в профессиональном сообществе российских политологов // Каспийский регион: экономика, политика, культура. – Астрахань, 2012. – № 1. – С. 54–57.
- Морозова Е.В.* Управление изменениями как проблема политического менеджмента // Полис. Политические исследования. – М., 2010. – № 2. – С. 122–127.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В.* Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Полис. Политические исследования. – М., 2011. – № 1. – С. 140–152.
- Мухаметшина Е.* Кризис реальности // Ведомости. – М., 2016. – 5 февраля. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2016/02/05/626917-krizis-realnosti> (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Нагорных И.* ОНФ обвалил губернаторские рейтинги // Коммерсантъ. – М., 2015. – 30 марта, № 54. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2697614> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Нагорных И., Комаров Д.* Губернаторам запишут отдельной строкой бюджет // Коммерсантъ. – М., 2015. – 10 февраля, № 22. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2664235> (Дата посещения: 10.05.2015.)

- Научный семинар «Политическое измерение российской модернизации» / Фонд Либеральная миссия. – М., 2010. – 22 марта. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/4636> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна: АИРО-XXI, 2009. – 372 с.
- Никовская Л.И., Якимец В.Н. Политика региональных властей в России: Типы субъекты, институты и современные вызовы // Полис. Политические исследования. – М., 2011. – № 1. – С. 80–96.
- Никольский А., Гликин М., Товкайло М. Рука госпомощи // Ведомости. – М., 2013. – № 53 (3315), 28 марта. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/422861/ruka_gospomoschi (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Никонов В. Фронт исторических оптимистов // Российская газета. – М., 2013. – 14 июня. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/06/14/nikonov.html> (Дата посещения 12.07.2013.)
- Никонов В. Ярославль, Валдай, далее везде // Известия. – М., 2009. – 23 сентября. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/353341> (Дата посещения: 8.02.2014.)
- Новикова Е.А. Макаркин: «Необходимо извлечь урок» // ExpertOnline. – М., 2011. – 4 декабря. – Режим доступа: <http://expert.ru/2011/12/4/izvlech-yrok/> (Дата посещения: 9.02.2014.)
- О Комитете / Комитет гражданских инициатив. – Режим доступа: <http://komitetgi.ru/about/> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях / Центр политической информации. – М., 2014. – Режим доступа: http://polit-info.ru/images/data/gallery/0_9440_istorii_03-2014.pdf (Дата посещения: 22.02.2015.)
- О Центре / Центр стратегических разработок. – Режим доступа: <http://www.csr.ru/about-center> (Дата посещения: 03.06.2013.)
- Об Изборском клубе. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/opr/izborsk-c.php> (Дата посещения: 15.07.2013.)
- Образ истории: запрос власти и интересы общества // ПОЛИТ. РУ. – М., 2013. – 21 июня. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2013/06/21/history/> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Обращение к историкам – авторам школьных учебников // ПОЛИТ. РУ. – М., 2014. – 22 мая. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2014/05/22/history/> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Обретение будущего. Стратегия 2012 / Институт современного развития. – М., 2011. – 322 с. – Режим доступа: http://polit.ru/img/ggl/future2012_15_02_2011.pdf (Дата посещения: 02.11.2013.)
- Общественные функции политической науки в постсоветской России: Материалы научно-практического семинара, Москва, 19 апреля 2005 г. / Под ред. О.Ю. Малиновой. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2005. – 82 с.
- Общество и власть в условиях политического кризиса: Доклад экспертов ЦСР Комитету гражданских инициатив. – М., 2012. – 24 мая. – 110 с. – Режим доступа: <http://debri-dv.com/filedata/files/840.pdf> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Оппозиция нашего времени: Доклад Института общественного проектирования о состоянии и перспективах политической системы России / ИНОП. – М., 2011. – 14 с. – Режим доступа: http://www.inop.ru/files/inop_doklad_2011.pdf (Дата посещения: 22.12.2013.)

- Ослон А., Ципенюк О. «Я – наблюдатель. Это позиция» // Огонек. – М., 2013. – № 26, 8 июля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2214275> (Дата посещения: 26.09.2013.)
- Основные тезисы ежегодного доклада Института общественного проектирования «Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года» // ИНОП. – М., 2009. – 11 июня. – Режим доступа: http://www.inor.ru/files/4n_tezisi_2009_06_11.doc (Дата посещения: 22.12.2013.)
- Основные тенденции политического развития России в 2011–2013 гг.: Кризис и трансформация российского авторитаризма / Под ред. К. Рогова. – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/upload/files/Osnovnie%20tendentsii%20politicheskogo%20razvitiya.pdf> (Дата посещения: 27.09.2016.)
- От редакции: Суверенная экспертиза // Ведомости. – М., 2013. – № 93 (3355), 30 мая. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/460191/suverennaya_ekspertiza#ixzz2VEZn7dHx (Дата посещения: 31.05.2013.)
- Отречение от свободы // Независимая газета. – М., 2015. – 11 ноября. – Режим доступа: http://www.ng.ru/editorial/2015-11-11/2_red.html (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года»: Первый ежегодный доклад Института общественного проектирования. – М., 2009. – 56 с. – Режим доступа: http://www.inor.ru/files/Doklad_2009_mr.pdf (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Оценка социально-экономической и политической напряженности в регионах России за первое полугодие 2015 года (на 1 июля) / Комитет гражданских инициатив. – М., 2015. – 2 ноября. – Режим доступа: <https://komitetgi.ru/analytics/2563/> (Дата посещения: 10.09.2016.)
- Оценка социально-экономической и политической напряженности в регионах России на начало 2016 года / Комитет гражданских инициатив. – М., 2016. – 14 июня. – Режим доступа: <https://komitetgi.ru/analytics/2864/> (Дата посещения: 10.09.2016.)
- Павловский Г. Путин уже наигрался в единоличного преемника... // Собеседник. – М., 2016. – 31 августа. – Режим доступа: <http://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20160831-gleb-pavlovskiy-putin-uzhe-naigralsya-v-edinolichnogo-preemn/> (Дата посещения: 15.09.2016.)
- Пархоменко С. Свежие новости от ИТАР-ТАСС. – М., 2014. – 25 июня. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/serguei.parkhomenko/posts/10204005487726969> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Первые итоги партийной и избирательной реформ 2012 года: Аналитический доклад / Комитет гражданских инициатив. – М., 2013. – Январь. – Режим доступа: <http://komitetgi.ru/upload/iblock/336/336630c7c2a1ca04c5cf3afdf736f655.pdf> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Перегудов С.П. Корпорация, общество, государство. Эволюция отношений. – М.: Наука, 2003. – 352 с.
- Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. – М.: УРСС, 1999. – 352 с.
- Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 447 с.

- Перенджиев А.* Экспертные организации становятся серьезной политической силой в России // Политическое образование. – М., 2011. – 13 июля. – Режим доступа: http://www.lawinrussia.ru/node/28401#_ednref5 (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Петров Н.В., Титков А.С.* Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю. – М.: Московский Центр Карнеги, 2013. – 45 с. – Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (Дата посещения: 01.11.2015.)
- Пивоваров Ю.С.* Русская политическая традиция и современность / РАН. ИНИОН. – М., 2006. – 255 с.
- Пляйс Я.А.* Политология в контексте переходной эпохи в России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 448 с.
- По ту сторону «красных» и «белых». Союз патриотов-государственников России – требование истории, императив выживания: Доклад Изборскому клубу. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/1164/> (Дата посещения: 23.06.2016.)
- Подвинцев О.Б.* Губернаторы-«варяги» и региональные политические элиты в современной России // Политэкс. – СПб., 2009 а. – № 2. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/568/> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Подвинцев О.Б.* Российское сообщество политтехнологов: Состояние профессии, внутреннее самоощущение и внешний имидж // Сообщества как политический феномен / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009 б. – С. 78–94.
- Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007). – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 463 с.
- Политические институты в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 10–11 декабря 2010 г., Санкт-Петербургский государственный университет / Под общ. ред. С.Г. Еремеева, О.В. Поповой. – СПб.: ООО «Аллегро», 2010. – 406 с.
- Политические институты в современном мире: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 10–11 декабря 2010 г., Санкт-Петербургский государственный университет / Под общ. ред. С.Г. Еремеева, О.В. Поповой. – СПб.: ООО «Аллегро», 2010. – 406 с.
- Политические стратегии губернаторов-новичков, назначенных на свои посты в конце 2011–2012 гг.: Доклад. – М., 2013. – 23 сентября. – Режим доступа: http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/New_gubernatory_summary_final_23_04.pdf (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Политическое измерение российской модернизации: Научный семинар под руководством Е. Ясина. – М., 2010. – 23 марта. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2010/03/23/1217769690/Politi4eskoe_izmerenie_rossijskoj_modernizacii_24022010.pdf (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Политология в российских регионах. 1991–2000: Сборник материалов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 238 с.
- Поручения по итогам встречи Дмитрия Медведева с Экспертным советом при Правительстве РФ // Открытое Правительство. – М., 2015. – 1 июля. – Режим доступа: <http://open.gov.ru/events/5513610/> (Дата посещения: 20.09.2016.)

- Постановление Правительства РФ № 322 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 “Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации”» от 15 апреля 2009 г. – М., 2009. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135203/ (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Пояснительная записка к десятому выпуску Рейтинга эффективности губернаторов / Фонд развития гражданского общества. – М., 2015. – 20 октября. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/92> (Дата посещения: 23.10.2015.)
- Преподавание истории: от принципов к реализации / Асмолов А., Голубовский А., Данилевский И. и др. // ПОЛИТ. РУ. – М., 2013. – 18 сентября. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2013/09/18/history/> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Прогнозы 2020 // РБК. – М., 2014. – 23 декабря. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/story/54994e529a7947687c4a8ada> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Проект «Российская элита на оси политических координат» / Павловский Г., Орешкин Д., Гудков Л., Плюшев А., Шеварнадзе С. // Эхо Москвы. – М., 2014. – 8 октября. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/exit/1413520-echo/> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Прямые выборы губернаторов и система сбора муниципальных подписей в 2012 г.: влияние на развитие политической системы и направления совершенствования / ИСЭПИ. – М., 2012. – Ноябрь. – Режим доступа: http://www.isepr.ru/upload/Analiticheskii_doklad_PRJAMYE_VYBORY_GUBERNATOROV_I_SISTEMA_SBORORA_MUNICIPALNYKH_PODPISEI_V_2012_g..pdf (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» // Президент России. – М., 2008. – 8 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/43775> (Дата посещения: 19.01.2014.)
- Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. – М., 2012 а. – № 20/П (4805), 6 февраля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/1866753> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. – М., 2014. – 18 марта. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20603> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – М., 2012 б. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (Дата посещения: 13.12.2013.)
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. – М., 2007. – 26 апреля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24203> (Дата посещения: 5.02.2014.)
- Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. – М., 2012 с. – 27 февраля. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (Дата посещения: 02.11.2013.)
- Путинское большинство: Этапы формирования, структура, ценности / Фонд развития гражданского общества. – М., 2015. – 6 мая. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/79>
- Пятая волна: Почему средний класс мечтает сбежать из России / Гудков Л., Сурков С., Майерс М., Гребнева А. // ЭХО Москвы. – М., 2008. – 8 июля 2008. – Ре-

- жим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/figure/525381-echo/> (Дата посещения: 18.09.2013.)
- Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 27 марта 2014 года / Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. – 2014. – Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&Lang=R (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Результаты исследований аудитории СМИ. Сентябрь 2014 – февраль 2015 г. // Сайт компании TNS. – Режим доступа: <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/press/information/> (Дата посещения 23.05.15).
- Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в августе 2016 г. / Агентство политических и экономических коммуникаций. – М., 2016. – 8 сентября. – Режим доступа: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=3044 (Дата посещения: 10.09.2016.)
- Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в апреле 2015 года / Агентство политических и экономических коммуникаций. – М., 2015. – 6 мая. – Режим доступа: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=1833 (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в январе 2012 года // Независимая газета. – М., 2012. – 7 февраля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/regions/2012-02-07/5_ratings.html (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Рейтинг политической выживаемости губернаторов. – М., 2007. – 13 августа. – Режим доступа: http://www.stratagema.org/exclusive/rates/rate_286.html (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Рейтинг эффективности губернаторов. Восьмой выпуск / Фонд развития гражданского общества. – М., 2015. – 10 февраля. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/73> (Дата посещения: 22.10.2015.)
- Рейтинг эффективности губернаторов. Девятый выпуск / Фонд развития гражданского общества. – М., 2015. – 9 июня. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/85> (Дата посещения: 22.10.2015.)
- Рейтинг эффективности губернаторов. Десятый выпуск / Фонд развития гражданского общества. – М., 2015. – 20 октября. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/92> (Дата посещения: 22.10.2015.)
- Рейтинг эффективности губернаторов. Первый выпуск / Фонд развития гражданского общества. – М., 2012. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/46> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Рейтинг эффективности губернаторов. Четырнадцатый выпуск / Фонд развития гражданского общества. – М., 2016. – 19 июня. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/101> (Дата посещения: 10.09.2016.)
- Ремчуков К.* Еще раз о спасении среднего класса // Независимая газета. – М., 2008. – 12 декабря. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2008-12-12/5_regions.html (Дата посещения: 8.02.2014.)
- Римский В.Л., Сунгуров А.Ю.* Российские центры публичной политики: Опыт и перспективы // Полис. Политические исследования. – М., 2002. – № 6. – С. 143–150.
- Роганов С.* Новые «приложения» // Известия. – М., 2012. – 8 августа. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/532485> (Дата посещения: 10.08.2013.)
- Роль СМИ в устранении рассогласованности «повесток дня» в России: К постановке проблемы. Теоретический семинар Саратовского РО РАПН // Политическое

- управление: Научный информационно-образовательный электронный журнал. – Тамбов, 2012. – № 01(02). – С. 5–25. – Режим доступа: <http://www.pu.virmk.ru/arhiv/2012/01/02.pdf> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Российские средние классы накануне и на пике экономического роста / А.Е. Шаститко, С.Б. Авдашева, М.А. Овчинников, Т.М. Малева, Л.Н. Овчарова. – М.: Экон-Информ, 2008. – 200 с. – Режим доступа: http://www.insor-russia.ru/files/middle_class_2.pdf (Дата посещения: 9.02.2014.)
- Россия XXI века: образ желаемого завтра / ИНСОР. – М.: Экон-информ, 2010. – 66 с. – Режим доступа: http://www.insor-russia.ru/files/Obraz_gel_zavtra.pdf (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Савинов Л.В. Российская политология и ее наукометрические показатели // Полис. Политические исследования. – М., 2012. – № 3. – С. 151–162.
- Савина А., Твердов П. В этой чудесной стране люди будут жить долго и счастливо // Независимая газета. – М., 2012. – 25 апреля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-04-25/1_perspektivy.html (Дата посещения: 22.12.2013.)
- Святенков П. Институт двухпартийной экспертизы // Русский журнал. – М., 2009. – Вып. 26 (40), 16 ноября. – С. 13.
- Серунин А.А. Российская внешнеполитическая мысль. – Н. Новгород: НГЛУ, 2003. – 90 с.
- Сморгунов Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // Полис. Политические исследования. – М., 2003. – № 4. – С. 50–58.
- Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – СПб., 2011. – Вып. 4. – С. 85–96.
- Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. Политические исследования. – М., 2001. – № 3. – С. 103–112.
- Сохранение памяти о жертвах ГУЛАГа могут признать формальностью, ведущей к неоправданным бюджетным тратам // Newsru. – М., 2014. – 27 июня. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/27jun2014/gulag.html> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Стенограмма круглого стола «Новая социальная доктрина России: Как сделать большинство граждан России средним классом» / ИНОП. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.inop.ru/files/21%2004%2008%20%20stenogramma.doc> (Дата посещения: 22.12.2013.)
- Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Президент России. – М., 2011. – 1 февраля. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/10194> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Стратегия – XXI: версия для обсуждения / СВОП. – М., 2014. – Режим доступа: <http://svop.ru/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B/stategy-xxi/9997/> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Стратегия Большого рывка: Доклад Изборского клуба. – 2012. – Октябрь. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/975/> (Дата посещения 15.07.2013.)
- Субботин И. Уголовного дела не будет! Силовики ослабили давление на музей «Пермь-36». «Этому предшествовало совещание в администрации президента» // URA.RU. – Пермь, 2014. – 3 октября. – Режим доступа: <http://ura.ru/content/perm/03-10-2014/news/1052191538.html> (Дата посещения: 22.02.2015.)

- Сулакишин С. Русский Кремль, бессмысленный и беспощадный / Центр научной политической мысли и идеологии. – М., 2016. – 23 марта. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/forecast/russkiy-kreml-bessmyslennyy-i-besposchadnyu> (Дата посещения: 17.19.2016.)
- Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 383 с.
- Сунгуров А.Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. Политические исследования. – М., 1999. – № 6. – С. 34–48.
- Сунгуров А.Ю. Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений // Публичная политика 2005: Сб. ст. – СПб.: Норма, 2006. – С. 7–14.
- Сунгуров А.Ю. Центры публичной политики: Возможные направления анализа деятельности и основные функции // Публичная политика – 2004 / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2004. – С. 59–65.
- Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. I. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт// Полис. Политические исследования. – М., 2012 а. – № 1. – С. 165–178
- Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. II. Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис. Политические исследования. – М., 2012 б. – № 4. – С. 99–116.
- Сурначева Е., Габуев А. Кремлевские советологи // Власть. – М., 2012. – № 24 (978), 18 июня. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1958059> (Дата посещения: 26.06.2013.)
- Суслов М.Д. Прошлое и будущее в историческом воображении современной Русской православной церкви // Прошлый век: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Миллер А.И., гл. ред., и др. – М., 2013. – Вып. 1. – С. 133–157.
- Титков А.С. Политические регионалисты 1990-х – 2000-х: динамика аналитического сообщества // Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / Отв. ред.: Н.Ю. Беляева; науч. ред.: Д.Г. Зайцев, Ш.Ш. Какабадзе. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 110–121.
- Толтыгина О.А. Партии как производители политических идей // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О.Ю. Малиновой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 190–210.
- Торкунов А. О парадоксах и опасностях «исторической политики» // Независимая газета. – М., 2008. – 18 июля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2008-07-18/7_istpolitika.html (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Трушков В. Газета «Правда». Размышления по поводу одного многозначительного «анализа и обобщения» Российского института стратегических исследований. – М., 2014. – 18 апреля. – Режим доступа: <https://kpfrf.ru/party-live/opinion/130441.html> (Дата посещения: 12.06.2016.)
- Указ Президента РФ № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 21.08.2012. – М.,

2012. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35958> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Указ Президента РФ № 579 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности» от 13 мая 2010 г. – М., 2010. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/198220/> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Указ Президента РФ № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 28.06.2007. – М., 2007. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25729> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Указ Президента РФ от 15.05.2009 № 549 «О комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». – М., 2009. – Режим доступа: <https://rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Уроки девяностых: Положение о конкурсе библиотекарей «Время Гайдара» в 2012–2013 годах. – М., 2013. – Режим доступа: <http://rud.exdat.com/docs/index-691774.html> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Фадеева Л.А.* Ответственность интеллектуалов: Краеугольный камень или камень преткновения интеллектуального сообщества? // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – Пермь, 2007. – Вып. 2. – С. 11–18.
- Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // Российская газета. – М., 2012. – 4 мая. – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/05/04/gubernatori-dok.html> (Дата посещения: 10.09.2016.)
- Федоров В.* «Россияне не понимают, чего хотят белоленточные смутьяны» // ExpertOnline. – М., 2012 г. – 28 декабря. – Режим доступа: <http://expert.ru/2012/12/28/valerij-fedorov-rossiyane-ne-ponimayut-cto-hotyat-belolentochnyie-smutyanyi/> (Дата посещения: 1.10.2013.)
- Федоров В.* «Рубеж года – это рубеж эпох» // ExpertOnline. – М., 2011. – 26 декабря. – Режим доступа: <http://expert.ru/2011/12/26/rubezh-goda---rubezh-epoch/> (Дата посещения: 1.10.2013.)
- Федоров В.* Средний класс в России: вчера, сегодня... завтра? // Эксперт Юг. – Ростов-на-Дону, 2012 а. – № 1, 24 декабря. – Режим доступа: http://expert.ru/south/2013/01/srednij-klass-v-rossii-vchera-segodnya__-zavtra/ (Дата посещения: 06.10.2013.)
- Федоров В., Бадковский Д.* Форум «Единой России»: Формирование среднего класса в России / ВЦИОМ. – М., 2008. – 22 августа. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=10562> (Дата посещения: 14.09.2013.)
- Филиппов А.В.* Новейшая история России, 1945–2006 гг.: Книга для учителя. – М., 2007. – 494 с.
- ФОРГО презентовал десятый выпуск Рейтинга эффективности губернаторов / Фонд развития гражданского общества. – М., 2015. – 20 октября. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/event/108> (Дата посещения: 23.10.2015.)

- Цели развития тысячелетия в России: Взгляд в будущее: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. – М., 2010. – 156 с. – Режим доступа: http://www.undp.ru/nhdr2010/National_Human_Development_Report_in_the_RF_2010_RUS.pdf (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Цыганков П.А., Цыганков А.П. Между западничеством и национализмом: российский либерализм и международные отношения // Вопросы философии. – М., 2005. – № 1. – С. 3–18.
- Чадаев А. Драматургия 2011-го // Взгляд. – М., 2011. – 21 марта. – Режим доступа: <http://vz.ru/opinions/2011/3/21/477289.html> (Дата посещения: 02.11.2013.)
- Черняховский С. «Пойдя навстречу “новым либералам”, власть теряет поддержку большинства» // KM.RU – М., 2013 г. – 27 сентября. – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/09/27/sergei-sobyanin/721619-poidya-navstrechu-novym-liberalam-vlast-poteryaet-podderz> (Дата посещения: 8.02.2014.)
- Черняховский С. У них другое отечество // Изборский клуб. – М., 2013 г. – № 9. – С. 110–111.
- Чеснаков А. Шестью шесть // Известия. – М., 2012. – 10 мая. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/524018> (Дата посещения: 25.05.2012.)
- Чубайс А.Б. Миссия России в XXI веке // Независимая газета. – М., 2003. – 1 октября. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2003-10-01/1_mission.html (Дата посещения: 22.09.2016.)
- Шароян С. Греф причислил Россию к «странам-дауншифтерам» // РБК. – М., 2016. – 15 января. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/15/01/2016/5698b96c9a7947773e662209> (Дата посещения: 17.10.11.2016.)
- Швед В. Институт исторической памяти // Хронос. – М., 2008. – 8 января. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2008/shwed_pam.html (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Шевцова Л. С царем в голове // Новая газета. – М., 2013. – № 10, 30 января. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/56477.html> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Шестопал Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Полис. Политические исследования. – М., 2011. – № 2. – С. 8–24.
- Школьный учебник истории и государственная политика / Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). – 2013. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/library/monographs/shkolnyj-uchebnik-istorii-i-gosudarstvennaja-politika> (Дата посещения: 22.02.2015.)
- Шлосберг Л. Взаимодействие российских центров публичной политики с региональными элитами в контексте проблем регионального развития // Публичная политика в сфере мягкой безопасности: балтийское измерение: Сб. ст. – СПб.: Норма, 2003. – С. 37–46.
- Шубенкова А. Программно-стратегические документы в государственной политике Российской Федерации: институциональный анализ: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: НИУ-ВШЭ, 2014. – 201 с. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2014/06/17/1310010189/%D0%A8%D0%A3%D0%91%D0%95%D0%9D%D0%9A%D0%9E%D0%92%D0%90%20%D0%94%D0%98%D0%A1%D0%A1%205.pdf> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Шубин А.В. История Новороссии. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2014. – 480 с.
- Шумакова Е. «Игреки» – представители инновационного слоя / ФОМ. – М., 2008. – 23 июня. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/innovacyi/pprezsh2606> (Дата посещения: 17.09.2013.)

- Экспертиза в социальном мире: От знания к деятельности / Под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – 454 с.
- Экспертное сообщество: Странные агенты // Ведомости. – 30.05.2013, № 93 (3355).
Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/459691/strannye_agenty#ixzz2VEbgEVWJ (Дата посещения: 31.05.2013.)
- Экспертный доклад Института современного развития предлагает вернуть выборы губернаторов и сделать выборным Совет Федерации // РБК. – М., 2010. – 10 февраля. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/digest/index.shtml?aif/2010/02/10/32702478> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Юргенс И. «Визави с миром» // Радио «Голос России». – М, 2012 а. – 21 июля. – Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/2227329/82716670/ (Дата посещения: 13.07.2013.)
- Юргенс И. «До каких пор мы должны быть Византией?»: Интервью директора ИнСОРа // Независимая газета. – М., 2010. – 16 марта. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2010-03-16/9_yurgens.html (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Юргенс И. Средний класс: не искать, а поддерживать // Независимая газета. – М., 2008. – 12 декабря. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2008-12-12/5_contract.html (Дата посещения: 8.02.2014.)
- Юргенс И. Счет в пользу консерваторов // Лента. ру. – М., 2012 б. – 19 ноября. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2012/11/19/jurgens/> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Яковлева Е. Скромный отпуск / ВЦИОМ. – М., 2006. – 19 июня. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=2756> (Дата посещения: 17.09.2013.)
- Ясин Е. Без демократии у России нет будущего. – М., 2015 а. – 25 сентября. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2015/09/25/democracy/> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- Ясин Е. Почему \$100 за баррель не спасут российскую экономику // РБК. – М., 2015 б. – 28 января. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/28/01/2015/54c7881f9a7947b1e9d1f2dd> (Дата посещения: 17.11.2015.)
- 2014 Global go to think tanks: Index report / University of Pennsylvania. – Philadelphia, PA, 2015. – 171 p. – Mode of access: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks (Дата посещения: 02.05.2015.)
- Atnashev T. Transformation of the political speech under Perestroika. Free agency, responsibility and historical necessity in the emerging intellectual debates (1985–1991): PhD dissertation. – Florence: EUI, 2010. – Из личного архива А.И. Миллера.
- Blake A. The nation's 10 most popular governors – and why // The Washington post. – Washington, D.C., 2012. – 4 November. – Mode of access: http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/post/the-nations-10-most-popular-governors--and-why/2012/04/11/gIQA9dlzAT_blog.html (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Cohen B. Popular governors, and prospects for 2016 // The New York Times. – N.Y., 2013. – 28 May. – Mode of access: http://fivethirtyeight.blogs.nytimes.com/2013/05/28/popular-governors-and-prospects-for-2016/?_r=0 (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Dijk, van T.A. Ideology: A multidisciplinary approach. – L.: Sage, 1998. – 365 p.
- Gonsalez M. America is ill-served by its government-funded area studies and foreign policy programs // The Heritage Foundation. – Washington, D.C., 2014. – August 25. – Mode of access: <http://www.heritage.org/research/reports/2014/08/america-is-ill-served-by-its-government-funded-area-studies-and-foreign-policy-programs> (Дата посещения: 02.05.2015.)

- Haas P.A.* Introduction: Epistemic communities and international policy coordination // International organization. – Cambridge, MA, 1992. – Vol. 46, N 1. – P. 361–392.
- Ilyin M., Malinova O., Patrushev S.* Political science in Russia: Development of a profession // Political science in Central-East Europe: Diversity and convergence. – Opladen etc.: Barbara Budrich Publishers, 2010. – P. 231–250.
- Kaczmariski M.* Domestic power relations and Russia's foreign policy // Demokratizatsiya: The journal of post-Soviet democratization. – Washington, D.C., 2014. – Vol. 22, N 3. – P. 383–409.
- Pro et Contra. – M., 2009. – N 3–4 (46). – 168 c.
- Sakwa R.* The crisis of Russian democracy. The dual state, factionalism and the Medvedevs succession. – Cambridge, N.Y.: Cambridge univ. press, 2011. – 398 p.
- Stone D., Denhem A.* Think tank traditions: Policy analysis across nations. – Manchester: Manchester univ.press, 2004. – 336 p.
- Sullivan S., Blake A.* The most popular governor in the country? You probably haven't heard of him // The Washington post. – Washington, D.C., 2014. – 21 February. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2014/02/21/the-fixs-10-most-popular-governors/> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- The worldwide governance indicators 1996–2013. – 2016. – Mode of access: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports> (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Trent J.E.* Issues and trends in political science at the beginning of the 21st century: Perspectives from the World of political science book series // The world of political science: A critical overview of the development of political studies around the globe: 1990–2012 / Ed. by J. Trent, M. Stein. – Opladen etc.: Barbara Budrich Publishers, 2012. – P. 91–153.
- Zaytsev D.G.* Analytical communities in the local policy process: Creating self-identity // International journal of business and social science. – Radford, Va., 2012. – Vol. 3, N 5. – P. 208–221.

РОЛЬ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор Л.Н. Казиминова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 6/ХП – 2016 г. Формат 60 х84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 11,5 Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 300 экз. Заказ № 173

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий**

Тел. / Факс: (925) 517-36-91

E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru

(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

